Б-6176

А. Д. КОЛОТОВИЧ

Дороги моей юности

ЛУГАНСК
1961

А. Д. КОЛОТОВИЧ

ДОРОГИЕ МОИ КРАСНОДОНЦЫ

Воспоминания учительницы

Луганское областное издательство
1961

К 61
ЗКСМІ

Книга «Дорогие мои краснодонцы» — воспоминания о работе в Краснодонской школе им. Ворошилова, о школьных годах Сергея Тюленина, Любы Шевцовой и других молодогвардейцев. Анна Дмитриевна Колотович — учительница и воспитатель многих краснодонских ребят, впоследствии активных участников подпольной организации «Молодая гвардия». Она встречалась и с руководителями партийного подполья в Краснодоне — Лютиковым и Бараковым. Воспоминания о работе в школе и этих встречах в довоенный период и в дни Великой Отечественной войны даются в форме связанных между собою рассказов. Многие страницы книги посвящены педагогическому опыту и организации внешкольной работы.

Я, учительница когда-то безвестной школы, решила написать записки о прошлом. О том, как возникла эта смелая мысль, сказать трудно. Видимо, у каждого, кто пройдет длинный жизненный путь появляется подобное желание. Каждый старается передать свой опыт подрастающему поколению. Желание писать, рассказывать, делиться самыми сокровенными мыслями иногда буквально не дает покоя. Но у меня было еще и другое.

Мой город, маленький и скромный, трудовой и обычный, стал знаменитым. Принесли ему громкую славу юные граждане, мои школьные питомцы, создавшие во время Великой Отечественной войны под руководством коммунистов удивительно крепкую и несгибаемую подпольную организацию со звонким именем «Молодая гвардия». Подвиги их были настолько смелыми и патриотичными, что привлекли к себе внимание всего народа и, я не боюсь сказать, потому что знаю много свидетельств тому,— внимание всего мира. Писатели, художники, кинематографисты были очень долгое время и остаются до сих пор под впечатлением истории возникновения и борьбы «Молодой гвардии» Краснодона. Многие дни в городе провел писатель А. Фадеев, создавший затем великолепный роман о краснодонцах. Чудесный советский художник Соколов-Скаля, перед тем как отправиться на воссоздание знаменитой Севастопольской картинной галереи, несколько дней провел в этом городе. Я не хочу связать один замысел художника с другим, но виденный мною этюд с натуры шурфа шахты № 5 свидетельствовал со всей полнотой о настроении художника, думавшего в те дни над воплощением в искусстве трагедии и бессмертия подвига героев. Известный советский кинорежиссер Сергей Герасимов с вдохновением работал в Краснодоне над созданием фильма о «Молодой гвардии». Скульпторы В. Мухин, В. Федченко и В. Агибалов создали монументальный памятник краснодонским героям, который сейчас стоит в центре города.

Краснодон посещали и посещают поныне многочисленные делегации советской и зарубежной молодежи. На конвертах писем, которые идут в адрес города, стоят штампы самых различных городов нашей страны, Китая, Кореи, многих стран Европы и Америки.

И вот в связи со всем этим появилась мысль о записках. Но почему? Разве не достаточно рассказано, разве перо мое может сравниться с пером выдающихся мастеров литературы, разве я могу дополнить хоть чем-нибудь то, что уже один раз взволновало людей?

Нет, вовсе не поэтому. Меня заставили взяться за перо мои собственные мысли. Я часто задумывалась над тем, откуда же взялась сила и отвага у моих питомцев, моих знакомых, друзей и товарищей по работе. Некоторые очень просто объясняют героизм исключительными событиями минувшей жизни. Я не могла этого сделать. Сколько я ни припоминала событий прошлого, каждое из них казалось мне самым обычным, вовсе не каким-то исключительным, которое затем обязательно должно вылиться в героизм. Всякий раз в воспоминаниях я видела обычную жизнь. Но ведь эта обычная жизнь формировала характер, любовь, склад мышления, привязанность и стойкую преданность идее. Значит, надо, наверное, и рассказывать о ней, и тогда образы героев постепенно обрастут материалом совершенно необходимым для их реального звучания. Может быть, сложив воедино все то, что было раньше, яснее увидишь общую картину.

Писала я для себя, а получилось обращение к другим. Многое обычное представлялось мне законом нашей советской жизни. И скрывать эти «открытия» я не имела права. Возможно, не все, что представляется мне, точно и непререкаемо. Но, поставив точку в конце описания жизни краснодонцев, я уже не сомневалась, что мои невыдуманные герои выглядят в описании людьми честными, преданными Родине и партии, и со всей ясностью представляла, что такими их сделало новое время, новая школа, новое общество. Вполне жизненными и неизбежными показались юношеские заблуждения, трудности школьной и комсомольской жизни и даже первые мои дни в Краснодоне, полные неизвестности и даже огорчений...

НАЗНАЧЕНИЕ

В августе 1937 года я получила назначение учителя-биолога в школу-новостройку Краснодонского рудника. В двадцати километрах от него я родилась и провела детство, следовательно, места мне были знакомы.

Со станции Верхне-Дуванная я пересела в вагончик, что курсировал между станцией и рудником. Остановка оказалась у парка, которому, я знала, было девять лет. Это горняки-комсомольцы оборудовали место отдыха, посадив парк на тридцати двух гектарах — липы, клены, ясени, кустарники жасмина, бирючины, желтой акации, сирени...

Хороший, приятный уголок для отдыха.

Жизнь в Краснодоне била ключом. Как грибы после дождя росли здания. Появлялись новые улицы. Над привычными для глаза одноэтажными приземистыми домиками поднимались белокаменные двухэтажные. И вид поселка сразу изменялся, приобретая городские черты.

Все учреждения из Первомайского поселка, что находился в двух километрах от рудника, перешли сюда. Для всех нашлось место.

Краснодон строился, рос, шел в ногу со всей страной.

Старожилы говорили, что до 1912 года всюду здесь была голая степь, прилегающая к речке Каменке, по берегам которой мостились казачьи хутора. На скудной почве с целинными залежами росли мелкий полынь да сухие колючие травы с ковыльной проседью. В мае степь оживала. По ней бродили с сумками через плечо ветхие старухи и старики, собирая лекарственные травы. Земля принадлежала казакам и казачьим офицерам станицы Гундоровской. В 1913 году здесь появилась какая-то

французская компания, которая взяла землю в аренду у казаков сроком на 29 лет.

— Вот мы тогда попировали,— вспоминал как-то один старичок.— Как вызовут, бывало, на станичный сбор, ну, знать, два-три дня гулять будем. Поставят тут же бочонки с водкой, кружки — пей сколько душа принимает!

Ловко окручивали станичников французские компаньоны, закупавшие землю.

Скоро появились в степи воротки с конными приводами. Потянулись на-гора ящики-вагонетки. Появились казармы с узкими подслеповатыми окнами, недоставало только решеток на окнах — настоящая тюрьма. Война 1914—1918 годов остановила работу французской компании, а потом Советское правительство аннулировало договор, передав землю трудящимся.

В 1918 году по этим местам ходил партизанский отряд Василия Анохина. Смелые, преданные народу и Родине люди воевали в этом отряде. Много хорошего они сделали для шахтеров. А самое главное — они старались сохранить шахты, понимая, насколько это важно для молодой Советской Республики.

Закончилась гражданская война, наступил мир, задымили трубы заводов, и сбереженный для народа Краснодонский рудник приобрел вес во всей работе донбасских шахт. Здесь добывались коксующиеся угли особенной ценности. Началась техническая реконструкция шахт. В 1937 году одна из самых крупных — шахта № 1-бис — получила новое сложное оборудование. Вокруг шахты рос поселок нового типа. Когда-то на пустырях стояли только восемь невзрачных домиков. А с 1937 года начали строить новые удобные домики, получившие название «стахановских». Но название поселка — «восьмидомики» — еще надолго удерживалось за этим местом. Часто можно было услышать: — «Я была на восьмидомиках!» Строительство развивалось настолько стремительно, что люди не успевали отвыкать от старых названий. Выросло здание клуба им. Горького, красивой для того времени архитектуры. Около клуба зазеленел скверик, появились такие необычные для шахтных поселков вещи, как фонтаны, скульптуры, цветники. Надо знать прежнюю шахтерскую жизнь, чтобы представить

всю значительность этих перемен в личном и общественном быту. Все теперь привыкли к таким учреждениям, как детский садик или детские ясли. А тогда невозможно было пройти мимо тех домов, где они размещались, не умилиться картинками беззаботной и радостной детской жизни.

Капитальная шахта № 1-бис, шахта 2—4, шахта 15, 2-бис — все это в конце концов стало образовывать одно сплошное целое, имя которому было город Краснодон. Исчезла граница между Первомайским поселком и рудником. Картина была настолько разительна по сравнению с воспоминаниями прошлых лет, что я сначала с удивлением, а потом с чувством законной радости и гордости за свою Родину смотрела на все окружающее, и такими милыми казались стандартного вида домики, утопающие в зелени, что у меня на глазах появлялись слезы.

Вот сюда-то, в школу-новостройку Краснодонского рудника я и получила назначение. Еще подъезжая к станции Верхне-Дуванная, я пыталась узнать у старожилов рудника, где же это здание — «новостройка», но, беспомощно разводя руками, мне никто ничего «толком» не говорил.

— Строится у нас в Краснодоне школа? Построек много, а которая из них школа и не знаем.

Если это была женщина, в оправдание, позже добавляла:

— У меня детей нет, так я и не спрашивала...

Проходя поселком, я увидела недостроенное здание, похожее на школу.

— Что это строится?— спросила я у ребят.

— Школа! — чуть не хором ответили они.

— А старая где?

— Вон там! — и они указали на очень ветхое здание, оставшееся от постройки первых дней закладки рудника.

Конечно, надо было идти в это старое здание. Новое — пока стояло в лесах.

Встретил меня директор Ю. Ю. Анисимов, человек среднего возраста, свято относящийся к каждой бумажке, которая именуется документом. Выслушал он меня внимательно. Но в итоге потребовал документ о назначении.

— Говорить, конечно, можно, однако документик положен...

Я предъявила назначение.

— Химик-биолог,— читал вслух Анисимов, поглядывая то на бумажку, то на меня с явным недоумением.— Странно...

— Что, собственно, странно?

Анисимов продолжал читать, затем повернул бумажку на свет, посмотрел с другой стороны, и лишь тогда процедил медленно, с расстановкой.

— Есть у нас химик-биолог. Видимо, не успели сообщить в область... А, впрочем, мое дело сторона! — бодро заключил он и возвратил назначение.

— А может быть, лучше вернуться?

Анисимов растерянно посмотрел на меня.

— Зачем же возвращаться?.. Назначение по всей форме. Область старше района. Значит, все, так сказать, по форме.

Трудно было что-либо противопоставить такой логике. Сколько я ни пыталась завязать более серьезный разговор, Анисимов оставался непреклонным, тут же написал приказ о зачислении на работу и тут же сочинил второй — о предоставлении мне недельного отпуска.

— Будем работать, товарищ Колотович.

И как ни странна была встреча, призыв к работе нашел в моем сердце горячий отклик. Мне хотелось поскорее приступить к делу, встретиться с ребятами и избавиться от хлопот, связанных с устройством.

Не все, однако, этим закончилось. Нужно было устраиваться с квартирой. Анисимов сказал:

— Дело это серьезное,— вид его при сем был соответствующий.

Мне стало грустно.

— Надо идти к начальнику шахты один-бис. Пойдете вместе с товарищем Фирсовым. Он умеет разговаривать с начальством.

Что ж, теперь я понимаю всю сложность положения начальника шахты Бондаренко: ему прежде всего надо было устраивать на квартиры рабочих и инженеров, а об учителях он и не думал. Но тогда, признаюсь, показался он мне недалеким человеком.

Большая очередь стояла у кабинета товарища Бондаренко.

Пристроились к ней и мы. Фирсов — впереди, а я уже за ним, надеясь на его умение «разговаривать с начальством». Наконец, дверь открылась и для нас. Мы оказались перед человеком с усталыми глазами, спокойным и не таким уж суровым, как мне представлялось до этого, лицом.

Фирсов начал излагать обстоятельства дела. Перебив его, Бондаренко заявил:

— Квартиры есть на Шевыревке, вот и устраивайте там своего работника...

— Это ведь в пяти километрах от школы!

— Ну и что же, наша счетная часть и рабочие живут же там.

— А ваши техники и инженеры тоже живут на Шевыревке?— спросила я, не дождавшись возражений Фирсова.

Бондаренко усмехнулся.

Довод серьезный. Но я все же надеялась на Фирсова. Бондаренко просто не знает труда учителя, ему надо растолковать. Ведь учитель сидит не только в школе, ему необходимо побывать на квартирах учеников, встречаться с родителями.

— Так то техники, а вы учитель...

После этих слов, обидных и несправедливых, я не могла уже участвовать в разговоре. Лучше было уйти.

Уж очень, наверное, необычный был вид у меня, когда я возвратилась в школу, потому что все сразу принялись меня утешать.

— Если бы легко было, он и разговаривать не стал...

— За год построили столько, сколько и за пятьдесят лет не строили, а все равно не хватает.

И наконец одна из учительниц подошла с советом.

— Вам нечего так волноваться, надо «завоевывать» квартиру.

Что это значило, я вначале не поняла. Но она сразу же изложила свой план. Сестра этой учительницы построила домик, в который собиралась переходить буквально на днях, надо было поселиться в этой квартире до того, как оттуда выберутся, а потом уже раздобывать ордер. Нехорошо, конечно. Но для меня блеснул светлый луч надежды, я начала ждать.

Прошла неделя.

Однажды учительница таинственно сообщила: перебираются! С помощью Ивана Мартыновича Кравченко,

прежнего владельца квартиры, я сразу же ринулась на «завоевание». Не успела занести туда последний стул, как появилась уверенность в правоте. Я ходила единственной, безраздельной хозяйкой по комнате. Но дверь, как и советовали, держала на крючке. Медленно тянулись минуты. Я все обдумывала, правильно ли поступила, и каждый раз с облегчением вспоминала слова Ивана Мартыновича, сказанные им на прощанье:

— Когда-нибудь, наверное очень скоро, мы все будем с улыбкой вспоминать, как завоевывали квартиры. А сейчас разве разберешься, кому нужнее. Деваться вам некуда — живите. Вот увидите, на эту квартиру выпишут не меньше трех ордеров.

Послышался резкий стук в дверь. Следуя совету и не открывая дверь, я спросила:

— Кто?..

— Откройте!

— Кто вы!

— Квартирный десятник!

Я не помнила, советовали ли мне открывать дверь десятнику и, на свой риск, откинула крючок.

— Почему вы самовольно заняли квартиру?

Я ждала худшего и была удивлена, что человек разговаривал сравнительно вежливо, как будто выполнял необходимую обязанность.

Вежливость эта стала понятной только тогда, когда он вскользь заметил, что его девочка учится в пятом классе, в том самом классе, в который назначили меня руководом.

А может быть, отнесся он ко мне с сочувствием и по другой причине. Ведь квартирный десятник видел куда больше других, как трудно было людям без квартир. В конце концов он помог мне получить ордер на квартиру. О, мудрый Иван Мартынович, это был третий ордер! Бондаренко подписал его на сей раз без всяких возражений: живет — пускай живет...

Мне оставалось совсем немного — подождать, пока явятся еще два претендента. Но они так и не явились. Видимо, всем стало ясно, что учительница имеет полное право начинать вместе с рабочими, инженерами и техниками строить шахту, закладывать основу будущему, о котором только и разговоров было в те незабываемые заревые дни строительства в Донбассе.

ПЯТЫЙ КЛАСС

Началась работа. Уроки, встречи, знакомства, первые трудности, в которых, конечно, никто не был виноват.

Начальная школа шахты № 5 имела только четыре своих класса. В 5—7-ой классы принимали ребят из школы им. 19 МЮДа и школы им. Горького. Набор предполагали проводить по территориальному признаку. Но это было де-юре, де-факто дело обстояло несколько иначе. Все организованные, хорошо успевающие учащиеся оставались на местах. К нам попали ребята еле терпимые в школе. Новое здание школы им. Ворошилова еще достраивалось, и они пришли в старые классы, забитые партами, иногда с единственным проходом для учителя.

Пятый «В» стал моим подшефным классом.

Меня встретило море различного цвета голов, стриженых и нестриженых, а больше вылинявших за лето, с вопросительно любопытными глазами.

— Зовут меня Анна Дмитриевна, фамилия моя Колотович...

Смешок, ибо где-то в углу послышалось примерно: «вич, вич, перевич...»

Сказала я им о том, что поведу их до седьмого, а то и до десятого класса, что жить нам нужно дружно, каждому добросовестно выполнять свои обязанности...

— А ваши какие обязанности, наказывать нас? — спросил белоголовый мальчик и сразу скрылся. То ли под парту он нырнул, то ли поменялся местом с соседом.

Я ждала.

— Ну, кто же это предложил мне вопрос и сам на него ответил?

Ребята молчали. Спросивший не отзывался тоже. Я решила продолжать беседу и искала возможность полностью овладеть вниманием класса. Девочки слушали, слушали и ребята, но не все, многие были заняты «своими делами» и старались показать, что все происходящее не интересует их.

Мог помочь прямой вопрос. Но какой? Необходимо немедленно втянуть ребят в общую беседу, тогда станет легче.

— Получали вы летние задания?

Тишина. Никто не отвечает. В это время кто-то выкрикнул:

— Пора на перемену! Надоело!

Я увидела «храбреца» и спросила его фамилию.

— Не знаю,— грубо отвечал он.

Повернувшись к другому мальчику и стараясь оставаться спокойной, обратилась к нему:

— Он забыл свою фамилию, скажи ты.

— Я тоже не знаю,— отвечал он, уставившись на меня дерзкими серыми глазенками. Волосы его выгорели, низко спадали на лоб и, наверное, давно не причесывались.

— Может, ты знаешь? — спросила я соседа, заметив его напряженный, настороженный взгляд. Он потупился и ничего не ответил. Кто-то вполголоса произнес.

— Только ссиксоть!..

За моими плечами — двадцатилетний педагогический стаж. Помнились разные случаи из педагогической практики. И все же я не помнила случая, чтобы не могла овладеть классом в течение урочного времени. Увы, теперь это случилось. Прозвенел звонок и, точно меня не было в классе, ребята, перепрыгивая через парты, бросились во двор. Остался только один коротышка-мальчик, с серыми глазами, открыто смотревшими на меня из-под сросшихся бровей. «Может быть, этот станет моим первым другом?» — подумала я и спросила:

— Как тебя зовут?

— Сергей, а фамилия — Тюленин,— он выжидающе смотрел, не двигаясь с места.

«Надо с ним попроше, не следует обвинять его товарищей».

— А что же это ты не идешь на перемену?

— Я еще успею к ребятам...

— Иди, не отставай...

Сережа повременил немного, а потом медленно вышел из класса. И столько было самостоятельности в каждом его движении, что я невольно улыбнулась.

На второй урок в класс пошла молодая учительница украинского языка. Я работала в 6 «А», соседнем с пятым. Урок начался вяло: я прислушивалась к тому, что происходит там. Прошло минут пять сравнительной тишины. И вот раздались взрывы смеха, а затем беготня по коридору Мои ребята насторожились. Урок ведь только начался. Я слышала, как в класс пошел директор, слышала, как установилась тишина, как все время хлопали двери, впуская опоздавших. А после звонка я уви-

дела в учительской рыдающую молодую учительницу.

— Я в пятый «В» больше не пойду!..

Собрались все учителя. Они сочувственно поглядывали на молодую учительницу. Анисимов разводил руками.

— Класс полностью переведен из школы имени МЮДа. Что с ними поделаешь?..

Преподавательница математики Надежда Денисовна нервничала больше других: ей предстояло идти сейчас на урок в пятый «В». Один Евграф Федорович, самый старый педагог школы, ухмылялся и чувствовал себя, как ни в чем ни бывало. На последнем его уроке произошло такое, чего никто не знал. При его появлении в классе ребята били крышками парт в течение десяти минут, пока им не надоело. Старый учитель терпеливо ждал. Потом, когда установилась тишина, сказал:

— Спасибо за приветствие. Правда, оно немножко затянулось, мы могли помешать другим классам. Но ничего, я думаю, на первый раз они нам простят.

Работник Кировской школы, он многих знал по фамилии, и, не открывая журнала, вел обычную беседу, не относящуюся к уроку. Установилась тишина, и Евграф Федорович, на основании опыта своей первой встречи, теперь мог утверждать, что проводить уроки в этом классе можно.

— Сумейте с ними поладить, а потом оно все образуется,— посоветовал он Надежде Денисовне.

Конечно, и Надежда Денисовна не сумела «поладить». Как мы и ожидали, ничего не «образовалось». Класс ее встретил стоя, половина мычала, закрыв рты. Бедная учительница недобрым словом вспомнила Евграфа Федоровича.

Но что же делать? Во время рабочего дня я несколько раз пыталась зайти в класс, но мое присутствие просто не замечалось большинством учащихся. «Сумею ли я когда-нибудь овладеть классом? Что породило такую недисциплинированность? Где искать корни поведения учащихся? Как лечить обнаружившуюся страшную болезнь?»

На внеочередном, довольно бурном совещании, было решено вызвать заведующего школой им. 19 МЮДа, ни при каких условиях учителю не покидать класс, поступать строго с зачинателями шума и т. д.

Но во время совещания у меня созревал свой план. Что же теперь звать заведующего прежней школы?

Надо действовать самим. Прежде всего надо познакомиться с бытовыми условиями ребят. Необходимо завязать связь с родителями, твердо помня, что организм и среда—едины, что окружение не только формирует, самое главное — дает моральный облик человеку, то есть закладывает все то, с чем он пойдет в жизнь. Я хорошо понимала, что не изучив болезнь, нельзя ее лечить. Ребят кто-то обидел, чей-то сильный характер толкает их в сторону. Нужно им объяснить, что среди всего, где они начинают жизнь, где проходит труд их отцов и матерей, стыдно устраивать для себя часы безделья и неприятного шума.

Выявилось одно интересное обстоятельство: почти все мальчики 5 «В» были жителями «Шанхая», двух-трех прилегающих к городу кварталов. «Шанхаем» назывались домики-мазанки, которые подобно пчелиным сотам пристраивались к окраинам городов и поселков. Видимо из-за своей бедности и темноты, напоминающей в то время китайскую, они и получили свое название. Стало быть, ребята постоянно бывают вместе. При таком положении оторвать одного от другого—нельзя. Легко ли сделать такое, если не только малыши, но и взрослые постоянно подчеркивали спаянность и дружбу на основе принадлежности к одному жилому району. Забредет, бывало, «чужой парень» в качестве провожатого «шанхайской девушки», какие только наказания ему не приходится переносить. Шанхайские не давали себя в обиду. Так это же взрослые. А малыши?

Надо пойти к ним.

Стояло погожее сентябрьское утро. Вооружившись блокнотом и карандашом, я подходила к землянкам, слыша воинственные крики ребят. То наши питомцы, жители «Шанхая», играли в войну.

Весть о моем появлении, видимо, сразу же распространилась, и я заметила осторожные взоры, мелькавшие головки, выглядывавшие чуть не из-за каждого угла мазанки. Продвигаясь по кривым улочкам, я вышла на небольшую площадку (пустующее усадебное место), по которой стройными шеренгами шли с деревянными ружьями на плечах ребята. Впереди — два барабанщика, умело и четко выбивающие дробь. Барабанщики не просто шумели, извлекая звуки из своих довольно ветхих инструментов. Было что-то особенное в мерных ударах па-

лочек, что давало возможность стройнее держаться, четче шагать и бодрее себя чувствовать. Поравнявшись со мной, колонна остановилась. Я сначала не заметила, кто командует ребятами и искала его глазами. В просвете между шеренгами я увидела фигурку Сережи Тюленина, который шел перед шеренгой как-то боком, четко отбивая шаг своей пружинистой походкой.

— Отставить! Стать вольно! — скомандовал Сережа.

Кое-кто подвинулся ко мне ближе, не теряя, однако, ряда. Я смотрела на лица ребят, отыскивая своих питомцев. Их было много. На мое приветствие ребята ответили вразнобой, что заставило меня улыбнуться и тут же сказать о цели моего прихода. Не приближаясь ко мне, Сережа громко сказал:

— К нам, Анна Дмитриевна, не ходите. Никого нет дома — раз. Собака злая — два...

— Ну, от собаки ты меня проводишь!

— Я ее сам боюсь,— говорил Сережа,— она у нас на цепи!

Итак — отказ. Причем, последовал от мальчика, который мне сразу понравился. Но делать нечего, надо идти, отступать нельзя.

— Собак я не боюсь,— сказала я после короткого раздумья и, не обращая внимания на строгие, настороженные взгляды ребят, пошла.

С удивлением, но в общем доброжелательно встречали меня родители. Я им не жаловалась на детей. Я только говорила о необходимости совместной работы, которая поможет школе выполнить поставленные перед ней задачи: дать нужные знания детям, сделать их культурными, полезными гражданами Советской страны.

— Это ведь и ваша задача,— говорила я, а сама следила за тем, есть ли уголок для занятий, порядок в доме, необходимая обстановка в комнате.

Были случаи, что собирались две-три соседки, то ли с целью предупредить мой приход, то ли руководимые другими побуждениями, но все же охотно вступая в беседу. Постепенно меня окружили «конвоиры» из сестренок и братишек наших питомцев, и достаточно мне было назвать фамилию ученика, чтобы раздавались голоса:

— Сюда, сюда!..

Обошла я свыше десяти квартир.

Квартиру Тюленина решила посетить последней. Не знаю почему, но так казалось лучше.

И вот я на обратном пути. Слышу обычные возгласы, к которым уже привыкла:

— Сюда, сюда!..

В сторонке я заметила группу ребят с Сережей во главе. Ребята не подходили, о чем-то совещаясь между собой. Вот и двор. Где же злая собака? Ах, вот эта! В стороне от дома сидела тощая собачонка, старая и ленивая. Она хрипло тявкнула и залезла в какую-то дыру. «А Сережа называл ее злой собакой. Не хотелось ему, чтобы я заходила к нему в дом».

Во дворе показалась низенькая, плотная женщина.

— Со школы?.. А что, Сережка в школу не ходит?.. Ходит?.. Не знаю, к учебе он будто охоч. Заходите в дом, чего ж тут стоять.

В доме было тесно, но опрятно. Простая обстановка и особая приятная общительность хозяйки Александры Васильевны Тюлениной располагали к откровенности и полезной для нас обеих беседе. Я старалась выспросить необходимое, в каких условиях живет и готовит уроки мальчик.

— С работой он должен справиться сам, а ваше дело создать ему условия для этой работы. Где его рабочее место, есть ли расписание уроков? В каком состоянии книги, тетради, есть ли чернила, карандаши? Когда он учит уроки, сколько времени?.. Чем занимаете вы его по хозяйству? С кем дружит? Ходит ли в кино? Как часто даете деньги? Есть ли обувь, одежда для зимы?..

Александра Васильевна неторопливо отвечала. Ответы были толковыми, вдумчивыми. Я обратила внимание на то, что она во всем верит сыну.

— А он никогда вас не обманывал? Вот мне он сказал, что у вас злая собака, на самом деле—она еле ходит...

— Может, по мелочам и обманет, но то — не беда.

Меня поразило это нивесть откуда взявшееся у простой женщины убеждение по главному вопросу воспитания, вокруг которого не один раз среди педагогов завязывались самые ожесточенные споры — «надо верить ребенку». Да, если постоянно следить за ним, придираться к мелочам в его поведении, добиваться одного лишь контроля за его поведением — ничего не добьешься. Александра Васильевна заметила еще:

— Хорошо, что вы на них не жалуетесь. Мой не любит, когда на него жалуются. Да я и не допускаю до этого.

Я услышала еще одно замечание, которое в устах женщины звучало просто, а в педагогической практике приносило огромное количество хлопот. Ведь в сущности, ребята очень ценят того учителя, который не идет жаловаться на них директору, а старается сам уладить все недоразумения. Надо смотреть, как поступить и уж во всяком случае не становиться на дорожку, подсказываемую любой формальной инструкцией. В те годы таких инструкций писалось величайшее множество, а идеи А. С. Макаренко признавались зачастую только на официальных собраниях, а с практическим их применением не спешили.

Мы тепло распрощались с Александрой Васильевной. Я увидела в ней своего друга.

Уже следующий день принес с собой перемены. Ребята явились в школу в чистых рубашечках, а главное — с чистыми руками, аккуратно причесанные. Я могла радоваться первой победе.

Но не рано ли?

Прошла неделя. Окликну по фамилии мальчика, а близстоящие шепчут:

— Ого, теперь держись!..

Между ребятами и учителями начались какие-то новые отношения. Однако до настоящего школьного порядка было еще далеко. Появилась необходимость в общей беседе учителей с родителями.

Первое родительское собрание дало стопроцентную явку. Оно проходило прямо во дворе старой школы, и к нему мы тщательно готовились. Помню, мы говорили о необходимости являться в школу аккуратными, с книгами, ручками и т. д. Говорили, что родители должны следить за выполнением домашних заданий, об обязанности родителей предоставить ребятам эту возможность и т. д. Нас слушали очень внимательно. И мы выслушивали с неменьшим вниманием то, о чем рассказывали родители. Достигнуто было главное — все поняли — надо работать сообща, советоваться, чаще видеть друг друга.

Наш директор ликовал, но это не помешало ему сразу же извлечь пользу из такого сотрудничества: он

попросил помощи о приведении в порядок отстроенного здания школы. Согласие родителей и вовсе его обрадовало.

— Теперь нам все ясно,— заявил он учителям.

Но еще о чем другом, а о ясности говорить, конечно, было рано. И я в этом убедилась на следующий же день. Во время беседы с ребятами (проходил воспитательный час), к окну, с его наружной стороны, настойчиво липли детские физиономии. Вначале на них поглядывали тайком. Потом постепенно стал нарастать шум. И как я ни старалась увлечь ребят беседой — ничего из этого не получалось. Вдруг Сережа Тюленин порывисто вскочил и сказал:

— Анна Дмитриевна, разрешите мне пойти поговорить с ними!

Сбоку послышалось:

— Он тебе поговорит!

— Да ведь это — Кондык, что же ты не видишь!

Я с сомнением посмотрела на небольшую фигурку Сережи. Да и могла ли я разрешить ему вступать в драку с каким-то Кондыком? Тянулись томительные секунды. Сережа ждал. В классе стоял одобрительный гул. Надо что-то предпринимать. И вот я решилась, наконец, отпустить Сережу. Он моментально выскочил за дверь.

Время тянулось невыносимо долго. Я старалась не выдать своего волнения. Но руки и голос предательски дрожали. «Если с Сережей что-нибудь случится, вина будет только моя»...

Однако беседу надо было продолжать.

— К пожилым людям следует относиться с уважением...

Я расскажу ниже, почему пришлось говорить с учениками на эту тему. Весь ужас был в том, что одним из виновников этого разговора являлся Сережа Тюленин, который неправильно поступил в одном из недавних случаев. В момент, когда я решила говорить о самом случае, появился Сережа. Я думала он войдет запыхавшийся, со ссадинами, со следами какой-то борьбы с Кондыком. Но он вернулся спокойным, в таком же виде, как и вышел. Что ж, это уже лучше, и не следовало расспрашивать, как там он поладил с Кондыком и его товарищами. Я решила продолжать начатую беседу и не обращать внимания на инцидент.

— Скажите, ребята, правы ли были ваши товарищи...

И я рассказала о следующем. По площади, недалеко от школы, шел рабочий шахты Шелупаха, в прошлом красный партизан, инвалид гражданской войны. Он выпил, хватил, как говорят, лишнего. Споткнувшись, Шелупаха зашатался и потерял шапку. Пробовал поднять ее, но все неудачно: его клонило то в одну, то в другую сторону, и он еле держался на ногах. А все же хотел шапку поднять и бормотал:

— Постой, постой, вот я тебе сейчас...

Бегавшие недалеко ребята заметили Шелупаху, подхватили шапку и начали перебрасывать ее из рук в руки. Шелупаха попросил их, чтобы они возвратили ему шапку. Ребята не унимались — смешно ведь, забавно.

Все можно было бы и позабыть, если бы не упомянули другого о Шелупахе. Говорят, он начал просить ребят:

— Ребятки, деточки, я ведь с горя-то выпил! Бабку я похоронил... похоронил...— и он начинал плакать.— А она ведь моложе меня на десять лет и здоровая была, а вот поди ты... брюшной тиф, и не стало...

И он плакал пьяными слезами.

Ребята закинули шапку в соседний огород, а сами, по звонку, пошли в школу. Махнул Шелупаха рукой и уже без шапки продолжал свой путь.

Рассказала я, как пионеры помогают маленьким, старикам, даже, помнится, прочитала какой-то отрывок. Ребята приумолкли. Видно, никто не подумал так, как всем теперь представился этот случай, и тревожные мысли зароились у них в головах. Сережа нахмурился пуще других. Шапку он не кидал, но, как заводила среди ребят, конечно, нес ответственность за их поступок. Он спросил:

— А как, Анна Дмитриевна, нужно было тут поступить?

— Надо было поднять шапку, поглубже надеть ему на голову, взять с двух сторон под руки и быстренько доставить домой. Ведь и живет-то он — рукой подать от нас. А вместо всего этого ребята сделали забаву для себя, обидели старика. В огород за шапкой полез проходивший мимо рабочий и отвел старика до самого дома. Мне, ребята, стыдно за вас, стыдно за класс, стыдно за

школу, которая не смогла научить вас самому дорогому в жизни — внимательности к людям.

Сосредоточенно слушал меня Сережа, пристально следя за каждым моим движением, а потом, воскликнул:

— Эх вы, герои, над старым человеком!.. Сеча, Гречa и Ким только ведь на это и способны! Дайте, Анна Дмитриевна, право, завтра ребята приведут деда к нам, и мы ему расскажем, что вчера было.

— А ты видел?— спросила я.

— Нет,— ответил он серьезно.

«Верить или не верить?» Я чувствовала, что попала в такой сложный лабиринт отношений между ребятами, их давнишних привычек и взглядов, что одно чувство поможет мне выйти из него. Никакие заданные советы педагогики, конечно, не могли пригодиться. Я уже вступила однажды на путь доверия, однажды допустила недозволенное — разрешила силой прогнать Кондыка, установила тон дружеских отношений с ними. Ох, это все получилось само собой, без всякой ясности, о которой так бодро заявлял директор. Теперь, несомненно, надо продолжать начатое.

— Да, я верю тебе, Сережа,— сказала я.— Кто внесет другие предложения?

Этот мой вопрос был также неожиданным для ребят, как и для меня. Он вырвался невольно. А появившись на свет, потянул за собой и другое — я начала записывать выступления.

— На что это бумагу изводить? — сказал кто-то.

— А чтоб не забыть всего того, о чем говорили. Мы вот еще свои решения будем проверять в следующий раз. Читать и выявлять, кто же их нарушил.

— Правильно! — первым одобрил мою затею Сережа.

— Правильно! — послышались другие голоса.

Я опустилась в изнеможении на стул. Всего на несколько секунд, чтобы затем снова подняться. В ту минуту я не могла побороть состояния невероятной усталости и такого чувства, которое, наверное, испытывают бегуны, перервав ленточку финиша. Ведь я услышала первые слова о принятии какого-то порядка. Значит мы начнем совершенно новую жизнь, не похожую на прежнюю, мы будем сообща проверять принятые всеми нами решения.

Игра в серьезность?

Да, игра, всегда необходимая для ребят.

Прошло несколько дней. Иду я по улице и вижу, как по площади, направляясь домой, идет дед Шелупаха. Теперь он трезв. Поравнялся он с ребятами играющими «в дука».

— Отставить! — скомандовал Сережа и, подняв палки на плечи, ребята в один голос гаркнули:

— Здравствуйте!

Дед даже остановился от изумления. Пропустили они его молча и тогда только возобновили игру, когда он отошел на приличное расстояние.

Сережа серьезно поглядывал на старого партизана. Какие уже мысли витали в голове этого мальчика,— не знаю, но в ту минуту я еще определеннее почувствовала симпатию к нему.

Я хотела знать о нем все...

Мне показалось, что ребят беспокоит еще что-то очень важное. Наверное, до пятого класса у ребят была какая-то своя интересная школьная жизнь и в другую, более интересную, они пока не верили. Не поговорить ли с прежними педагогами?

Да, это совершенно необходимо.

Я встретилась с Анной Сергеевной Житковой, учительницей школы им. 19-го МЮДа. Человек она очень интересный и, собственно, как я и ожидала, почерпнула из разговоров с ней очень много важного.

Кстати, о подобных встречах учителей. К сожалению, они случаются очень редко. Ребенок переходит из школы в школу, и учитель, его учивший, не всегда встречается с учителем, к которому пришел его ученик. Не знаю, что и сказать по этому поводу. Возможно, нам, педагогам, следует поучиться у людей техники. Они, когда передают друг другу чертежи и машины, обязательно встречаются между собой. Как же можно относиться формально к передаче школьника из рук в руки? Ведь должна быть какая-то преемственность в воспитательной работе, должно быть продолжение прежней линии воспитания и в высшей степени тактичное отношение к привычкам и правилам прежней жизни ребят.

Анна Сергеевна рассказывала...

СЕРЕЖА — ДОШКОЛЬНИК

Первый муж Александры Васильевны умер в 1922 году, оставив ей шесть дочек, из которых только одна (Дуня) была замужем, там же, в деревне Киселевке Кирсаковского района, Орловской области. Вскоре в Киселевку из Донбасса приехал Гаврила Петрович Тюленин, потерявший жену и оставшийся с двумя малолетними детьми. Встретился он с Александрой Васильевной, понравилась она ему и не посмотрел он на ее «большой вывод цыплят-девчат», пристал к ней в приймы. Имела Александра Васильевна свою хатку, кое-какое крестьянское хозяйство: лошадь, пару овец, коровку и прочее. Можно бы и остаться хозяйствовать. Но Гаврилу Петровича потянуло вновь в Донбасс, где в течение ряда лет он работал в шахте.

В 1926 году Тюленин выехал из Киселевки. Мелкий скарб распродал, в хату пустил родичей, и вот Тюленин в Краснодоне. Привезли они сюда и Сережу, который еще только ползал. Квартиру они сняли в хуторе Сорокино, у бабки Герасимихи, пока Гавриле Петровичу удалось исхлопотать квартиру на втором этаже фанерного домика, которые значились тогда под названием «голубятни».

Очень часто маленького Сережу приходилось бросать в квартире одного (девчата оставались еще в деревне). Сережа развлекался, как умел. Однажды ему вздумалось, рассказывала Александра Васильевна, взобраться на лавку, а с нее на стол. Стекло окна, плохо прихваченное гвоздями, часто дребезжало. Это нравилось Сереже. Когда раздался знакомый звук, Сережа занялся исследовательской работой. Он до тех пор давил на стекло, пока оно со звоном не упало на дорогу. В образовавшуюся дыру он стал сбрасывать попадавшиеся предметы, лишь бы они проходили по величине. Могло бы и что-нибудь произойти неприятное...

Могло, конечно.

Так случалось, что Сережа оставался один, и никого за это не обвинишь. Детского садика пока не было, няньку не наймешь. Трехлетний коротыш бегал по дороге около дома. Он пристально смотрел своими серыми наблюдательными глазками из-под сросшихся бровей на окру-

жающий его мир и слово «почему» не сходило с его уст, как у каждого пытливого ребенка.

Один раз мальчик выбежал к идущему стаду коров и не успел сказать что-то, как от стада отделилась сивая корова и молниеносным движением рог перебросила ребенка через спину. Сережа попробовал подняться, а яростное животное «затанцевало» около него. Пятилетний мальчик начал бросать в коровью морду горсти пыли и не плакал. Проходивший мимо рабочий отогнал корову. Рубашка на Сереже была изорвана. Из ноги сочилась кровь, но мальчик улыбался. Плакала прибежавшая Александра Васильевна. Она прижимала мальчика к груди и не в силах была вымолвить ни слова.

А на другой день Сережа снова вышел встречать стадо и все так же задал пастуху традиционный вопрос — «почему», с которым не успел накануне.

— Почему коровы рогатые?

— Иди, иди, мальчик,— посоветовал пастух,— вчера такой как ты уже пробовал узнать, почему коровы рогатые...

— И что оно дальше будет?— сокрушалась Александра Васильевна.

— Да, оторви-голова получится,— отвечал ей Гаврила Петрович,— это ты попомни мое слово.

Такие слова задевали Александру Васильевну, и между ними часто случались «перепалки» из-за Сережи. Каждый по-своему любил мальчика. Любили его и все остальные члены многочисленной семьи Тюлениных, наконец переселившейся в Краснодон.

Шести лет Сережа начал ходить в детский садик. Теперь он проявлял чуть ли не полную самостоятельность в своих поступках и суждениях. Держался «по-взрослому», что при его возрасте и росте всегда вызывало веселые улыбки.

От первой жены Гаврила Петрович имел двоих детей. Один из них — Василий сыграл большую роль в жизни Сережи, несмотря на большую разницу в летах, а может и благодаря ей (Василий родился в 1915 году). Пошел он в школу сравнительно поздно (почти десяти лет), то есть тогда, когда Гаврила Петрович переехал в Краснодон. Учился в школе имени Горького и числился лучшим учеником. Он состоял в учкоме и в пионерской организации, а потом поступил в комсомол. Отношения

между братьями установились дружеские. Василий не только играл с ним, но иногда и доверял ему свою школьную сумку. Сережа вынимал из сумки книги, тетради, рассматривал их, а особенно внимательно изучал пенал, и каждый раз следовало неизбежное — «почему».

— Почему у тебя книжка вся в чернилах?— спрашивал он настойчиво Василия.

— Почему? Почему? Да потому, что разлил чернила.

— А ведь у тебя чернильница невыливайка, как же так?

С удивлением иногда поглядывал Василий на коротышку-мальчика, который не отставал с вопросами до тех пор, пока не получал ответа.

Время шло. Крепла дружба Василия и Сережи. Неотступно ходил Сережа за братом, стараясь предупредить его желания.

Большим горем для него был отъезд Василия. Как же радовался он, получив первое его письмо!

Был у Гаврилы Петровича и брат, военный, который и помог Василию устроить свою судьбу, когда после семилетки, в силу сложившихся обстоятельств, он вынужден был уехать от отца. Вот эти-то два родных Сереже человека потом оказали огромное влияние на формирование характера и привычек мальчика.

СЕРЕЖА — ШКОЛЬНИК

В 1932 году в школу имени Горького, в ранний час вошла небольшого роста женщина и, обращаясь к коротышке-мальчику, с умными серыми глазами, сказала:

— Вот я ж тебе толковала, что еще рано, а ты все твердишь: пойдем, пойдем, а то опоздаем! А вот и рано оказалось...

Мальчик оглядывался вокруг. Он словно бы искал помощи. И помощь эта явилась в образе учительницы, воспоминания которой я и привожу ниже.

— Я,— рассказывала она,— была в этот день дежурной и пришла в школу в половине восьмого. Быстрый, наблюдательный взгляд ребенка, какая-то напряженная сосредоточенность, скорбная складка в уголках губ обратили мое внимание. Он был в синенькой косо-

воротке, подпоясанный ремешком, в длинных штанишках, но босиком. Кепка сидела на голове как-то странно, и мне показалось, что она не часто занимает там свое место.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Сергей Тюленин,— четко ответил он, взглядом взрослого посмотрев на меня.

— А сколько тебе лет?

— Семь.

— В садике был?

— Был,— отвечал Сережа.

— А скажешь, где живешь?

— Скажу... Тринадцатый квартал, дом номер тридцать семь...

— Молодец. Ты, может читать и считать умеешь?

— Умею. Ведь нас в садике учили!

— До двадцати умеешь считать?

— Нас учили до двадцати и назад, а я умею считать до ста и даже больше, — важно, по-взрослому ответил Сережа.

Мать не принимала участия в нашем разговоре. Но в этом и не было нужды. Мы продолжали с Сережей начатый разговор вполне успешно.

— Ну, а теперь слушай, что я скажу: завтра, 31 августа, придешь сюда в школу...

— Учиться? — быстро спросил мальчик.

— Нет, ты только узнаешь учительницу, комнату, парту, за которой будешь сидеть.

Сережа просиял, но не все ему было ясным.

— А карандаш и тетрадку нужно приносить?

— Нет, завтра придешь пока без тетради и карандаша. На занятия все это будешь приносить, а заниматься начнем с 1 сентября.

Блеснули задором глаза Сережи, и он сказал, обращаясь к матери:

— Я теперь школьник, а не дошкольник! Теперь пускай только Петрусь скажет: дошкольник, сопля! Я ему покажу...

И Сережа сжал свои кулачки, задорно блеснув глазами. Видно, что-то ожесточало Сережу, и он даже здесь не выдержал, чтобы не вступить в беседу.

Положительно, мне начинал нравиться этот «удалый паренек». От резкого движения кепка, наконец, свали-

лась с головы Сережи, открыв круглую головку с вихрами выцветших волос.

— Не успели постричься,— говорила мать Сережи, надевая кепку на его голову.

Сережа сначала хотел запротестовать против такого произвола, но потом, сообразив после замечания матери, что вести себя в школе надо подобающим образом, рукой попробовал кепку, глубже надвинул ее на голову и направился к выходу.

— Сережа, хочешь учиться в моем классе? — спросила я.

Мальчик остановился, секунду подумал.

— Там видно будет... Куда попаду! — и он солидным шагом пошел по коридору.

Так противоречивы были тон, каким разговаривал Сережа, и его миниатюрная фигурка, что я невольно улыбнулась.

— Ой, озорник, ой, балованный, неслух, а вот жалостливый,— говорила мать Александра Васильевна, когда Сережа вышел.— Ведь вот что случилось на днях-то! Пришел дед с работы (дедом Александра Васильевна очень часто называла своего мужа). Начал раздеваться и видит, что кошка, взобравшись на стол, тянет мясо. Он и «пугнул» по ней молотком, да так угодил, что перебил ей ногу. Кошка была балованная — у нас-то детей много, есть кому баловать. Ну, все ее на руках так и носили. Часто играл с ней и Сережа. А тут она забилась сначала в угол, а потом бросилась под шкаф. Сережа был в сенях. Влетел он как ошпаренный и с криком:

— Кто Мурку бил? — бросился ее разыскивать.

Кошка фыркала, прижимаясь к стенке, а он ее уговаривал, тащил на свет. Как же горько плакал он, когда выяснилось, что повреждена кость повыше лапки и кошка жалобно мяукала, если неосторожно касались больного места.

Перевязал кто-то из девочек кошке лапу, и с тех пор она у нас стала называться «инвалидкой». Поддразнивая Сергея, кто-то предложил кошку добить, чтобы-де не мучилась. Сережа весь «ощетинился» и говорит:

— Заживет, посмотришь, заживет! Может, и будет хромать, как Пальма (собака), но жить будет. Я тебе говорю!..

С тех пор Сережа предался заботам о кошке Мурке. Он выпросил у меня щербатое блюдце и поставил его для Мурочки. Если попадал кусочек мяса, он делил его пополам. Я сначала не обращала на это внимания. А потом захожу как-то в кухню после обеда, а Сережа сидит на полу, положив кусочек хлеба, кусочек мяса на блюдце и приговаривает: «Ешь, ешь, моя Мурочка! Я пополам поделил с тобой мясо, но его маловато. Я сам только раз откусил, а все остальное принес тебе. Как ты себя чувствуешь? Лучше ведь, Мурочка моя? Правда, лучше?» А сам гладит кошку, аж весь прижимается к ней. Я сделала вид, что не обращаю на него внимания, и вышла из комнаты. Прошла неделя, вторая, и Мурка стала хорошо бегать на всех четырех ногах. Правда, Сережа еще не разрешил снимать с ноги повязки, но это уже так, из желания, чтобы на Мурку еще смотрели как на больную и давали ей поблажки. Он ведь хитрый мальчишка! Один он у нас хлопчик! А то ведь шесть штук девчат. Да, впрочем, девчата-то ведь не родные деду... Очень грубый дед у нас. Под сердитую руку не попадайся,— заключила с неожиданным огорчением Александра Васильевна.

Стали подходить другие родители с детьми и Александра Васильевна ушла.

На второй день я невольно искала в детской массе знакомую вихрастую головку. Александра Васильевна сказала, что Сережа придет сам. Распределяя учащихся на четыре класса, я записала Тюленина в свой класс.

Началась перекличка. Ребята стояли молча, стараясь не пропустить свою фамилию.

— Тюленин Сергей! — вызываю я.

— Здесь я,— отвечает Сережа, присоединяясь к группе ребят, что стояли в сторонке.

Среди малышей-семилеток есть занимательные люди. Первое время, правда, я не выделяла Сережу из общей массы учащихся. В классе было сорок семь детей, новых, незнакомых, и первое время они у меня сливались в сплошную безликую массу. В школе в это время широко развернули свою работу педслоги. Нужно было ответить на поставленные вопросы (исчерпать тексты). Сережа, с его настойчивым, упрямым характером, не захотел этого сделать и попал в рубрику отрицательных субъектов и должен был быть передан

в класс, который тогда отбирался педологическим кабинетом. Узнав об этом, Александра Васильевна явилась в школу, по-справедливости отругала нас и, захватив Сережу, ушла, передав его школе им. 19-го МЮДа.

Здесь-то он и попал в класс к моей коллеге Анне Сергеевне Житковой.

— В классе,— рассказывала Анна Сергеевна,— был мальчик с парализованными ногами, на которых он едва держался, бледнолицый и слабенький Толя Кузьмичев.

Вскоре я заметила, что Сережа вертится около Толи. То повяжет кашне, то уложит книжки в сумку, пока Толя одевается, то чернильницу из сумочки сунет к себе в карман, заявляя: «Я донесу». Как-то я вышла за ребятами на ступеньки школы и увидела, что мальчик параллельного класса, завидев Толю Кузьмичева, крикнул: «Калека, калека!» По-моему, он больше ничего не успел крикнуть: Сережа коршуном налетел на него и, сбив с головы обидчика шапку, со словами: — Вот тебе за калеку! — свалил его на землю. Потом подбежал к Толе и повел его на полотно железной дороги, что проходило близко около школы. Я подошла к мальчику, помогла ему привести костюм в порядок и сказала:

— Вот видишь, как случилось нехорошо! Ты вздумал подразнить мальчика, который еще недавно был здоровым, а теперь тяжело заболел. Толя не виноват, и смеяться над ним и дразнить его стыдно, нехорошо. А Сережа и вступился за Толю. Он, правда, тоже неправ, зачем же драться?..

Мальчик сопел, вытирая от грязи шапку.

— Завтра мы все соберемся и поговорим о случившемся. Твоя фамилия как?

— Валя Шевырев.

— А в каком ты классе?

— Во втором «В»...

— Ну, Валя, иди теперь!— и я пошла домой.

Когда я подходила на следующий день к школе, то увидела еще издали, как Сережа, Валя и Толя о чем-то оживленно говорили. Поравнялась с ними. Сережа первым обратился ко мне.

— Анна Сергеевна, а они уже помирились! Толя рассказал, как эта болезнь с ним случилась.

— Они теперь «корешками» будут,— наперебой кричали ребята.

Сережа и здесь оказался мудрее и смелее других.

По возрасту Толя был старше, но сразу чувствовалось, что Сережа опередил его в развитии, в сообразительности. Порывистый, быстрый в решении он менялся совершенно, когда дело касалось Толи. Все сразу заметили заботу, внимание, я бы сказала, нежность Сережи к Толе. Болезненный мальчик чувствовал, видимо, искренность Сережи и платил ему сердечной привязанностью, делясь, по-моему, всем, что имел. Он рассказывал Сереже, что видел, когда шел по дороге в школу, что слышал при разговорах старших и сверстников, что говорит дома мать, чем, какими интересами живет его семья, как дети проводят свой досуг...

Толя был вдумчивым, серьезным мальчиком. Когда я спрашивала, у кого есть книжечка, чтобы прочитать в классе, у Толи обязательно находилась новая книжка. Видно, родители понимали положение мальчика и старались сделать все, чтобы облегчить его положение. Тем трогательнее казалась и забота Сережи о нем.

— У Толи, у Толи есть книжечка! — кричал Сережа.

За его голосом Толю почти не было слышно. Сережа срывался с места, брал из рук Толи книжечку и торжественно нес ее мне к столу. Чаще всего книжечки были с картинками, хорошо оформленные, и когда такая картинка мною рассматривалась, а потом показывалась классу, Сережа горел чувством гордости за товарища, у которого оказалась хорошая книга. Он, конечно, уже успевал раньше посмотреть показываемую книгу.

ВОВА ЗАБАБУРИН

Мне хочется продолжить записи воспоминаний Анны Сергеевны, к рассказам которой о детях я всегда прислушивалась очень внимательно...

...Чуть ли ни на последней парте сидел в классе Вова Забабурин, упитанный, рыжеволосый мальчик, страшный забияка и драчун. Одних он держал в повиновении тем, что за всякий протест давал подзатыльник, других «покупал подачками», преимущественно перьями. Каких только перьев у него не было! И по номерам, и по клич-

кам... Были такие, что только вынуть, да посмотреть — писать нельзя. Были большие, малые, такие, что я и сама до этого никогда не видела. Отец Вовы был счетный работник, и, очевидно, перья у мальчика появлялись от него.

Класс, то есть мальчишеская его часть, делились на две группы. Одни шли за Вовой, другие — за Сережей. Группы по численности часто менялись, то у Сережи больше, то у Вовы больше. Сережа не имел чем «подкупить» ребят. Он привлекал их неиссякаемой энергией, изобретательностью, ловкостью. Затеять ли игры, рассказать ли сказку (если на дворе непогода), словом, занять ребят так, чтобы глаза блестели — это мог сделать только Сережа. Я тоже иногда заставляла Сережу рассказывать сказку классу, и все слушали ее, затаив дыхание.

Вхожу я как-то в класс и вижу, как Сережа ударил Вову, как-то подпрыгнув при этом, а затем толкнул его так, что Вова упал, заливаясь слезами. Сережа стоял «ощетинившись», его сросшиеся брови сдвинулись, глаза метали искры.

— Что такое, ребята? — строго спросила я.

Сережа сразу пришел в себя. Оглянувшись кругом, он пулей вылетел из класса. Подошел ко мне Толя, весь в слезах. Я ничего уже не понимала.

— Тебе сделали больно?

— Нет, я так...— ответил Толя.

Плакал и Вова, но здесь были слезы неизжитой ярости, бессилия. Он все приговаривал: «Ну и дам я ему! Вот только попадись!..»

Дети наперебой старались мне рассказать, что случилось, и я, наконец, поняла, что первым толкнул Сережу Вова, в ответ на его какую-то насмешку. Сережа дал сдачи. Говорят, что Сережа все подпрыгивал, как петух, стараясь дотянуться до лица здоровяка Вовы.

Проходили минуты сбивчивых ребячьих рассказов, вскоре инцидент приобрел комический оттенок, ребята смеялись, только Вова сидел насупившись, размазав по лицу слезы грязными руками, да Толя чутко прислушивался ко всякому движению в коридоре и с тоской поглядывал в окно.

Прошло добрых минут пятнадцать, когда Толя, подняв руку попросил:

— Анна Сергеевна, позвольте выйти...

Я разрешила, понимая тревогу мальчика за товарища.

На своих слабых ногах Толя заковылял к выходу. Урок шел обычным порядком. Я почти забыла, что Толя вышел, когда он появился в классе. Лицо его было теперь спокойным, чуть озабоченным, и он начал собирать книжки Сережи. Я наблюдала, как в сумку Сережи он засунул шарфик, шапку, плотно закрыл чернильницу и тоже опустил в сумку.

Урок окончился. Я видела, как Толя высунулся из-за парты и двинулся к выходу. Все это я наблюдала, кончая беседу с отдельными учащимися, отвечая на их вопросы.

До конца уроков Сережа не явился в класс. Он, очевидно, ушел домой. Расспрашивать о причине отсутствия Сережи я не стала: торопиться с разрешением ребячьих конфликтов никогда не следует. Они бывают самыми невероятными. Лучше помедлить, чем допустить ошибку и обидеть невиновного.

На второй день Сережа, как ни в чем не бывало, явился в школу. Он стоял за своей партой, приветствуя меня. Во время урока я наблюдала за ним. Он долго крепился, самым обычным образом посматривая на меня, а потом сдался, опустил глаза, смутился.

— Вова, Сережа, Толя,— сказала я,— останутся в классе на перемене, остальные уйдут во двор гулять.

Трое остались в классе.

— Я, прежде всего, хочу знать, почему вы поссорились, кто первый пустил в ход кулаки?

Ребята молчали.

— Ну, Вова, тебе первому предоставляется слово. Я думаю, что ты будешь правдив и честно расскажешь, кто начал драку.

Толю я оставила потому, что считала его «совестью» нашей. Я еще ни разу не замечала, чтобы Толя говорил неправду. Если виноват Сережа, то Толя этого не скроет.

— Что же ты молчишь, Вова, рассказывай...

Вова, наконец, начал свой сбивчивый рассказ. При малейшей попытке отойти от истины Толя издавал какой-то звук, напоминающий стон, и говорил:

— Не так!

Вова непременно вносил исправления.

Голос его звучал все неувереннее и скоро вовсе смолк.

— Значит, не совсем виноват Сережа? Он только защищался вначале, а потом уж нападал. Так я поняла вас?

Сережа молчал.

— Почему ты без моего разрешения ушел из школы? — спросила я его.

— Он мне оборвал пуговки на рубахе, и я бы сидел так, как Петя Зубков.

Я вспомнила Петю. Он часто приходил с оторванными пуговицами. Застегнется иногда наискось и всегда получает строгие замечания от санитарной комиссии и меня.

Что было сказать мальчику? Мало того, что мои симпатии были на стороне Сережи, но и факты были за него. Но школа — это не один учитель, который делает замечания, судит о проступках учащихся, это и коллектив маленьких, начинающих жизнь людей, которые сами должны приучаться к установлению норм дисциплины и порядка.

— Вот что, дружок,— обратилась я к Сереже.— Ты все это объяснишь классу, как только мы сядем на урок.

— А что объяснять?

— Почему ты ушел с уроков... Вова расскажет, почему случилась драка. А Толя даст свое заключение, то есть он поправит того или другого, если получится что-нибудь не так.

Я старалась даже из маленького, пустякового дела построить воспитательный момент, что-то дать детям, вложить, привить им какие-то понятия. Мне хотелось, чтобы в обыденной жизни они знали бы, как нужно поступить. Что правильно, как неправильно, честно, нечестно и т. д.

— А пока,— сказала я,— выслушайте и запомните мои слова: я не хочу, чтобы в классе еще были такие драки. Нельзя этого допускать. Как?.. Нужно уметь себя держать. Словами ведь больнее можно бить.

У ребят вытянулись физиономии.

— Благоразумный всегда сумеет сдержаться. Вот если бы Вова вместо того, чтобы броситься на Сережу, ответил бы ему сдержанно, ничего бы и не произошло.

А теперь слышите, звонок? Вы ведь еще не выходили на перемену...

Третьим был урок развития устной речи и я решила использовать случившийся инцидент для беседы. Ребята сели на места. Начались занятия. Я обращаюсь к классу и говорю:

— Сейчас Вова и Сережа расскажут нам из-за чего у них произошла драка. Сережа скажет, кроме того, почему он самовольно ушел с уроков, а мы потом выскажем свое мнение. Мы скажем о том, что такая драка позорит наш класс, даже снижает нашу успеваемость. Ведь Сережа пропустил уроки.

Какие мысли роились в головах моих питомцев — не знаю, но все сорок шесть пар глаз выжидающе уставились на меня. Путаясь, останавливаясь, понукаемый слушателями, Вова рассказал о событии почти так, как оно и произошло. Сережа встал, открыто, прямо посмотрел на всех и дал свое объяснение, не щадя себя и других. Выступили еще два—три ученика, которые, собственно, повторили уже сказанное. Мне оставалось произнести коротенькое заключение. Я сказала о том, как надо жить в коллективе, соблюдая закон общежития, как нужно дорожить честью коллектива — класса, честью школы. Ребята слушали, затаив дыхание. Я старалась говорить образным, понятным для ребят языком и видела, ясно видела, какое действие на кого из учащихся производят мои слова.

На перемене я наблюдала дружную семью своих учащихся. Мальчики играли в лошадки, точно в классе ничего и не случилось.

Да оно так и было. Произошел случай, такой обыденный в детской жизни...

А потом начали появляться ростки искренней дружбы между ребятами.

Как-то я вошла в класс и сразу заметила заговорщицкие лица некоторых ребят. Нет-нет да Сережа и заглянет под парту. Заглядывал туда и Толя и другие ребята. Что-то случилось, но что—отгадать было трудно. А спрашивать не хотелось.

Вхожу на второй урок и вижу на парте Сережи блюдце с молоком, кусочки хлеба, а сам Сережа тычет мордочку котенка, слепого, влажного, с всклокоченной шерстью Он окунал его головку в молоко, приговари-

вал: «Пей, пей, дурашка! Ведь выбросили тебя! Умрешь, если не станешь есть!» Фыркал котенок, облизывался, а Сережа так увлекся этим делом, что не заметил, как я и вошла. Он спохватился только тогда, когда я стояла уже рядом с ним.

— Где ты взял котенка? — спросила я.

Не успел Сережа ответить, как один из мальчиков, захлебываясь, заговорил:

— Шли мы по улице нашего тринадцатого квартала, а около мусорной ямы что-то пищит. Мы с Сережей туда, а там котенок... Лежит и пищит. Мы взяли его и принесли в класс...

— А как появилось блюдце и молоко?

— Это принес Федя, ведь он рядом со школой живет...

Взгляды ребят были устремлены на меня. Вова Забабурин приблизился к Сергею и видом своим показывал, что готов вместе с ним разделить вину за непорядок.

— Что же,— сказала я ребятам,— это хорошо, что вы пожалели котенка. Пусть кто-нибудь отнесет его домой.

Лица прояснились: решение мое понравилось, урок продолжался в тишине.

* * *

Из этих рассказов Анны Сергеевны я постепенно составляла представление о детском мире, в котором мне предстояло видеть главное, все то, что больше всего волнует, представляет трудности и что единит ребячьи души. Сережа Тюленин показался мне мальчиком со своими задатками, к которым надо было относиться очень осторожно и серьезно. Заводила ребячьих игр и шуток вовсе не производил впечатления неисправимого баловника. Он любил пошутить, устроить игру, но вовсе не во вред кому-нибудь. Как и ребята сильного характера, Сережа предпочитал, чтобы с ним разговаривали как со взрослым и игры его принимали как серьезные игры. Сереже, может, больше, чем кому другому, необходимо было то, что среди педагогов называют условностью.

ЛЮБА ШЕВЦОВА

В пятом классе была и Люба Шевцова. Нельзя было не обратить внимания на довольно интересные взаимоотношения между Любой и Сергеем. Люба была боевая девочка. Она не давала себя в обиду, защищала от нападок мальчишек и своих подруг. Особенно часто приходилось вступаться за Серафиму Клепикову.

Сережа иногда поддразнивал Любу, но никогда не доводил дела до стычки. Лишь один раз я видела, как Сережа перешел границы обычных подшучиваний. Люба сначала молчала, а потом резко вскочила и пошла в наступление.

— Ты чего ко мне пристаешь? Думаешь, надо мной можно также смеяться, как над Симой? Ты так думаешь?.. Думаешь?..

Люба оттеснила Сергея к двери. А он, пятясь, говорил очень миролюбиво:

— Подумайте, она сказилась, честное пионерское, сказилась. Я видел, как тетка Ивановна на своего мужа, дядю Игната, надевала «смирительную рубашку». Смотри, и мы на тебя ее наденем.

Сережа заразительно смеялся. Я видела, однако, что он искал пути мирного разрешения создавшегося нежелательного конфликта. Никогда я потом не видела, чтобы Сережа нападал на Любу. Он не скрывал особого отношения к ней. Наверное, в то время, когда еще в пятом классе только-только вступали в силу законы организованного коллективизма, он уважал в ней только товарища, способного постоять за себя. Сережа знал эту ее способность. Тот, кто не хотел знать этого, получал надлежащий урок.

Как-то я натолкнулась на следующую сцену: дрались двое. Головы и руки так быстро мелькали, что мне трудно было узнать — кто это. Я схватила одного из дерущихся в охапку и постаралась рассмотреть поближе его противника. Люба! Да, это была она. Из моих рук пробовал вырваться Ваня Евланов. Он все приговаривал:

— Вот я ей дам!

Люба не уходила. Она стояла напротив, откинув волосы, и смело глядела на шумящего Ваню, который вызывал смех у ребят, и молчала. Начинать немедленно разбирательство было бесполезно. Конечно, Люба свое-

образно доказывала свою правоту. Кто прав, а кто виноват — разберешь не сразу. Но Ваня Евланов продолжал шуметь и пришлось заняться расспросами. Увы, они не убавили для него сраму. Оказывается, он поставил к столу поломанный стул для молодой учительницы — попробуешь сесть, и сразу упадешь. Как дежурный по классу Люба не могла допустить этого. Ваня не унимался. Тогда Люба решила отстаивать свою правоту по-своему.

— Как же тебе не стыдно, Ваня? — спросила я его.

Евланов молчал. Молчали и другие. Они готовы были смеяться над неудачливым драчуном, но, очевидно, не могли простить и Любе «дежурственного рвения».

Любу Шевцову я почему-то сразу же зачислила в тот актив, на который возлагала большие надежды. Теперь девочке нужна была энергичная поддержка учителя. Лучшим казалось не продолжать выговоров, а добиться примирения. Я сказала об этом, и Люба первая предложила Ване Евланову руку.

И все же в конце дня школьная уборщица Григорьевна, которую все мы по праву считали еще одним школьным воспитателем, успела сообщить мне тревожную весть: над Любой готовится ребячий суд.

— А что же Сережа?

— Участия он не принимает. Но и не вмешивается в затею товарищей...

Обычные ученические истории — у него не хватает воли сразу занять позицию поддерживающих порядок, ополчиться против нарушителей дисциплины и рассчитаться с разудалыми мальчишками, которые считают великой для себя доблестью дерзко выступить против учителя. В классе пока был свой, давно установившийся стихийный коллективизм, и я попросила Григорьевну помочь Любе. Благо, сделать это женщина могла без особого труда. Дочь ее, Лида, жила рядом с Шевцовыми.

— Люба, а я хочу к Лиде сходить, да не знаю, дома она или нет?

— Дома, тетечка, я ее видела, когда уходила в школу.

— Здорова ли ее девочка? Такой мне скверный сон виделся...

Григорьевна говорила громко. Конечно, ее слышали. В отдельных местах за школой послышался свист, кто-то

кричал: «ухо, лапоть, пима». Но, как бы там ни было крикуны ретировались.

Ложная товарищеская поддержка уходила медленно. Мы не могли не считаться с ней. Но хорошие черты отношений между ребятами необходимо было использовать для школьных интересов и интересов воспитателя. Я была благодарна Любе, что она первой выступила против нарушителей дисциплины и устроителей обструкций против учителей. Пусть по-своему, по-детски, но смело и решительно.

На другой день она явилась в класс как ни в чем не бывало. В своем уголке девочек она продолжала заправлять. Сережа словно не замечал их. А Ваня Евланов настороженно поглядывал в их сторону. Однако строить козни молодой учительнице он уже не решался.

ВРЕМЕНА ПРЕЖНИЕ

Неожиданные затруднения в воспитательной работе возникали очень часто. Ребята, порой, оставались непонятыми учителями. И все это объяснялось тем, что мы, по сути, не знали их. Надо было окунуться в «прежние времена», обратиться к тем годам, когда они учились в другой школе. Я попросила помощи у Анны Сергеевны Житковой и Анны Ивановны Киреевой, преподавателей школы им. 19 МЮДа, выслушивала их часами, делала заметки, намечала новые планы воспитательной работы. Постепенно расширялись записки о школьной жизни краснодонских ребят. Теперь я их приведу здесь, как рассказы моих коллег, от первого лица, потому что хочу сохранить точность и те прежние впечатления, которые выдержали испытание временем.

У наших врагов не один раз возникал недоуменный вопрос: чем объяснить стойкость и мужество юных сынов советской Родины? В последние годы для заграницы стали откровением необыкновенные успехи советской страны. Им и невдомек, что основа всех этих успехов начала закладываться очень давно, а в нашей стране сразу же после победы Октября начал формироваться новый человек нового времени.

Да, товарищи, в каком-то глухом шахтерском городке, маленький, босоногий, плохо одетый, пытливый и, порой, очень строптивый, бегал в тридцатые годы тот человек, которому суждено было изумить мир чистотой души своей и пламенем своего сердца.

Но об этом — потом. А сейчас — скупые отрывочные рассказы о мальчиках и девочках первого — четвертого классов.

Анна Сергеевна продолжает рассказ...

ВО ВТОРОМ КЛАССЕ

Приближался праздник Октябрьской революции. Сидят мои ребята и слушают, как рабочие и крестьяне свергли власть царя и помещиков, как установили Советскую власть. И вдруг слышу:

— А мой дедушка говорил, что он брал дворец в Ленинграде...

— Только тогда он назывался — Петроград,— подсказываю я.

— Ага, Петроград! Офицеры засели во дворце, а наши рабочие, солдаты их «выкуривали» — как лисиц, говорит дедушка.— Мальчик заразительно смеется.

— А они хотели Ленина убить! Это тоже мне дедушка говорил. Так шофер своим телом закрыл Ленина...

Слушая этот разноголосый хор детских голосов, я нечаянно взглянула на Сережу и залюбовалась им. Глаза его горели, лицо порозовело, кулачки были сжаты. Он так живо переживал передаваемое, что можно было свободно читать его чувства и мысли.

— А теперь всех врагов побили? — спросил Сережа.

— Да, многих. Но есть еще люди, у нас и за границей особенно, которым наша жизнь и порядки не нравятся.

— Не по нутру, как говорит моя мама, — отозвался Сережа.

— Да, не по душе. Они хотели бы жить так, чтобы ничего не делать, получать деньги и ходить в роскошных одеждах.

— А они ведь могут пойти войной на нас?

— Могут, Сережа. А вот, чтоб этого никогда не было, чтоб старое не вернулось и погибло там, за границей,

надо быть такими людьми, чтобы никто не мог нас обмануть. А для этого надо хорошо учиться, знать все науки. Тогда — ничего не страшно, никто нас не обманет, никто не поведет туда, куда мы не хотим идти.

Беседа продолжалась.

— В день седьмого ноября,— говорила я,— мы придем в школу в своем лучшем платье. Это ведь наш родной праздник. Его завоевывали наши отцы и деды наши.

Трогательно было смотреть, как 7 ноября Сережа пришел в курточке, обновленной не особенно искусной рукой, но свежей и нарядной. На голове красовалась большая кепка, в которой целиком утопала голова Сережи. В руках он нес красный флажок, на груди был красный бант. Горд был и доволен своим нарядом Сережа, важно выступая среди детворы.

Для ребят вторых классов устроили утренник — их не брали на демонстрацию. Они посмотрели маленькую инсценировку, поставленную учащимися пятых — шестых классов, слушали декламацию и остались очень довольны. Даже обычная детская радость — кулек с гостинцами — не произвела того впечатления, на которое мы рассчитывали. Утренник — затмил все.

ЕЛКА

Стали мы думать о том, чтобы принять участие в новогодней елке. Собрали игрушки, привлекли к изготовлению простых елочных украшений кое-кого из родителей. Разучили песенки: «В лесу родилась елочка» и «Заинька у елочки попрыгивает».

В один из предновогодних дней Сережа чуть опоздал на занятия. Ночью выпал снег. Дорожки замело. Пробираться было трудно. Вешалка была в классе, и Сережа «ввалился» в комнату весь запорошенный снегом. Был он в большой шапке, подвязанный платком, в больших, видно отцовских, сапогах.

— Вот и мужичок с ноготок! — сказала я.

— А кто этот мужичок? — посыпались вопросы с разных сторон.

Прочитали Некрасова, и Сережа стал говорить о том, что он хочет участвовать в инсценировке «Мужичок с ноготок». Договорилась я с учителями четвертых классов,

и мы провели первую репетицию, предварительно разучив текст с Сережей в классе во внеурочное время.

И вот на сцене появился Сережа. Он в полушубке, в шапке-ушанке, в рукавицах и с кнутом. Но, самое главное, достал лошадку (правда, на колесах), впряг ее в санки, на которых лежал хворост. Сереже казалось и этого мало, он хлопотал о том, чтобы сделали помост и получилась горка. С непередаваемой серьезностью он провел свою роль, вызвав бурю восторгов. Горевшая огнями елка, заворожила ребят, даже тех, кому ее устраивали каждый год. Торжественность обстановки, сознание ответственности выступления, музыка, пение, все это создавало настроение подъема и радости, которое уже не оставляло ребят. Когда появился Дед Мороз (учащийся шестого класса) и стал дарить подарки, ребята замирали в ожидании. Они с интересом следили за действиями Деда Мороза, а когда запрыгали зайчики, то восторгу их не было предела.

Сережа ходил по залу в наряде мужичка. Его он отказался снять.

СРЕДИ УЧАЩИХСЯ

Дежурство в жизни учащихся начальных классов — это не просто эпизодическое исполнение ученических обязанностей, это священнодействие, которого ждут и заранее к нему готовятся. Ведь нужно приготовить подушечку для вытирания сухой доски, иметь под руками мокрую тряпку, положить в карман кусочек мела, да не один, ведь один может пропасть. Нужно следить, чтобы во время перемены была открыта форточка, чтобы пол был чистым от бумажек. В конце занятий класс сдается следующей смене. Это целая церемония. Стоит учитель, а сбоку — дежурный класса. Дежурный следующей смены проверяет парты, заглядывая в каждую из них, не осталось ли сора, особенно шелухи от семечек, не приклеилась ли между партами забытая-упущенная промокательная бумажка. Нужно сдать класс таким, чтобы он казался только что убранным, тогда, по заведенной привычке, учительница поворачивается к дежурному и говорит:

— Спасибо, детка! Молодец, не подвел меня сегодня!

Личико дежурного озаряется улыбкой, и с сознанием исполненного долга он выходит из класса. От второй смены класс принимала уборщица, закрепленная за этой комнатой. Дежурный первой смены пробегал глазами по стенам: не сдвинуты ли плакаты, не перекосилась ли рамка портрета, политы ли цветы, стоят ли они на своих местах, нет ли где на них сухого листочка, протерты ли стекла, нет ли на забытой или пропущенной парте пыли и, если будет подмечен один из намеченных изъянов, то тут начиналась такая «кутерьма», что просто «любо-дорого». Вызывается приемщица и точно устанавливается, так ли она принимала. Обычно уборщица пускала в ход одно из действующих средств: она уверяла, что этот класс самый лучший, аккуратный, исправный и т. д. Дети, конечно, шли в искусно расставленную «паутинку» и с «миром» отпускали женщину. А если случался в период дежурства урок физкультуры, тут уж хлопот, как говорят, полон рот. Сережа, будучи дежурным в один из таких дней, «переусердствовал». Была хорошая погода, и урок физкультуры проходил на воздухе. Сережа дежурил вместе с Толей. Открыли форточку, просмотрели проходы. Ну, все как будто сделали, и вдруг явились Зина и Аля и сразу — на тебе, прямо в класс.

— Куда? Куда? — закричал Сережа, преграждая девочкам путь.

Аля заплакала. Зина наступала на Сережу, стараясь прорваться.

— А кто за тебя будет отвечать, если в классе что пропадет? Ведь я с Толей отвечаю за все.

Напрасно девочки уверяли, что физрук отослал их домой за родителями.

— А за что? — строго спрашивал Сережа.— Да как же ты смела не послушать учителя! — неистовствовал он.

Поднялся шум. Пришлось идти на помощь.

Физрук, молодая девушка, не искушенная в педагогической работе, позволила себе поступок, осуждаемый в педагогической практике — почти без причины отослала детей за родителями. Помешать этому я не могла: отменять решение педагога, пусть и неправильное, нельзя. Сколько мне стоило трудов доказать Сереже, что он поступил не совсем так, как было нужно, и напрасно не

пропустил девочек в класс, Сережа стоял на своем, отстаивал свои права дежурного.

— Чтоб не появлялись в классе, когда не положено! Дежурный отвечает! Зачем я буду пускать каждого в класс?

Прав Сережа, не возразишь, обязанности дежурного он знал. Но как ему растолковать, что случай исключительный, что нужно с большим вниманием относиться к своим товарищам по школе. Я сказала: «А они ведь совсем маленькие, Сережа, и потом — девочки...»

Лишь это возымело действие. Сережа, наконец, согласился пропустить девочек в класс, однако следовал за ними неотступно и не переставал выговаривать девочкам за допущенный непорядок. Бедные девочки чувствовали себя самыми несчастными людьми на свете.

Когда они ушли, я сказала об этом Сереже. Он нахмурился, но никак не мог понять, в чем была несправедливость. Мне же только оставалось поругивать в душе молодую учительницу, которая так легко и без смысла разбрасывается самыми строгими наказаниями.

Снег красивыми пушинками падал на землю. Ребята ерзали на местах, ожидая перемены.

— Снег, снег идет! — то тут, то там раздавались возгласы.

Прозвенел звонок, и все высыпали во двор. Скоро, однако, в классе появились девочки. Отряхиваясь, точно мокрые курочки, они тихо садились за парты. Раздавался звонок на урок, и дети медленно собирались в класс. Вот вбежала их последняя «стайка». Но когда они расселись по местам, я увидела, что Сережи в классе нет. Прошло добрых минут десять, прежде чем отворилась дверь и показалась фигура ребенка, вся запорошенная снегом. В первую минуту я подумала, что это очередная ребячья шутка и спросила:

— Кто это такой?

Присмотревшись, я увидела блестевшие глаза Сережи. Он снял шапку, и класс грохнул от смеха. Лицо, голова Сережи, весь он до самых ног был в снегу. Наверное, только что снег был и во рту Сережи. Веселая картинка. Я тоже улыбнулась, но вдруг лицо Сережи сморщилось, и слезы брызнули из его глаз. Я поняла, что случилось

какое-то несчастье. Мы помогли ему раздеться, вытряхнуть из всех уголков одежды снег. Руки его плохо слушались, и я потерла их, а потом велела принести воды в кружке и опустила их туда. Все это заняло еще десяток минут. Наконец Сережа пришел в себя.

— Ну, а теперь расскажи, что же случилось? — спросила я, когда дети вновь пошли на перемену.

— Он в ямке сидел, что вырыли для столба,— крикнул кто-то.

— А как ты попал туда? Ведь это же далеко от двора.

Сережа, теперь немножко с юморцем рассказал о том, как он пристроился к группе старших из четвертого класса ребят — «все стреляли по противнику «партия на партию», да к ним прибавилась «сила», и они нас погнали»...

— Я,— говорил Сережа,— задки, задки шел да не заметил, как попал в яму, вниз головой... Насилу я оттуда выбрался. Она-то ведь (яма) мне с головой, и я никак не выберусь, хоть ты что! — говорил Сережа.— А потом шел один дядька, да и говорит: «Значит не по силам вылезти! Ну, давай руки — вытяну». — Я подал ему руки, и он вытянул меня оттуда...

— Вот видишь, как нехорошо получилось, что ты отбился от своих ребят. Могло быть и совсем плохо, если бы тебя не вытащили.

— Ого, не вытащили! Все равно кто-нибудь бы шел по площади.

— А чего же ты боялся?

— Руки замерзли. Больно...— Сережа смущенно поглядывал по сторонам, угнетенный нахлынувшей слабостью.

Мне было жаль попавшего в неожиданную беду мальчика. Я видела, ребята ему сочувствуют. Но девочки поглядывали на Сережу сердито, кажется, злорадствовали.

Прошел еще урок. На четвертом открылась причина такого отношения девочек.

— Анна Сергеевна, а ребята в класс снег приносили и натирали нам лицо.

— Кто это делал?

Девочки на минуту замялись, а потом сказали:

— Да и Сережа это делал.

Что ж, выходит пора начинать разговор об «уважении к женщине», о сдержанности и нормах поведения. В конце урока я и начала об этом.

— Все мы, вы и я, конечно, были очень обеспокоены, когда Сережа упал в яму. Мы ему очень сочувствовали, и, по-моему, нет ученика, который не спросил бы: «Ну, как ты себя чувствуешь? Не болят ли руки?» Проявление заботы о товарище — это очень хорошо. Это хорошее товарищеское чувство. Но что же делает наш товарищ? Чуть «ожил» и платит девочкам тем, что приносит снег в класс и натирает им щеки. Так отплатил Сережа своим товарищам за внимание, которое оказали они ему в беде. А вот мне хотелось бы видеть другое. Часто вам приходится идти в школу и из школы вместе, иногда довольно далеко. А вдруг выскочит злая собака и бросится на девочек. Рядом с ними идет Сережа. Собаки он совсем не боится. Так неужели же он не заступится за своих товарищей, за своих одноклассников, членов своего коллектива? Нет, я думаю, не только Сережа, но и каждый из вас бросится на защиту девочек. Надеюсь, вы поняли меня. Ведь когда мы будем жить дружно, коллективом, то нам никто не страшен. Согласны, ребятки? Кто согласен, тот поднимет руку. Ну?..

Поднялся лес рук. Все старались сказать погромче: да, согласны!

— А теперь идите домой,— предложила я, не желая вступать в длительные переговоры, которые только могли потопить главное.

Во время беседы я нет-нет да и взгляну на Сережу. Полное внимания, глубокомысленное личико его в начале выражало недоумение. Он не знал, как следует поступить ему самому.

Однако через три дня я узнала, какие «выводы» для себя он сделал. Я обратила внимание, что Сережа появился в классе с шишкой на лбу. Девочки, которые вошли вместе с ним, тоже казалось участвовали в драке. У одной синяк, у другой растрепаны волосы. Я спросила, что случилось.

— Ударилась,— ответила она.

Никто не дополнял этого короткого ответа. И только спустя дня два мне рассказали, что случилось.

Ученица нашего класса Лина только что вышла в коридор, как мальчик четвертого класса Иван Перебейнос

подставил ей ножку. Лина ударилась об угол двери. Это увидел Сережа. Он сразу же ринулся на Ивана и со словами: «Ты зачем ей ножку подставил?» — толкнул его в грудь. Перебейнос был старше и сильнее Сережи. Он ответил так, что Сережа отлетел в угол, ударившись лбом о косяк двери. Только присутствие дежурного учителя спасло Сережу от дальнейшей расправы.

Да, увы, такими иногда бывают последствия самых правильных, самых обдуманных бесед учителя со своими учениками...

Могло ли мне представиться,что мальчик именно таким образом ринется на защиту девочки? Благо, об этом случае не узнали любители теоретических споров о методах воспитания.

Дети любили уроки по развитию устной речи. Материалом для устных рассказов служили различные графические картинки. Они были очень бледными, потертыми и не всегда, конечно, устраивали. Однако, ничего не поделаешь, в районо картинки эти числились в инвентарной книге. А если числились, то надо и служить делу. Глядя на эти картинки, ребята умудрялись составлять неплохие для их возраста рассказы. Сережа пошел дальше. Один раз он принес свою картинку и построил по ней такой рассказ, что ребята раскрыли рты.

— Хорошо рассказал Сережа? — спросила я.

— Хорошо! — восторженно отвечали они.

— А картинку хорошую он нарисовал?

— Хорошую! Лучше, чем вы нам показывали!..

Чем возразишь против правды?

Конечно, картинка Сережи была испещрена цветными пятнами, ломаными линиями. Но может быть в этом и не было особого греха? Дети делают для себя, серьезно, вдумчиво, как и положено. Не к таким ли мерам надо стремиться?

Характерно то, что у Сережи появились подражатели, и у нас совершенно неожиданно оказалась серия картинок, выполненных учениками.

В каждом таком случае надо немедленно идти дальше. Начала самостоятельности, ответственности всегда необходимы в школьных условиях. Мне очень хотелось навести какой-то строгий порядок в санитарном состоя-

нии класса. Многому ли помогут постоянные замечания учителя, выговоры и наказания? Не лучше ли передать заботы о санитарном состоянии самим учащимся?

С началом весны детей потянуло на воздух. Начались игры то в палочки-стукалочки, в копырка, в кошки-мышки. Проходя во дворе школы, я встретилась с ребятами, занятыми играми. Ребята группировались по содружеству. Самой буйной группой была обычно та, в которой играл Сережа.

Еще в апреле ребята стали приходить в школу босиком. Кое-кто из них приходил, забыв умыться, а руки мыть перед уходом в школу забывали не только мальчики, но и девочки. Нужна боевая санитарная комиссия, чтобы исправить положение. Она была, но была какой-то «молчаливой», невлиятельной. Я решила собрать ее вместе со всеми учениками и наметить общую программу — приходить в школу опрятными, то есть умытыми, причесанными, с чистыми руками и ногами, обязательно подпоясанными (для мальчиков), со стриженной головой и непременно с носовыми платками; книги держать обернутыми, без помарок и клякс; тетради не мять; чисто, хорошо выполнять домашние задания. А следить за всем этим должна специальная проверочная комиссия, возглавляемая одним из выбранных членов. Начальником один учащийся мог быть только неделю, а затем появлялся другой. Вначале проверка проводилась только в моем присутствии, так как некоторые ребята никак не могли согласиться отдать себя на суд товарищей. А потом это так привилось, что мое присутствие уже не было обязательным. Только тогда, когда комиссия выносила категорическое и суровое решение:

— Иди умывайся! — создавались конфликты, которые решались с моим участием.

Но школьное время не продолжается круглый год. Не все, что хочешь, успеешь сделать в течение одного учебного года. Все чаще и чаще стали слышаться разговоры о том, что скоро начнутся каникулы...

И вот наступил этот день. К нему мы подготовились. Все комиссии, которые у нас были, сделали отчеты, отдали на хранение имевшиеся в классе вещи: полотенце, цветы, часть портретов и др. Все узнали, наконец, о том, кто с какими оценками перейдет в следующий класс

(оставшихся на второй год не было). Были ребята, которые не могли бойко читать, ребята-грязнули, у которых тетради всегда оказывались с кляксами, и мне очень не хотелось потерять с ними связь на лето. Я решила провести «прощальную беседу». Я говорила о том, что ждет ребят летом, сколько развлечений, радости дает лето, но тут же напоминала и о трудовой зиме, о предстоящем новом учебном годе. Лица ребят становились сосредоточенными.

— А если я захочу придти в школу, то можно это будет?..— громко прозвучал голос Сережи.

Я рассмеялась.

— Да ты что же думаешь, когда ты будешь отдыхать, то я буду сидеть в школе и ожидать тебя? Я ведь тоже буду отдыхать.

— А как же тогда?...— и Сережа не договорил.

Я поняла его и продолжала:

— Ты ведь знаешь, где я живу? Ну, вот, конечно, и придешь ко мне, когда тебе вздумается.

Обеспокоенная физиономия Сережи теперь расцвела.

— Я обязательно приду к вам! Я ведь близко живу от вас...

Свою работу я строила так, чтобы не порвать связи с детьми. Я им говорила о том, как планировать свое время, сколько дней нужно отдыхать от занятий и когда надо взяться за работу. Ведь три месяца — это долгий срок. Можно все забыть. Кое-кто, по договоренности со мной, получил летние задания и срок, в который он должен был сдать их (показать).

Почти все взяли задания, и те, кому это полагалось, и те, кто «просто захотел».

Расстались, однако, ненадолго.

Через несколько дней я встретила группу ребят. Была жаркая июньская пора. Шла я на огород, который находился на берегу речки Каменки. Послышался крик, гиканье, свист кнута, и меня опередила группа шумных ребят. Почти все они были только в трусиках, с открытыми головами. В центре группы бежала большая черная собака, запряженная в детскую коляску. В коляске сидел маленький паренек. Шумная ватага, а с ней и «экипаж» поравнялась со мной. И тут же произошла катастрофа: паренек вывалился из экипажа.

Сергей!

— Здравствуйте, Анна Сергеевна! — радостно приветствовал он меня, протирая от пыли глаза.

Я невольно улыбнулась.

— Куда же это ты едешь?

— А купаться! Орлик везет. Да только он уж уморился. Видите, лег.

Теперь я заметила, что свалив седока, Орлик немедленно улегся.

— А как ты хорошо загорел,— похвалила я Сергея.

— Так я ж целый день на речке, в воде, на песочке!

— А чем ты еще занимаешься?

— А вот скоро начну заниматься. Мы с Надей высчитали, что я третью часть лета отдыхаю, а остальное время буду заниматься.

Увы, мои сроки уже изменились...

Ребята окружали нас плотным кольцом, чумазые, различного возраста, точно толпа чернокожих. Нехватало соответствующего одеяния, а то сошла бы за группу индейцев. У каждого на лице расписной рисунок (к вспотевшему лицу плотно пристала пыль, а будучи размазана руками, она и дала причудливый узор). Нашлись человека три-четыре из нашей школы, остальные были старше по возрасту, их, видимо, привлекла новизна затеи.

Орлик лежал, высунув язык, тяжело дыша. Молниеносным движением Сережа ввалился в коляску, как-то особенно присвистнул, щелкнул кнутом и «упряжка» понеслась. Только пыль курилась по дороге, да долго еще в воздухе стоял галдеж.

Недели две после этого я не видела Сережу, а затем он вновь попался мне на дороге. Проходила я как-то по поселку, возвращаясь от знакомых, и вдруг с крыши сарая слышу возглас:

— Здравствуйте, Анна Сергеевна!

Я подняла глаза и увидела на крыше маленькую фигурку Сережи с большим шестом в руках. Когда я хотела ответить на приветствие, Сережа, заложив палец в рот, пронзительно засвистел, махая палкой.

— Смотри, смотри!..— кричал он.— Не давай садиться!

В воздухе кружилась стайка белых голубей.

— Мы выпустили их потому, что хотим «залучить» чужака, а потом взять отступного,— тараторил он.— Я это чужих голубей гоняю. Скоро у меня и свои будут.

Муж Дунин, моей-то сестры, что женилась.., тьфу, вышла замуж, обещал мне пару «вертунов». У него все такие, как летят, так все вертятся.

— А где же ты их будешь держать? Спрашивал ты дома разрешения завести их?

— Тьфу-у,— как-то с присвистом произнес Сережа,— деду все равно, а мать... она разрешит.

— Мне не нравится, Сережа, что ты отца зовешь дедом и так небрежно произносишь это слово.

— Ну, право же нет, Анна Сергеевна, это вам так кажется! А дед... отец у нас сердитый! Ни за что отдует... Только попадись... Одно — кхе, кхе... А как поймает за руку, как железом скрутит, не вырвешься,— тараторил Сережа, размахивая палкой.

— А как же с кормом? — говорила я.

Мне почему-то не хотелось уходить, не поговорив как следует с Сережей.

— Ого, я об этом меньше всего... Ребята принесут, да и мать обещала. Я уж хламье поразбросал с чердака, там его было... ужасть!

— Сережа, где же ты слышал такое слово «ужасть»?

— А как?

— Да «ужас» надо говорить!

— А разве это не все равно? А наша мать, да и ... отец, всегда так говорят.

— Ну, до свидания! Приходи в гости.

— А когда?

— Когда хочешь.

И я ушла, с трудом борясь с желанием оглянуться и посмотреть еще раз на Сережу.

Когда-то теперь увижу этого славного паренька?

ГОСТИ

Только в августе, в обществе трех девочек, появился у меня Сережа. Он принес показать свою летнюю работу, которую выполнил вместе с Надей. Тетрадка была опрятная. Текст написан хорошо.

— Ну и мучился же я! — откровенно сказал он. — Надя заставляла мыть руки обязательно. Хоть ты что! Показываю — совсем чистые, а она одно: мой, да мой. Пристанет, как смола, — откровенничал Сережа.

— А ну, прочитай мне вот это. Ты не забыл читать-то?

— Нет, я и читал тоже, — и открыл книгу.

Читал он и ранее бойко, а теперь, чувствовалось, и совсем хорошо. Я не могла не похвалить. В конце тетради я увидела рисунок и решила рассмотреть его получше.

— Это я рисовал с картинки,— говорил Сережа, расцветая от моей похвалы.

Он мне тут же с искренней грустью сообщил, что Толя уехал из Краснодона.

— Папа его поехал в другой город. Толя сказал, что пришлет мне письмо...

Что ж говорить об уехавших друзьях, я поспешила перевести разговор на другое.

— Ну, а как с голубями? — спросила я.

— Одного кошка поймала. Они молодые, еще плохо летают, а она забралась и... «адюк».

— И откуда у тебя такие словца?

— А мне они нравятся. У нас все так говорят.

Его сросшиеся брови как будто еще больше сдвинулись, что-то стало намечаться в характере, хотя еще трудно было определить, что именно. Я только чувствовала, что Сережа повзрослел, хотя и остался таким же коротышкой, почти не прибавив в росте. Бросилось в глаза отсутствие передних двух зубов. Сережа сказал, что он их «зализал», и их теперь нужно «протирать суконкой».

— А кто же теперь у тебя «задушевный» друг? С кем ты чаще всего встречаешься?

— А это у меня есть сосед Гриша Остапенко. Так мы с ним, чуть не спим. Да и спали бы, да мать Гриши все кричит: «Сынок, иди домой!» У них сука привела щенят, аж пять штук. Там каких только нет! И черненькие, и серые, и даже белый один... Только рябенький. Они еще слепые, а Пальма никого не пускает в логово. Ляжет к дверям спиной, закроет их от нас, и хоть ты что! Мы их пробовали перенести в другое место, ну так она их все равно перетаскивает...

Сережа старался говорить образно. Он то повышал, то понижал голос, жестикулировал, словом весь горел.

Расспросила я, какие книги он купил для 3-го класса.

— Купил книгу для чтения и уже прочитал,— говорил Сережа.— Она мне нравится.

— Ну, дети, сегодня вы у меня гости и я принимаю вас, как гостей. Сегодня я купила пару арбузов. Вот сейчас мы один и «зарежем».

Дети умолкли, следя за тем, как я несла большую тарелку и затем ставила ее на стол, как обмывала водой арбуз и объясняла почему я это делаю, как вонзала нож в трескучую рябую кору. Глазенки ребят загорелись. Но к моему удивлению ели они мало. Сережа, съев один кусочек, отказался взять еще.

— Что, тебе не нравятся арбузы, ты их не любишь? — допытывалась я.

Сережа отвечал:

— Да нет,— но арбуз не брал.

И никто не взял больше одной скибки: ребята, оказывается, умели сдерживать свои желания.

Ушли мои дорогие деликатные посетители, и больше я их не видела до начала занятий.

3-Й КЛАСС

Начался новый учебный год. Состав моего класса во многом изменился. Кто уехал с родителями, поступил в другую школу. Немало прибавилось новеньких. Выходя во двор во время перемены, я внимательно наблюдала за учащимися своего класса. Разбившись на группки, они играли кто во что горазд. И вот однажды...

— Анна Сергеевна, нам Сережа не дает играть в класса! Перебивает!

— Как это может случиться, если он играет в мяч?

— А вот когда ему надо ждать своей очереди, чтоб бить мяч, он забегает к нам и на одной ножке промчится по «классам», сбивая девочек.

Сережа не мог быть без движения ни минуты. Он успевал и играть и еще мешать — сердить девочек. Пробежав после мяча на «масло», он без передышки бежал еще к девочкам. Это занимало его время, а вот это-то ему и нужно было. «Неугомонная натура» требовала движения, и Сережа вертелся, как юла.

— Ведь ты мешаешь девочкам.

— Да чем же я мешаю? Уж и мешаю, если разок проскочу,— и Сережа смеялся открыто, заразительно.

Попробуй, осуди!

А вот, что произошло в другой раз...

Как-то осенью у нас случилось следующее: первым уроком была арифметика — устный счет. Закопался Сережа где-то в парте, а потом из парты его неожиданно вылетел воробей и ударился в окно. Все внимание ребят сосредоточилось на маленькой птичке, а в это время полетел второй воробей, за ним третий. Об уроке забыли. Я почувствовала, как у меня начинают гореть щеки. Помедлила немного, тоже наблюдая за полетом воробьев, овладела как будто собой и подала команду: «Закрыть тетрадки»...

— Урок сорвали воробьи, которых кто-то принес в школу и во время урока выпустил на волю. Кто это сделал?

Дети повернулись к Сереже. Он сразу же встал. Щеки его тоже пылали.

— Я, Анна Сергеевна, принес птичек и выпустил. Я их принес Феде, у него живет филин. Первого нечаянно, а остальных... все равно уж! И я открыл коробочку...

— Вон, вон, полетел воробей! — кричали ребята,— Анна Сергеевна, поймать их? — вторили другие.

— Дежурный, открыть форточку,— скомандовала я.

Летая по классу, один воробей вылетел в форточку, другой в коридор и только третий, последний, тщетно бился о стекло. Ударившись грудью, он упал на подоконник, и я взяла его в руку.

— Ну, теперь все! Сядьте по местам!.. Посмотрим, сколько времени из урока отнял у нас Сережа своей выходкой.

Сережа стоял за партой. За воробьями он не следил, но и не вступал в разговор. Да к нему, правда, никто и не обращался. Урок начался снова. Я дала задание на дом, решив не разговаривать с Сергеем, пока не замечать его. Напрасно он проявлял свое «полное» внимание, тянул руку, даже несколько раз сказал: «Я скажу». Его я обходила. Держал, держал руку Сережа, и все напрасно. На третьем уроке он понял, что я намеренно не спрашиваю его и стал скучным, перестал поднимать руку, «уткнул» нос в книгу. Окончился и четвертый урок. Дети почувствовали неестественность положения и робко посматривали на меня, а потом переводили взгляд на Сережу. Собирались медленно, но, наконец, ушел и последний ученик. У дверей показался Сережа. Он быстро

направлялся ко мне. Сняв шапку и отвесив почему-то поклон, Сережа сказал:

— Анна Сергеевна, я больше так никогда не буду делать...

— А вот почему ты это не сказал при товарищах? Ты дождался, пока все ушли, а тогда только пришел извиниться! Нет, Сережа, так нельзя. Мне неприятно, что я тебе верила и ошиблась в тебе...

Последние слова я произнесла уже выходя из класса. Как ушел Сережа, я не видела. Проступок был слишком тяжел, чтобы прощать его сразу. Я понимала, что совершил его Сережа без злого умысла. Но сорвать урок — это не помешать девочкам играть в класса. Виновник должен прочувствовать свою вину.

И все же, как это трудно наказывать ребят...

Наступил новый день.

Напрасно я взором искала Сергея в классе, думая, что он пересел куда-нибудь «подальше». И на следующий день Сережи в классе не было. Не пришел он и на третий день...

— Никто не знает, почему Тюленина нет в классе? — спросила я.

— Он бегает с сумкой по базару. А когда мы спросили, придет ли он в школу, Сережа ответил: «А вы не видите!», и указал нам на сумку,— говорили девочки.

Дело принимало неприятный оборот. Я решила идти на квартиру к Тюлениным. Сообщили мне потихоньку, что Сережа примкнул к группе беспризорных, которые занимаются мелкими кражами яблок, арбузов и прочего с возов колхозников, что за мелкие услуги, оказываемые группе, перепадает кое-что и ему. Окончились уроки, и я направилась к Тюлениным. Дело было под воскресенье. Дорога наша лежала через базар, где в одиночку и группами сновали ребятишки.

— Вы ищите Сергея? Я покажу вам его,— сказал ученик четвертого класса нашей школы (сосед по квартире Тюлениных).

Он быстро двинулся через дорогу, за ним торопливо пошла и я. За зданием гастрономического магазина спиной к нам стоял мальчик и из арбузной половинки руками выковыривал мякоть, жадно совал ее в рот. Увлечен он был этим делом страшно, и я постояла добрых пару минут, пока мальчик, в котором я узнала

Сережу, швырнул арбузную корку, шмыгнул носом, рукавом вытер лицо и повернулся ко мне. Пыль толстым слоем лежала на его физиономии, и только белели места, отмытые арбузом. Они приняли форму бабочки с раскрытыми крылышками, и лицо Сережи имело комичный вид. Был момент, когда он от неожиданности потерялся, а потом сделал попытку уйти, но я уловила этот момент и крепко взяла его за руку. Увял он как-то. Подчинялся теперь чужой воле и только просительно сказал:

— Пустите, Анна Сергеевна, я сам пойду.

Молча мы дошли до его квартиры. Вышедшая мать всплеснула руками и потянула Сережу умываться.

— Вы знаете, что Сережа уже три дня не был в школе?

— Родненькая, потише говорите! Дед только что лег отдыхать. Пришел с работы...

Мне показалось, что Александра Васильевна заботилась не о деде и его покое. Она как будто оберегала Сережу от жестокой расправы отца. Мне вспомнились слова Сережи: «Побьет ни за что! Как клещами руку зажмет, не вырвешь!»

— А ведь он все эти дни ходил в школу,— говорила Александра Васильевна.— С ребятами вместе возвращался. Вот мне и невдомек, что он только для близиру берет сумку. Иной раз он даже занимается... Да ведь мне следить-то за ним некогда.

Надя что-то вполголоса говорила мальчику, одевая на него чистую рубашку. Наконец, он показался. Стал у притолоки и опустил глаза. Молчал Сережа, молчала и я. Что говорила Александра Васильевна, я плохо помню. В голове моей роились различные мысли, но главная из них была одна: как поступить, чтобы не причинить большого горя этому коротышке-мальчику, которому видно несладко живется у родного отца. Не все мать говорит «деду», это сразу было видно и по тому, как заботливо она прикрыла дверь в следующую комнату, где отдыхал Гаврила Петрович, и по тому, с какой непередаваемой материнской жалостью смотрела она на Сережу.

— Подойди ближе ко мне! — сказала я.

Сережа дернул носом, переступил шага на два. Я протянула к нему руку и поставила его с собой вплотную.

— Почему ты не приходил в школу? — понизив голос, спросила я.

Губы Сережи начали дрожать. Он хотел что-то сказать. Голос оборвался и Сережа расплакался. Из глаз его сыпались крупные слезы, дрожали губы, конвульсии схватывали лицо. Утирала краем передника глаза Александра Васильевна. Надя отвернулась, и у меня что-то защипало в горле.

— Покажи тетради и книги. Вот этот материал я дала на урок. Решить две задачи, списать 13-е упражнение. Прошлый материал надо знать. Справишься?

Сережа утвердительно кивнул головой.

Поднялась я с нехорошим чувством. Я все искала разгадку случившемуся и думала: верно ли я поступила? Я поняла, что только ласка, заботливое отношение, внимание к Сереже, то есть все то, чего он, видимо, был лишен отцом, и могут оказать на него положительное влияние.

ПЕРВЫЕ ПОМОЩНИКИ

Большим событием в жизни нашего класса был приход к нам в класс вожатой, ученицы нашей же школы. С ней вошла и я.

— Вот, ребята, комсомольская организация нашей школы направила к нам в отряд вожатую. Вы, дети Октября, составляете отряд октябрят, которых и поведет теперь ваша вожатая Нина. Ей я уже дала список нашего класса. Теперь вы должны будете выбирать совет отряда из пяти человек. Выбирать будем самых лучших, самых достойных.

Пока я говорила, Нина понемногу набиралась смелости. Но все также стояла, опустив напряженные руки и не глядя на ребят. Я решила, что ничего не получится. Уж очень скромная девочка стояла передо мной.

Но жизнь показала другое.

В совет отряда вошли пять человек (три мальчика и две девочки, на такой пропорции настаивала я). Дети, особенно девочки, жались друг к другу и как будто потеряли дар речи. В числе избранных мальчиков оказался и Сережа, который потом прошел председателем отря-

да. Сказали мы о той почетной роли, что выпала на долю Сережи, о том, что он будет делать.

— Ты теперь мой ближайший помощник, и как мы с тобой поработаем, таковы и результаты будут. То я одна заботилась об успеваемости класса, о том, чтобы была хорошая посещаемость, чтоб не было опаздывающих на уроки, чтоб все приходили чистыми, опрятными, чтобы каждый разумно распределял свое время, знал уроки и умело отдыхал, читал книги, посещал кино. Теперь мы это будем делать с тобой вместе. Да мало ли что еще можно придумать!

Дети прислушивались очень внимательно к каждому слову, новизна покорила их.

— А если кто-нибудь будет плохо готовить уроки? — спросил кто-то.

— Ты хочешь спросить, что мы тогда будем делать? Первое: мы узнаем, почему это у какого-нибудь Вани или Пани бывают неподготовленные уроки.

Ребята засмеялись. Дело в том, что Ваня Свиридов, мальчик с хорошими способностями, выполнял домашние задания очень небрежно. Тетради изобиловали кляксами, Ваня старался ликвидировать их по-своему, протирая тетради до дыр.

Однако слова остаются словами. Ребята послушали меня, послушали Нину, которая наконец избавилась от первого смущения, и я заметила, как новизна положения начинала терять свою силу, а ожидающие взгляды потребовали действия. На Ваню поглядывали с любопытством: из всех ведь упомянули его одного...

— Завтра обсудим план нашей работы,— сказала Нина.

Все, конечно, ждали этого «завтра».

Наступило «завтра». Начали обсуждать план. Для всех это оказалось чрезвычайно интересным. Дошел черед и до Вани Свиридова. Было решено, что к Свиридовым я пойду вместе с Сережей.

Поход состоялся в воскресенье утром.

Мы нашли Ваню Свиридова, который, как оказалось, остался за старшего в доме. В люльке качался малый ребенок (восемь месяцев, как сказал Ваня), на полу играл второй, Вова, пяти лет. Сам Ванюша и рад был нас встретить, но едва сказав несколько слов, стремглав бросился к плите.

— Мама велела кастрюлю открыть, чтоб борщ не сбежал...

Как могли, мы помогали Ване, пока пришла его мать с базара. Кто-то, наверное, сказал ей о нашем приходе. Она сразу же стала жаловаться на трудные условия жизни: оставить детей не на кого, и послать, кроме девятилетнего Вани, некого.

— Беда да и только. Закрутилась совсем.

— Когда же он уроки делает?

Мать насторожилась: вопрос ей не понравился.

— Да ведь он свободен целый день! Если там дите покачает, воды принесет, или за хлебом сбегает, так это ведь не работа.

Разговаривать дальше было нечего: Ваня не виноват. Мы ушли. И сразу же наметили план дальнейших действий. Ближе всех живет к Ване Сережа. Вот в четыре часа он и будет приходить за Ваней и вместе с ним готовить уроки в доме Сережи.

Сережа согласился.

Никогда до этого, ни после этого так тщательно не готовил Сережа уроки. Выравнялся в учебе и Ваня. Исчезли кляксы, небрежное письмо. Только первое время Ваня вскакивал, если что шипело на плите в Сережином доме. Не обошлось и без ссоры. Пришел однажды Сережа к Ване, а мать заявляет, что Ванюше некогда, так как она должна отлучиться из дому. «Ощетинился» Сережа.

— Что же вы хотите, чтобы Ваня пошел в школу, не выполнив задания? Хотите этого?

— А вот ты, учитель, приди сюда, да с ним тут и делай уроки,— говорила мать.— Я за Вову тогда буду спокойна.

Видно, такая мысль не приходила Сереже в голову, и он на некоторое время задумался, а потом, заявив: «сейчас», пулей вылетел из комнаты. Через десять минут он вбежал, запыхавшись, с учебной сумкой.

— Хорошо, я здесь с Ваней буду делать уроки.

С тех пор частенько Сережа приходил к Ване в отсутствие матери выполнять уроки, и это не снижало их качественной ценности.

— Ну, такой же шустрый этот мальчишка Сережа,— удивлялась женщина.

Случалось, ребята готовили уроки и в ее присутствии.

— Ванюша, ты бы сбегал за водой, а то мне некогда.

— Сейчас мы заняты. Сделаем уроки, тогда принесем,— отвечал Сережа.

Мать соглашалась, постепенно проникаясь уважением к занятиям сына.

Обычно Ваня отставал от Сережи. Председатель отряда говорил тогда:

— Я покачаю Шурика, а ты кончай писать.

И Сережа качал мальчика. Случалось, что Шурик не хотел больше спать, тогда Сережа вынимал его из люльки, сажал себе на шею и, изображая лошадку, носился по комнате, пока Ваня кончал работу. Только тогда считал себя Сережа свободным, когда все уроки были выполнены. Случилось один раз, я предложила повторить правила и составить к ним предложения. Сережа и Ваня, видимо, забыли это сделать, и когда я попросила прочитать придуманное предложение, Сережа потерялся. Я догадалась, в чем дело и решила дать ему прийти в себя. Дошла, наконец, очередь и до него. Встал он и с открытым взглядом своих правдивых глаз заявил:

— Я, Анна Сергеевна, забыл их придумать. Вот, правда, забыл! Ей богу...— сказал Сережа, желая сильнее убедить меня в правдивости своих слов.

— Ну, это уж ты напрасно.

— А у нас еще и не так божатся, говорят: «лопни мои глаза, провались я...» и другое.

Нужно ли было упрекать мальчика и за невыполненное задание, и за то, как он «божится». Я ценила и поддерживала в нем одно ценное качество, которое должен ценить каждый воспитатель,— правдивость. Пусть председатель отряда пока неловок в выражении своей правдивости, но допускать еще одно осложнение в отношениях с ним — кто бы на это решился!

Нина удивительно тонко понимала задачи воспитательной работы. Эта, на первый взгляд, неловкая, совсем юная девушка умела все повести так, как будто не она предлагает ребятам, а ребята сами затевают что-нибудь хорошее, и она их только поддерживает.

К первому января мы решили выпустить стенную газету. Как и полагается, выбрали редколлегию, назначили редактора. Еще одна новинка увлекла ребят на-

столько, что они жили ею всю вторую четверть. Прежде всего узнали, кто из старших братьев, сестер или родителей наших учащихся умеет рисовать, потом редколлегия обсудила вопрос кто попадет в стенгазету, ее первый номер. Вытащили «на солнышко» нарушителей дисциплины, нерях, курцов и т. д. Вспомнили, конечно, и отличников по учебе и дисциплине. Приготовили несколько отдельных красочных картинок. Уж тут старались все. Наклеили их на большом листе бумаги с соответствующими надписями, к ним пристроили красивый уголок, и стенгазета третьего класса, отряда октябрят была готова. На первом месте — нарисована новогодняя елка вся в огнях и наряде, с веселой толпой ребят вокруг. Виднелся и традиционный Дед Мороз, и зайчишки (елку нарисовал художник клуба, дочь которого училась в нашем классе). Цвели ребята, просматривая нет ли где на бумаге складочки, прямо ли прибито полотно и т. д. Нина, предложившая выпускать стенгазету, стояла в сторонке довольная и радостная.

Как-то зашли посмотреть нашу стенгазету учащиеся четвертых классов, пионерского отряда № 3. Один из них неосторожно провел рукой по газете и надорвал край полотна. Поднялся такой галдеж, что я выскочила из учительской, испугавшись какого-нибудь несчастья.

— Подклеивай, подклеивай! — кричал Сережа, жестикулируя руками перед носом сравнительно большого мальчика, который стоял перед ним с виноватым видом.

— Больше никогда не будем пускать! Смотрят, а потом рвут... Тоже гости...— ораторствовал Сережа. С растерянными лицами ушли ребята, не пытаясь оправдываться.

Январь нового года был особенно снежным. Проснувшиеся жители часто не могли открыть наружных дверей, такие сугробы понаметало кругом. Стали опаздывать поезда. Началась борьба с заносами. Не раз комсомольская организация нашей школы водила ребят очищать железнодорожные пути, что соединяли шахты со станцией. Нетерпеливей становились малыши, когда видели через окно падающие хлопья. Чуть только ударит звонок, ребята тревожно заерзают на партах — ско-

рей-де отпускай. Я никогда не задерживала класс и сразу свертывала работу. «Встать!» — командовала я — «На перемену!» Ребята торопились к вешалке. Во дворе они занимали свои места: становились партия против партии. Тех, кто не принимал участия в игре, выкатали в снег. Зина Шевченко однажды пришла вся в снегу, со слипшимися ресницами и бровями, но не плакала.

Не одними играми в снежки заканчивались забавы. Были и другие зимние игры. Больше всего тянуло туда, где собирались ребята повзрослее.

Очень хотелось Сереже попробовать ходить на лыжах. У нас в школе их было пятьдесят пар, но все — для взрослых, а потом и не для всех взрослых, а для активных лыжников. Хотелось мне доставить удовольствие малышам, и я уговорила физрука отобрать две пары детских лыж из новой получки. Велика была радость ребят, когда я объявила, что для нашего класса на одну неделю выделили две пары настоящих фабричных детских лыж. Но ведь все сразу их не получат. Кому первому? — спросили мы у ребят.

— Сереже первому стать на лыжи,— кричали одни.

— А учится-то он теперь как? Что ж это лучший ученик в классе? — говорили другие.

Действительно, очень часто в последнее время в тетрадях Сережи появлялись четверки и даже тройки.

— Вот Валя Панина имеет одни пятерки. Она и должна первой получить лыжи,— говорила часть учащихся.

И все же большинство высказывалось за то, чтобы Сережа вместе с Колей Зарубиным были в числе первых, которые получат лыжи. Интересно было, что ему очень хотелось первому получить лыжи, но он вполне соглашался и с теми замечаниями, которые делали ребята класса. Когда говорили о получаемых тройках, он торопливо выхватывал тетради и начинал листать их, отыскивая тройки, точно видел их впервые. Он как будто только теперь начинал понимать связь между поведением, учебой и возможностью получить желаемое удовольствие. Он ничего не говорил, но на лице его были ясно написаны чувства, которые обуревали его. И он вздохнул с облегчением после того, как дело уже разрешилось в его пользу. Сел тихонько за партой и первое время приумолк. Видно было, что мальчики оттеснили

девочек на конец списка. Они поддерживали друг друга. Я указала на недопустимость такого положения и горячим моим сторонником оказался Сережа.

— Ведь девчата...— заговорил он.

— Девочки,— поправила я.

— Девочки тоже хотят кататься. Они учатся даже лучше ребят. Вот хотя бы Валя Панина. А мы не дадим ей вперед лыжи. Это правду говорит Анна Сергеевна, что нам будет стыдно. Ведь теперь женское равноправие,— неожиданно закончил он.

Я рассмеялась. На этом и порешили: девочек не обижать и наравне с мальчиками давать лыжи. Предложили сделать запись, что я и выполнила сейчас же, объявив результаты.

Прошло несколько минут. Вбегают ко мне в класс девочки и кричат:

— Анна Сергеевна, пойдите скорее во двор! Посмотрите на Сережу, как он катается на лыжах, как большой... Вот правда же... Пойдемте... Скорее,— торопили меня дети.

Первое, что бросилось мне в глаза при взгляде на Сережу — это заметная ссадина на правой стороне лица.

— Откуда это у тебя?

— Упал! — кричали ребята.

Сережу сопровождало несколько ребят, не попавших в число тех счастливцев, которым сегодня давались лыжи.

— Хотел с насыпи съехать, да носом и поехал,— захлебываясь, говорили они.

Сережа молчал. Он старался, видимо, как можно полнее использовать предоставленное ему право кататься на лыжах.

Прошла неделя. Истек срок владения лыжами. Но пробужденный интерес к зимнему спорту только возрос. В этом я скоро убедилась, когда обнаружила, что Сережа сидит в классе с коньками на ногах.

Я вызвала его к доске решать задачу.

Сережа старается ступать так, чтобы от шагов не было гула. И вот он у доски. Глаза внимательно смотрят мне в лицо, желая угадать мое настроение и отношение к случившемуся. На валенок, с чужой ноги, веревкой привязан единственный конек кустарной работы — деревянная прокладка, а по верху валенка дере-

вянный колок. Мельком взглянув на его ноги, я продолжала решать задачу с детьми, точно не замечая на его ноге «украшения». Дольше, чем обычно, я задержала его у доски, хотя и видела, как тяготил его конек. Когда в процессе работы я повернулась к классу, Сережа быстро нагнулся, повернул колок, и конек отделился от валенка. Сдвинув его незаметно в сторону, он теперь увереннее и сосредоточеннее принялся за решение задачи и одолел ее.

— А теперь разберем, что позволил Сережа и как на это надо смотреть. Спорт — дело полезное. Он укрепляет здоровье, прививает ловкость, умение держаться и выйти с честью из любого трудного положения. Кататься на коньках, даже стоять на обеих ногах на коньках — это великое дело. Но им нельзя злоупотреблять. Вы все видели, как Сереже трудно было стоять на одном коньке, как хотел он отделаться от него, а потом-таки сбросить с валенка. А как было бы хорошо, если бы Сережа, приехав в школу, «отпряг» бы его, вложил в парту, а перед тем, как идти домой, вновь впряг бы его и поехал.

Ребята смеялись.

— Кстати, скажи, почему у тебя один конек, а не два?

— Ого, я и этот-то еле достал. Оська мне его променял... Денег не дает мамка...

— Опять мамка?

— Ну, мама,— поправился Сережа.

Я не сомневалась, что Сережа поймет меня правильно.

— Ну, впрягай своего конька — окончился четвертый урок,— и поезжай домой. В следующий раз давай ему отдых.

— Подкармливай,— пошутил кто-то из ребят.

Снова нашалил Сережа, но и без коньков-то жить ребятам никак нельзя. То было время не такое «богатое», как нынче.

Стали мы с Ниной думать о том, как бы дать возможность Сереже приобрести коньки. Решили премировать Сережу за хорошую работу в отряде. Вот тут-то себя Нина и показала. Мы с ней наметили фамилии тех, к кому надо было сходить на квартиру. То ли хромала успеваемость (не всегда готовил уроки), то ли пропу-

скал занятия, то ли допускал небрежность в одежде. Набралось при самом строгом отборе человек пять таких ребят. И вот Нина, Сережа и еще пара учащихся, которая менялась после каждого посещения, направляются на квартиры намеченных учеников. Интересовалась я, спрашивала у Нины, как кто вел себя там, хоть роли и были распределены заранее.

Зашли ребята к Клюшиным, к мальчику, у которого отец инвалид труда, мать сердечница. Трое их детей учились. И вот младший, Толя, часто пропускал занятия, плохо выполнял домашние задания, ходил неопрятным.

Из конуры, около квартиры Клюшиных, выскочила собачка. Захлебываясь лаем, она умудрилась-таки схватить Сережу за край его длинных брюк.

— Вот-то черт скажена,— говорил Сережа, грозя собаке, которая неистовствовала, кружась около ребят.

Выбежал Толя, и его первого взял Сережа «в обработку».

— Ты чего же смотришь! — говорил он.— Аль не знал, что мы придем? Чего ж дожидался! А если пришел бы кто другой, а не мы! Да вас в милицию бы потянули! Ты знаешь, что за это по голóвке не гладят?

После этой тирады вся компания вошла в квартиру.

— А вот и отчитывайтесь,— сказал Сережа,— почему Толя не готовит уроки, часто в школу приходит грязным, опаздывает, а то и пропускает занятия?

— Молодой ты еще меня учить. Подрасти немного. Щенок еще ты — меня учить. Чему вас только учат-то в школе,— начала шуметь мать Толи.

Толя стоял красный, как рак, в особенно острых местах бросал на посетителей быстрые взгляды.

Насилу, рассказывала Нина, я выбрала минутку вставить слово. Я сказала о том, кто мы и с какой целью зашли к ним.

Мать Толи, крайне нервная женщина, набросилась на мальчика, схватила его за ухо и начала крутить. Толя заплакал.

Высунулся из-за меня Сережа, рассказывала Нина, сдвинул свои сросшиеся брови и, встав в боевую позу, закричал:

— Брось, сейчас же брось — говорю тебе! Не то в милицию побегу! Будешь отвечать. Бить же теперь не полагается!

Сережа стоял перед женщиной точно нахохлившийся воробей, выкрикивая угрозы. Картинка была, пожалуй, больше комическая, чем трагическая.

— Геть звидсиля! — кричала Клюшина.

В двери уже просунулись любопытные, в коридоре образовалась толпа. Сережа важно уселся на стуле. Рассказывала нам Нина, что несмотря на то, что было 12 часов, кровать в квартире стояла неубранной, дети, видно, не купались, пол не мылся.

Трудно в таких условиях готовить уроки, и я пожалела Толю.

С Сережей после этого мы долго беседовали, доказывая ему неправильность его поведения при посещении Клюшиных. Сначала он старался оправдываться, приводил некоторые доводы в свою защиту, а потом, под влиянием фактов, умолк, вертел и ломал в руках палочку. Вдруг он отбросил обломки, посмотрел на нас подкупающе, искренне и сказал:

— Не так я себя вел! Теперь и сам вижу. Я еще раз схожу к Клюшиным и помирюсь с теткой.

От этого мы Сережу отговорили. Инцидент уладила сама Нина. Но рвение его нельзя было не оценить. Пусть неумелое, ребячье, но горячее, искреннее.

15 января Сережа отчитывался на совете отряда. Ему вынесли благодарность за хорошую работу. Это дало нам возможность обратиться к администрации школы с предложением: «отметить премией работу председателя отряда, ученика третьего класса Тюленина Сергея, с целью стимулировать работу отряда, хорошую дисциплину класса». Купила Нина ему снегурочки и торжественно вручила их счастливому председателю на собрании октябрят. Рад был до бесконечности Сережа. Нет-нет да и заглянет в стол, где блестели новенькие коньки.

Радость, однако, бывает соседствует с несчастьем. Прибегают ко мне девочки и говорят:

— Анна Сергеевна, Сережу отец так бил, так, что он то кричал, а то перестал кричать... Наверное, убил...

У меня похолодело в груди: почему, за что?

— Да кричал, что Сережа что-то украл,— наперебой рассказывали дети. — Только мы не поняли.

Я ждала начала занятий. Все поглядывала на дорогу, на которой должен был появиться мальчик.

Не пришел в этот день Сережа в школу, а дети все шептались по углам и слышалось имя Сережи.

Не хотелось спрашивать. Занятия окончились, и я пошла на квартиру к Тюлениным. Со мной пошли две девочки. В тесном коридоре квартиры Тюлениных мы встретили Гаврилу Петровича. Зверем посмотрел он на нас и, буркнув: «здравствуйте»,— ушел.

В комнате, на кровати Нади лежал Сережа. Один глаз заплыл, но Сережа не унывал, шутил, смеялся. Увидев нашу компанию, быстро юркнул под одеяло. Напрасно мы, просидев с полчаса, старались втянуть Сережу в разговор. Видно, было очень обидно и стыдно мальчику за побои отца, и он не хотел нам показываться.

Вот что рассказала нам Надя...

Пришел Сережа в приподнятом настроении. Подмышкой принес новые коньки. На беду сидел в комнате пришедший отец, который даже не успел снять шахтерки.

— Что ты это сунул в ящик? — спросил Гаврила Петрович.

— Коньки.

— А где взял?

— Украл,— сказал Сережа, стоя спиною к отцу и раздеваясь.

Отстегнув ремень, Гаврила Петрович через лоб ударил мальчика, и только счастливая случайность спасла Сережу от увечья. Пряжка чуть не задела глаза, оставив кровоподтек на щеке. Сережа закричал, но вместо того, чтобы убегать, как это он делал раньше, он бросился к отцу и вцепился зубами ему в руку. Теперь взвыл Гаврила Петрович. Он сбил с ног Сережу. Только вмешательство матери спасло мальчика. Мать озлилась, схватила палку и пустила ею в отца, а потом стала бросать все, что было в тот момент под рукою. Отец даже стал пятиться, а мать на него все наступала. Вы же знаете, какая она маленькая, а он — большой! Но мы видели, что злость придала ей силу, и она выгнала отца во двор.

Сережа чувствовал себя хорошо. Вот только в школу показаться синяки мешали.

Так и ушли мы, не рассмотрев лица Сережи. Дней шесть он не показывался в школе. Задания мы переда-

вали ему ребятами-соседями, которых называли «связистами».

Незаметно подошла весна, стали готовиться к празднику Первого мая. На этот раз малышей решили взять на демонстрацию. Как это подняло их в собственных глазах! Даже самые ленивые, нерадивые пришли с букетами живых цветов, которые они собирали в балке, в степи. Как тщательно они равняли ногу, стараясь поспеть за взрослыми, шедшими в передней колонне. С каким интересом они посматривали на колонну физкультурников, сестер в красивых белых повязках с маленькими красными крестиками на средине. С гордостью посматривали ребята на демонстрантов.

Возвратившись в школу, они получили праздничные подарки и с оживленным говором отправились по домам.

Группа беспризорников решила поживиться лакомствами и напала на группу девочек-малышей, которые переходили железнодорожную насыпь. Выбрав жертву, беспризорники бросились к девочкам. Те с криком разбежались в разные стороны. Наши же малыши-ребята в это время поднялись на насыпь и увидели происходившее. Раздумывать было некогда.

— Ребята, в штыки! — крикнул Сережа, выхватил палку из ближайшего забора, увлекая за собой товарищей.

Беспризорники были поражены такой смелостью, оставили девочек и побежали прочь. В школу уже сообщили о нападении, и появление старших учащихся во главе с физруком заставило нападающих и вовсе скрыться.

Вскоре после этого прошел слушок, что Сережу побили, но никто не мог сказать «за что и при каких обстоятельствах», а сам Сережа никогда не хвастался победами, но и не плакался на поражения.

Вновь наступило лето. Подошло оно к нам как-то незаметно. Вторая половина года прошла, нам показалось, особенно быстро. Как и раньше, мы боролись за успеваемость, за посещаемость. Особенно преследовали тех, кто опаздывал на уроки. Нужно сказать, что класс и отряд октябрят держали первое место в школе, которое тогда у нас выражалось графически. Мы всегда,

поэтому, «летели на самолете». Этим очень гордились ребята и часто можно было слышать замечания:

— Верно Геня хочет сесть на черепаху, что так подводит нас!

Второгодников у нас не было.

Этим летом я выехала из города и ребят не встречала.

Рассказала мне Надя несколько случаев из жизни этого времени...

Пристрастился Сережа ходить на Каменку с соседом — дедом Власом. Ловил дед рыбу удочками. Делал сам удилища, плел лесу, строил крючки. Каждый день приносил он на веревочке цепочку серебристых рыбешек, обрабатывал их, и это являлось большим подспорьем или, вернее, основным средством питания деда и его старухи-жены (бабки Одарки, как она называла сама себя). Подружился Сережа с дедом. Его обязанностью была заготовка червей, приманки для рыб.

Стал и дома редко показываться, проводил большую часть времени около Каменки. Только дождь, который иногда продолжался днями, мог загнать Сережу домой, под кров, чтобы отоспаться. Выпросив у матери кусок хлеба, соли, спичек, Сережа исчезал из дома даже на несколько дней. У него завелось свое хозяйство. Какие-то баночки, к которым, видно, сам дед Влас приделал дужки. Появилась деревянная тренога. Указывая на нее, Сережа с гордостью говорил: «Уху варим! Вот-то вкусно». Стал он носить на шнурке привязанную к поясу ложку. У него появилась привычка подпоясываться. Кстати, эта привычка так и осталась.

На берегу Каменки располагались колхозные сады (из бывших кулацких). Они, правда, были в запущенном состоянии. Вишни почти высохли, многие деревья поломаны. Но цвели сравнительно хорошо и летом соблазняли ребят своими краснеющими ягодами. Дед Влас и Сергей берегли ягоды. Ребят они отвадили от тех мест, где ловили рыбу.

Захлебываясь от восторга, рассказывал Сережа о проведенном времени на берегу. О чем бы он ни начал говорить, все сводилось к деду, Каменке и т. д. Влияние мудрого взрослого человека сказывалось благотворно.

Особенно хорошо он познакомился с жизнью и повадками рыб. Видно, дед Влас обладал хорошим, наблюдательным умом и занимал Сережу своими рассказами о природе и жизни. Очень часто, конечно, такие рассказы давали больше, чем могла дать школа и даже книга.

Ох, эти старики! Какой мудростью и тактом они обладают, заполучив в друзья хорошего, пытливого мальчика! Дед Влас навсегда остался в памяти Сережи. Остались его дивные рассказы и любимая поговорка — «пики-козыри»...

Начался новый учебный год. По обычаю мы отпраздновали 1-е сентября. Приняли новеньких, что влились в наш клас. Познакомили их с нашими требованиями к ученику, и начались наши будни.

Неудачно начался этот год для Сережи. Как-то осенью, под воскресенье, он ушел с дедом Власом удить рыбу. Было холодно, сыро. Рыбаки развели на берегу, повыше, костер, куда поочередно ходили греться. Дед ушел, Сережа один сидел на бережку. Сначала он пристально следил за поплавком, а так как рыба не клевала, его начало клонить ко сну. Свернувшись калачиком, он сидел на обрыве и вдруг, не зная как, очутился в воде. В холодной, осенней речке, в том ее месте, где было особенно глубоко. Сережа уже плавал немного. Он уцепился за осоку, что свисала с берега, но осока оборвалась, а намокшая одежда тянула ко дну. Он крикнул. Дед Влас, поднявшись к костру, поворачивался то одним, то другим боком, прогревал свои старые кости. Он в полудреме слышал, как хлюпнула вода. Прислушался — ничего. А тут крик. Дед кубарем скатился к воде, в руках у него оказалась палка. Он протянул ее Сереже и все подбадривал: «Держись, браток! Как же это так случилось, пики-козыри...»

Часть удочек упала в воду и отплыла от берега. Дед крякнул. Ему жаль было крючков, за которые нужно было платить рыбой. Но все же тянул Сережу на берег, а вытащив, погнал к костру, сбросил с себя сухую одежонку и укутал ею дрожащего от холода мальчишку.

— Грейся, грейся, пики-козыри... — в тревоге приговаривал дед.

Такая ледяная баня не прошла даром. Заболел Се-

режа воспалением легких. Узнали об этом мы, и стали регулярно следить за состоянием здоровья потерпевшего крушение рыбака, навещая его ежедневно. Сначала шли неутешительные вести. Мальчик задыхался, ничего не ел. Напрасно наши ребята носили ему каждый день что-нибудь повкуснее и послаже. Не узнавал ребят Сережа...

Но вот как-то вбежали в класс два мальчика и почти в два голоса сказали, что Сережа теперь будет поправляться, что у него был «перелом». «Кризис,— сказала я». — «Нет, — сказали, — перелом». Его выходила Надя. Она не бросала его ни на минуту. Переломом она называла вчерашний день потому, что болезнь «переломилась». «Могло быть плохо, и Сережа бы умер,— говорили ребята,— а теперь все время будет хорошо. Он уже узнает людей, да только слабый-слабый. Еще ничего не говорит...»

Прошло дня три, и я объявила ребятам, что мы с Ниной идем навестить Сережу, не желает ли кто пойти с нами. Желающих оказалось так много, что необходимо было внести какой-то порядок. Пришлось сказать, что с нами пойдут три человека, а остальные сделают запись очередности (что поручаем Нине) и каждый будет знать, когда его очередь навестить товарища. Ребята успокоились.

— А с чем же мы пойдем к Сереже? — поставила я такой вопрос перед своими спутниками.

Расспросили у своего санитарного врача, что в это время можно есть больным и, запасшись соответствующими продуктами, отправились к Тюлениным. Несли ему книжечку с картинками, которую мог почитать кто-нибудь из посетивших товарищей, а то и Надя, его родная сестричка и добровольная медицинская сестра.

— Ну, здравствуй, Сережа! — говорили мы, тревожно поглядывая на бледное личико.

А он, мило улыбаясь, показывал нам чуть кривые, когда-то «зализанные» зубы. Дети торжественно положили на столик принесенный узелок с печеньем, пряниками, булочками-пончиками и полцыпленка для супчика. Полцыпленка принесла девочка, дочь врача, мать которой знала, что особенно нужно для слабого детского организма. Дед Влас стоял тут же, измученный тревогой, заросший. Теперь он улыбался и хвалил малышей:

— Молодцы, пики-козыри!..

Сережа быстро поправлялся. Каждый день дети рассказывали о том, какое состояние здоровья Сережи, что он говорил. Я требовала, чтобы ребята объявляли, что они носили Сереже (вели бы запись-учет). Это стимулировало сбор необходимых продуктов, это было началом нашей кассы взаимопомощи. Я знала, что недостатки семьи Тюлениных не позволят им быстро поставить Сережу на ноги. А учебный год шел, терять его нельзя.

Все чаще и чаще раздавался веселый голос и звонкий смех мальчика, встречавшего товарищей уже сидя в постели, а потом и за столом. Скоро ребята начали передавать уроки, которые давались им на дом, и к концу своей болезни Сережа почти догнал своих товарищей.

С нами вместе он встречал праздник Великого Октября.

Давно у нас шли разговоры о том, что ребят пора передавать в пионеры, что они уже выросли из октябрят. Повелась в этом направлении соответствующая работа. Подобрали материал, с которым должны были познакомить ребят: как возникла пионерская организация, как ее растили наши вожди, что говорил и делал для пионеров М. И. Калинин, обязанности пионера, значение галстука, салюта и многое, многое другое, чем мы тогда располагали и что дала нам комсомольская организация. Бывали минуты, когда во время очередной беседы-читки на намеченную тему ребята то замирали, восхищаясь прочитанным, то буйно протестовали, когда в рассказе речь заходила о преследованиях пионеров со стороны враждебных нам людей.

Отряд жил полнокровной жизнью, весело и сознательно шел в пионерскую организацию, накапливал знания, приобретая опыт, закладывая устои, с которыми ребята потом шли в жизнь. Горячая это была пора. Мы, правда, распределяли тогда между собой обязанности — Нина, старшая вожатая, и я.

Помнится, я собирала материал (литературный и местный) о том, как пионер помогает строить нашу жизнь, чего ждет от него комсомол, партия, вся наша общественность. Захватывающими были такие беседы. Ребята сыпали вопросами, как из рога изобилия, и чаще все-

го «примеряли» поступки пионеров из прочитанного или сказанного к своим, сравнивали, спорили, делали выводы, вытаскивали на свет кое-что из прошлого, почти забытого. Это помогало нам. Склонности, среда, направленность, семья — все это вскрывалось, обнажалось, иногда во всей своей неприглядной наготе. Помнится, я завела на каждого ученика полтетрадки, так много скопилось материала. Никогда, до этого и после, я не делала таких пространных записей о том или другом из ребят. В то время как-то вошло в привычку оставаться хоть на двадцать минут после уроков. Мы особенно напирали на то, что это дело сугубо добровольное, и все занятые могут уйти домой. Но, по-моему, не было случая, чтобы кто-нибудь отсутствовал в это время.

Но вот настал и торжественный день. Помню, они тогда все приставали ко мне с вопросами:

— А вы будете на собрании?

— Буду, обязательно буду,— говорила я.

Зал. Посредине стоит стол, покрытый красной скатертью. На стенах портреты вождей. На подставках два больших портрета Ленина и Сталина, убранные гирляндами цветов и окруженные знаменами. Инструктор райкома (по пионерскому движению) т. Сероштан находилась среди приглашенных. Когда старшая пионервожатая надела на шею Сережи пионерский галстук, когда она поздравила его и произнесла пионерский салют:

— Пионер, за дело Ленина, будь готов!

Высоким фальцетом прозвучал ответ:

— Всегда готов! — высоко вскинул руку Сережа.

Отзывчивый, чуткий Сережа поражал меня своими высказываниями против своего отца Гаврилы Петровича. Мать свою он, видимо, очень любил. Достаточно было сказать, что его шалость будет известна Александре Васильевне и будет ей неприятна, как Сережа сразу менялся и шел на все уступки. Стоило же упомянуть имя Гаврилы Петровича, как Сережа «ежился», даже начинал грубить, озлоблялся, как-то внутренне протестовал. Дружил с Надей. К остальным членам семьи был равнодушен.

В доме Тюлениных появилась тогда бабушка Богдановская. В семью Тюлениных она попала по следующему случаю. В 1934 году в Краснодон приехал студент, закончивший вуз, поступать на работу. Это был Дмитрий Борисович Богдановский. Он устроился преподавателем на рабфаке. В числе слушателей была и Надя Тюленина, сестра Сережи. Богдановский и Надя полюбили друг друга. Прошел год. Богдановский, прошедший жестокую школу жизни, заболел туберкулезом. Молодой учитель слег в постель и медленно умирал. Материальные дела их ухудшились. Бабушка была в отчаянии. С Митей у нее были связаны надежды, мечты. Как-то в беседе с Надей Богдановский сказал, что ему особенно тяжело от сознания, что бабушка остается беспризорной, и Надя, успокаивая больного, сказала ему, что бабушку она не бросит, что бы ни случилось. Богдановский умер. Осталась убитая горем старуха. Ей исхлопотали небольшую пенсию за внука. Бабушке было тяжело морально и материально. Отыскались знакомые, которые рассчитывали на ее вещи и пригласили жить к себе. Надежды людей не оправдались. Вещи были прожиты еще тогда, когда учился Митя. В доме ей отказали, и она жила за счет остатков своего добра. В это время ее посетила Надя. Быт Богдановской, условия, в которых она жила, потрясли девушку, и, приехав домой, она стала просить Александру Васильевну взять к себе старушку. Полубольную привезла ее Надя в дом и устроила в своей семье.

— Я сравнительно часто посещала старушку,— говорит учительница Кира Алексеевна, и она всегда с благодарностью отзывалась о семье Тюлениных.

Два года и один месяц прожила бабушка в семье Тюлениных и умерла на руках Александры Васильевны. Большим вниманием, любовью была окружена старушка, не имея близких, родных, кроме семьи Тюлениных.

— Посещая Богдановскую,— говорила Кира Алексеевна,— я преследовала не только цель помочь бездомному человеку, мне нравилось беседовать с ней. Ее взгляды на жизнь мне нравились. Весь век она трудилась, знала и трудности, и невзгоды, и радости трудящегося человека. Полька по национальности она в революционные дни 1905 года потеряла сына и невестку,

осталась с внуком, которому и дала высшее образование, рассчитывая на спокойную старость. Тяжелые жизненные условия отняли здоровье у Мити, и он погиб, оставив старушку одинокой.

Жила Богдановская у Тюлениных в отдельно предоставленной ей комнате, куда не проникали буйные шумы жизни. Заботливой рукой Нади комнаты всегда были убраны, опрятны. Любила старушка посидеть на воздухе. В тени ей устроили скамейку, и трогательно было видеть, как коротышка-мальчик, озорник Сережа посыпал дорожку и место около скамейки песком. Песок приносил издалека, очень утомлялся, но никогда не забывал об этом своем долге.

— Тебя мама заставила? — спросила однажды Кира Алексеевна.

Он хмыкнул в ответ:

— Сам я. Ведь бабушка тут любит сидеть. Она мне рассказывает сказки, а то и быль. Ведь, правда, это то, что было?

— Помнится мне,— рассказывала Кира Алексеевна,— следующий случай. Зашла я как-то в субботу вечером и увидела, что Надя хлопотливо убирает не только комнату бабушки, но и ее самое. Она вымыла ей голову, нежно и терпеливо ее расчесала, сложив волосок к волоску. Освежила цветы на окнах. Повесила новые занавески. На мой вопрос, к какому торжеству они готовятся, последовал ответ: «А завтра бабушка именинница». Сережа тихонько притащил мне палку с вырезанным рисунком — цветами, над которыми он трудился не один час. Работал он за забором, прятался, готовя сюрприз, о котором, конечно, знали почти все, не исключая и бабушки-именинницы.

— Захожу я как-то часов в девять утра (я у Тюлениных брала молоко),— говорит Кира Алексеевна,— и вижу, что Александра Васильевна, наложив тарелку оладьев, полив их маслом и посыпав сахаром, направляла в комнату к бабушке Сережу, которому наказывала там не задерживаться.

— Балованный, озорник, а вот услужить бабушке— это ему первое удовольствие. Перерождается паренек, как попадает в ее комнату. Сидит, как святоша, а поэтому, если идут жалобы на Сергея, бабушка ничему не верит. Если Сережа знает, что наделал бед и от матери

будет ему «взбучка», он первую встречу со мной,— говорит Александра Васильевна,— устраивает обязательно в присутствии бабушки. И когда я, по невыдержанности, начну его ругать, старушка так вразумительно мне скажет: «Ты мальца, Саня, не ругай! У него доброе, хорошее сердце. А что он в обиду себя не дает, так это ведь хорошо. Что это за человек, если не сумеет постоять за себя».

Рассказы Богдановской о дореволюционной жизни трудового люда, о бесправии и жестокой эксплуатации человека человеком, оставили неизгладимый след в сознании Сережи. «Вся жизнь этого большого города — Петрограда — остановилась. Стали трамваи, фабрики, заводы... Рабочие вышли на улицу с демонстрацией. Они несли красные флаги, лозунги с требованием хлеба и свободы. А царские наймиты-казаки и жандармы расправлялись с демонстрантами: расстреливали их. Так погиб и мой сыночек. А невестку не скоро потом признала я, по одежде... Ее затоптала толпа». Горели глаза у Сережи. Руки сжимались, а он говорил:

— А кого же больше было, рабочих или полиции?

— Да у них-то оружие, машины, а наши шли с песнями да флагами.

Как завороженный слушал Сережа, оставив работу-игру. Сережа окружил большим вниманием и заботой бабушку. Вдвоем с Надей они старались скрасить ее последние дни. Заглянет Сережа обязательно в кувшин, есть ли у нее вода, полученный для себя гостинец, пряник или конфету,— разделит пополам, положив подарок на видном месте, где бы он бабушкой был скоро замечен.

Часто можно было видеть, как в тени на скамейке сидела старуха в обществе кого-нибудь из посещавших ее друзей, а тут же находилась и группа ребят, что-то мастеривших и давно прислушивавшихся к рассказу старухи. Часто в ту пору Сережа передавал содержание этих рассказов и в школе, собирая около себя толпу ребят.

— Эх,— сжимал он кулаки,— кабы теперь они нам попались! Вот теперь бы мы с ними рассчитались,— говорил он.

ОТЧЕНАШКО

В начале третьей четверти в школу пришло трое новых учащихся. Одна девочка попала в наш класс. Узнали мы, что у нее есть отец, мать, увы, узнали также, что отец все пропивает, на работе его долго не держат, а на квартиру никто не пускает. Девочка была щупленькая, бледная, изможденная. От заношенной одежонки шел неприятный запах. Пришла она в лапотках, со всеми их атрибутами — портянками и веревками.

Посмотрела я на нее и сразу же подумала о предстоящих трудностях в связи с ее появлением. Но ничего не поделаешь, надо браться за дело немедленно. Вожатая Нина Кузнецова, ученица девятого класса, была моим верным помощником. Я решила обратиться к ней. Дети любили Ниночку, ждали ее с нетерпением и скучали за ней, все спрашивая:

— А скоро придет к нам вожатая? Ниночка скоро придет?..

— Нина наша ведь тоже ученица. У нее сейчас идут контрольные работы. Она должна к ним готовиться, и ей сейчас некогда.

Зато, когда появлялась наша Нина, радости ребят не было границ. Рассказывалось обо всем, кто получил двойку, кто постоянно опаздывал.

— Хоть ты что! — разводили руками ребята.

Тут же стояли и названные нарушители, «долу» опустив глаза.

— Это Федя-то постоянно опаздывает? — скажет Нина.— А я бы и не поверила, если бы это мне не сказали здесь.

Наконец все выложили ребята, всем поделились и начинается «собственно работа». Нина обычно приходила с новой песенкой, новой инсценировкой, красивым, звучным стихотворением, а то с каким-нибудь новым физкультурным номером. Серьезно, по-деловому разбирали предлагаемое ребята, настойчиво спрашивая в конце занятий:

— А теперь когда придешь, Ниночка? Да скажи же, когда придешь?

Часто на таких сборах присутствовала и я, проверяя тетради, сидя где-нибудь в уголке классной комнаты за одной из парт.

Класс, вожатая и я должны были знать бытовые условия новой девочки. И вот Нина, я, пара ребят пришли на квартиру к Наташе Отченашко. Жили они в общежитии. Занимали угол, где ютились шесть человек. Мать забитая, хоть и молодая женщина, ходила на поденщину. Младшему мальчику было два года. Большеголовый, на тонких ножках, твердый, как камень, животик,— сидел, все хныкал, просил есть.

— Вот так-то все дети у меня умирают. Ведь их уж трое было. Это четвертый, Пимон-то.

— А что такое Пимон? — шепчет мне одна девочка.

— Да имя такое ему дали. Вот ты Катя, Катерина, а он — Пимен.

— Как вы-то его зовете, дети-то как к нему обращаются?

— Да Пимкой кличут. Да когда как, а то и Тимкой станут звать. Не нравится имя-то? Да ведь такое было в святцах, когда он родился. А менять я не хотела: говорят — грех.

Кто-то из детей хмыкнул.

Волосы у Пимки были большие, они как ковыль окружали его голову — хоть коски плети, говорили наши девочки. Хорошие, синеватые (материнские) глаза смотрели не по-детски грустно. На нем была какая-то изодранная одежонка, подобие рубашки.

Другим выглядел старший от него, восьмилетний Петя. Темнорусая головка — круглая, постриженная под гребенку рукою матери. Следующим шел девятилетний Степа и, наконец, Наташа. Все дети одеты в тряпье. Наша Наташа, которой исполнилось 11 лет, как сказала ее мать, была самой опрятной. Юбка ее состояла из плохо прилегающей рогожки — чувала (видимо, одетой на голое тело). Но рогожка — без дыр. Из мешковины, но другого сорта, была и кофта. Сама Наташа имела милый вид, и только излишняя бледность, да «зануженность» мешали заметить симпатичную внешность девочки. Темнорусые ее волосы слегка вились, обрамляя, точно венчиком, ее личико.

— Анна Сергеевна, посмотрите на руки Наташи,— шепнула мне девочка, указывая на руки, покрытые цыпками.

Слова эти расслышала ее мать и сказала:

— Она у меня мой главный помощник: и угля при-

несет, и есть сготовит, и посуду помоет, и все, все... У меня муж-то — «уливай».

— А что это такое?

— Это значит,— с грустью ответила женщина — пьяница. Как захочется ему водки, все с себя пропьет. Ничего не пожалеет. Тут мы и смотрим за ним, чтобы последнее не потянул на пропой. Одного дня пришел без штанов. Крадется так, а я спрашиваю: «Где ж ты дел штаны-то?» Я намедни купила. «Тише, Мотя, тише,— отвечает,— потерял я штаны-то». Ну что ты будешь делать. Залег, проспался. Сходила я в контору. Он ведь конюхом работает. Выписали деньжат, купила я ему штаны...

Пока женщина с подробностями рассказывала о своем житье-бытье, я отметила, что в этих жутких условиях нельзя сохранить человеческий образ жизни, а тем более учиться.

Пошли мы. Невесело было у меня на душе. Образы четырех ребят неотступно стояли перед глазами. Задумалась я с Ниной и Шурой, как нам быть. И составили мы для себя следующий план: привлечь внимание учителей, вожатых и учащихся к детям Отченашко, на очередном родительском собрании доложить родителям о семье Отченашко и о возможной помощи ей, познакомить детей с тимуровским движением.

На очередном пионерском сборе Нина рассказала детям о том, кто такой был Тимур и чем занималась его команда. Затем Нина рассказала об Отченашко. Она говорила, что видели мы в свое первое посещение их квартиры. Говорили девочки, которые ходили с нами.

Единодушным было решение: помочь семье Отченашко, сделать из Пимки полноценного человека, добиться того, чтобы отца нашей Наташи лечили (я говорила детям, что он болен, как могут болеть гриппом, тифом и т. д.). Я же на первом родительском собрании поставила родителей в известность о состоянии семьи Отченашко, условиях жизни детей. Горячо взялись за дело и родители. Они поручили родительскому комитету класса обследовать быт этой семьи, проверить наличие кухонной посуды (чашек, ложек и т. п.), постельного белья. И вот, дети понесли в школу мебель, тюфяки, платья, кастрюльки. Собрали мы, я помню, много всего (ведь работали три класса). Но что оказалось очень

ценным, с помощью родителей устроили мать на хорошую работу. Мы даже дошли до того, что разделили всех учащихся класса на группы, которые следили за материальным благополучием этой семьи. Помню, одна девочка принесла кастрюльку, а в ней почти полкилограмма жиру, заявляя:

— Это детям варить суп, а это — заправка.

Помню, мы собирали и игрушки для Пимки. Сережа принес детскую ручную коляску, деревянную, всю разрисованную красками, с длинной палкой-ручкой.

— Кто это делал? — спрашивали дети.

— Я сам,— с гордостью ответил Сережа.

Не обошлось там, как говорила Надя, без помощи деда Власа, но коляске Пимка был несказанно рад.

Прошел месяц «хозяйничанья» в семье Отченашко, и дети стали неузнаваемы. Хоть и жили они все там же, но для них в уголке стоял столик, покрытый газетой, на котором тремя отдельными стопками лежали книги каждого ученика. На стене висели три расписания, вверху портрет Ленина. Дети были чистыми, в крепком платье. Сняла свои лапотки и Наташа. Она теперь щеголяла в туфлях и даже галошах. Пимка заметно подрос. Он по-своему что-то лопотал, когда Петя перед его носом катал Сережину коляску. Руки девочки хоть и оставались красными, но «цыпки» сошли. Видно было, что она употребляет при мытье мыло. Мать все кланялась да крестилась, встречая и провожая гостей — детей.

Я настойчиво добивалась, чтобы все, что приносилось для семьи, непременно попадало в школу, в «общую кассу», а уж тогда в семью Отченашко. Этого правила мы потом строго придерживались, концентрируя все собранное в одном месте.

В начале четвертой четверти в доме Отченашко случилась беда: заболел Пимка. Стал он скучным, начал «кукситься», а потом в жару свалился. Я очень забеспокоилась. Дело в том, что еще в этот день наши ребята были в доме Отченашко, а следовательно, и из них кто-нибудь мог заболеть. Добились мы того, чтобы к Пимке выехал врач. Увы, он поставил неутешительный диагноз — скарлатина. Посещения квартиры Отченашко прекратились. Пимку взяли в больницу. В доме сделали дезинфекцию.

Прошла неделя.

И вдруг, пришедшая в класс Наташа сказала, что Пимка умер. По щекам ее покатились две крупные слезы, и она отвернула свое лицо. Дети приумолкли. Потом стали говорить, вспоминая, как Пимка смешно надувал щеки, как узнавал особенно часто посещавших его ребят.

— А ведь его еще не хоронили? — спросил кто-то.— Мы пойдем его хоронить!

Я сказала о том, как опасна скарлатина, как надо беречься всем детям, что хоронить его никто не пойдет. Трудно было противиться желанию детей, но и рисковать нельзя: в ту пору медицина располагала более чем скромными средствами против скарлатины.

Еще раз задумались дети, но, к счастью, детская печаль не бывает продолжительной, и они затеяли уже что-то другое.

Интерес к семье Отченашко не падал и после смерти Пимки. Все дети Отченашко попали на детскую площадку, мать устроили на работу в один из садиков. Отца отправили-таки по путевке на лечение.

Порешили мы с Ниной провести сбор отряда и обсудить нашу работу в учебном году. Расчленили мы этот вопрос на три части: учебно-воспитательная работа класса-отряда, общественная и культурная работа, изучение условий жизни учащихся.

По первому вопросу говорила я. Говорила об успеваемости и поведении отдельных ребят. На лицах многих выступили розовые пятна, в глазах появилась сосредоточенность: ребята обдумывали выступления. Почти все из затронутых брали слово. Почти все признали справедливость критических замечаний по их адресу. И меня радовала эта серьезность и требовательность к себе.

Затем говорила Нина. Она отметила, что мы сделали за год. И как-то так оказалось, что сделали мы немало, что сил у нас и того больше, а дружба наша окрепла.

Потом выступал председатель отряда Сережа Тюленин. Многое из того, о чем мы с ним говорили ранее, он опустил. Я обратила внимание, что опущено все то, что относилось к недостаткам в работе.

Сережа кончил.

Его доклад оказался баснословно коротким. Наступила напряженная тишина. Ребята опустили головы. Наверное, им также, как и мне, было неудобно.

— Видимо, мне придется дополнить выступление председателя отряда,— сказала я и напомнила о мелких шалостях ребят.

Во время моего выступления Сережа подергивался, вскакивал, что-то хотел сказать, а затем бессильно опустился на парту. Вдруг лицо его озарилось милой улыбкой, с которой он и дослушал конец моих слов.

— А теперь мне можно сказать? — с той же улыбкой спросил он.— Я поступил нехорошо. А можно мне начать сначала? Я теперь все-все расскажу. Я понял теперь, как надо.

Что было говорить мальчику? В его словах было столько искренности, неподдельного чувства, что я только и могла сказать:

— Хорошо, говори сначала...

И Сережа, наконец, оправдал наши ожидания.

Ушли ребята домой, а я все сидела, сама не замечая, раскладывала и складывала стопку тетрадей. Думалось все об одном: как все-таки трудно найти дорожку к детскому сердцу. Угадай, как ребенок поступит и что больше всего в данную минуту ему необходимо. Трудная, очень трудная эта педагогическая работа, но, пожалуй, и самая интересная. Оставить ее? Нет, никогда! Видеть, как пробуждается мысль, как идет внутренняя борьба, как берут верх добрые чувства, формируется характер — можно ли от этого отказаться!

Мы, как отдельная единица — класс, жили в окружении других классов, школы в целом. Состав наших ребят по классам был текучим. В наши ряды попадали и ребята «аховые», как у нас тогда установилась за ними кличка. Переходя из школы в школу, они несли свои привычки, понятия и часто разрушали нам то, что с таким трудом создавалось в течение долгого времени. Всеми средствами мы старались их обезвредить и прибегали к различным мерам, вплоть до товарищеских судов.

В конце 1935 учебного года мы решили судить учащегося 3 класса Мартыненко. Никакие другие меры воздействия не помогали. Он побил девочку, бритвочкой прорезал пальто, срезал пуговицу, у кого-то взял из книги 3 рубля и был, наконец, пойман. Собралось заседание учкома в присутствии членов родительского комитета, комсомольских, пионерских организаций школы. Присутствовало учительство во главе с администрацией школы. Нужно было выделять обвинителей. Предложили это сделать и нашему классу. Все остановились на Сереже. По общему мнению только он мог стать обвинителем. Но ведь это целая церемония, она должна проходить в присутствии общественности, родителей. Сережу следовало подготовить. Нина составила текст речи обвинителя и, насколько я помню, перестаралась: составленная речь оказалась «слишком взрослой». «Переиначивать» — некогда, решили, что от нашего класса «обвинителя» не будет. Мы будем «публикой», даже не свидетелями.

И вот сидим мы в сторонке, группкой. Уже высказались и те, кому по штату положено, и обвинители, родители говорили.

И вдруг поднялась рука Сережи — он просил слова. Мы вопросительно посмотрели на Нину: ты устроила это дело? А она как будто о том же спрашивала меня. В первую минуту, при общем внимании сидевших, Сережа растерялся, но скоро, овладев собой, произнес примерно следующее:

— Мартыненко делает все, о чем тут вот говорили. Он ведь признался. Ну, теперь не должен делать... Морду набить...— сказал неожиданно Сережа и сел.

Кто-то из ребят хлопнул...

Еще пара хлопков, и умолкли неподдержанные.

Ребята переглядывались. Предложение нашего неудавшегося обвинителя о мордобитии, конечно, не подходило к общему тону всего разговора. Пришлось мне подниматься и говорить об излишней запальчивости Сережи.

Суд закончился суровым приговором и полным признанием обвиняемого.

Но неудачное выступление Тюленина оставалось у всех в памяти. И я не могла избавиться от неприятного чувства: в глубине души я была согласна с Сер-

геем, Мартыненко стоило просто выпороть. Однако рамки происходящего мне, учительнице, не позволяли даже думать об этом. Как же трудно противостоять стихийному проявлению возмущения! Как хорошо, что во всех судах, не только школьных, действует один лишь закон, не нарушаемый никакими «чувствительными личностями».

Наша «чувствительная личность», однако, стояла на своем. Когда его после суда Нина стала упрекать в анархизме, он ответил.

— Чего там анархизм. Не знаю, что там за анархизм, а ребята хлопали...

О суде было много разговоров. Мы убедились, что ребят надо всеми силами привлекать к обсуждению и радостей и горестей школы. Да, один директор, один учитель — ничего не в состоянии сделать сами. Только в коллективе, только с коллективом, при условии сознательной дисциплины.

Закончился и этот год. Отсеявшихся не было. На этот раз летнее задание получил и Сережа. Писал он не только каллиграфически плохо, но и с большими, грубыми ошибками.

Я уехала в пионерский лагерь.

Встречаясь с Александрой Васильевной, я говорила ей о том, что не плохо бы и Сережу отправить в лагерь, предлагала свои услуги. Александра Васильевна отмалчивалась, а потом вдруг заявила:

— Да я хочу уехать с ним в деревню. Дом-то надо продать...

В августе я вернулась из лагеря и первая, кого я встретила, была Александра Васильевна.

— Уже приехали?

— Да нет, все только собираемся,— уклончиво говорила она.

1-го сентября Сережа не явился в школу. Сообщили мне дети, что Александра Васильевна таки уехала в Россию, в Орловскую область, село Киселевку и Сережу взяла с собой.

Прошел и сентябрь, а Сережи все не было в школе. Не было на руднике и Александры Васильевны. Сообщила мне Надя при встрече, что одно письмо только

прислала мать, сообщила, что дело о продаже дома у нее не ладится, и когда приедет, не может сказать.

— А как же Сережа, учится он там?

— Ничего о нем не пишет.

Уже в конце октября сообщили мне ребята, что видели Сережу, что в Киселевке он не учился, три дня тому назад приехал, что собираются в Морозовскую за коровой и Сережу берут.

— Подгонять будет, как поведут,— говорили дети.

«А как же занятия?» — подумала я, направляясь к Тюлениным.

— Уехали наши в Морозовскую. Продала мать хату в Киселевке. Решили тут купить корову, а то деньги разведем и все,— говорил Гаврила Петрович.

— А как же учеба Сергея? Ведь четверть уже кончается, а он еще в школе не был.

— А Сергей еще маленький! Пускай и пропадет год. Ничего, не переросток.

Что тут было говорить...

Как-то в декабре я отправлялась через площадь домой. Большое водное пространство, образовавшееся после дождя, теперь представляло естественный каток, на который собралась детвора. Еще издали я обратила внимание на маленькую фигурку мальчика в пальто нараспашку. Он ловко держался на коньках, стремительно бегал. Почти поравнялась я с катком, и вдруг слышу:

— Здравствуйте, Анна Сергеевна! — передо мной, затормозив коньки, остановился Сережа.

— Ты, Сережа? А почему тебя до сих пор в школе нет?

— А я и не приду в этом году! На тот год приду,— и повернулся уходить.

— Да ты постой, погоди...— я даже протянула руку, желая остановить Сережу.

— Я приду в школу! — издали прокричал он, разгоняясь по льду.

Прошло несколько дней. Сидим мы на уроке, а к окну, снаружи, прилипло к стеклу чье-то лицо, даже нос вдавился.

— Сережа! Сережа! — заметили дети.

Повернулась к окну и я. Там стоял Сергей.

Отчитываясь на педсовете за состояние класса, выполнение закона о всеобуче, я рассказала о Сереже. Вынесли решение: узнать мнение родителей по вопросу учебы мальчика, и в случае возражения родителей, передать дело в поссовет.

Вновь пошла я на квартиру к Тюлениным. Материальное положение семьи, наверное, улучшилось, в доме я заметила новые вещи. Но разговор об учебе Сережи породил во мне большую тревогу.

— Хватит ему уж учиться, а то сильно умен будет,— говорил Гаврила Петрович.— В шахту и с трех классов примут.

Только после того, как я пригрозила передать дело в поссовет, родители стали несколько сговорчивее.

— Да когда ж это вы его в шахту-то пустите? А до этого-то, что он будет делать! Вот и пускай учится, пока в шахту идти.

— А тогда барином будет, не захочет в шахту идти.

— Да ведь вы родители, вы должны помочь ему укрепиться в жизни. Ведь живется лучше тому, кто имеет какую-нибудь специальность — квалификацию...

Долго еще я вела разговор в таком духе, но, увы, кажется, решающим было то, что я обещала передать дело в поссовет. Встал вопрос о том, в какой же класс теперь пойдет мальчик, пропустивший чуть не полгода занятий. Я не прочь была взять Сережу к себе, хотя и знала, какой труд предстоит мне.

На этом и порешили.

Ждем Сережу.

Рассказала я ребятам о том, с кем его посадить, как встретить. Но в последних числах декабря, перед отпуском, группа девочек, захлебываясь, говорила мне, что Сережа в школе, сидит в третьем классе «А», который ведет учительница Анна Ивановна.

— Ну, значит, испугался трудностей, пошел опять в третий класс.

Однако слишком серьезной оказалась операция. Скоро Анна Ивановна обратилась ко мне со словами:

— А как вел себя Тюленин у вас на уроках? Он мне не дает заниматься. Мешает, грубит...

Поговорили мы с ней о Сереже. Рассказала я ей о своеобразии его характера, об его экспансивности, и на некоторое время слухи прекратились. Часто, одна-

ко, случалось, что Сережа бегал под окнами школы во время занятий: то вышлют его из класса, то сам отпросится. Ребята нашего класса были в курсе всех дел, а, следовательно, об этом знала и я. Реже, однако, мы стали видеть Сережу, да и в разных сменах стали заниматься.

Уже весною я шла как-то в парке, направляясь к клубу. Наперерез мне быстро двигалась группа мальчиков, среди которых был и Сережа. Ребята были увлечены чем-то своим.

— Стой, Сережа, ты мой пленник,— сказала я, удерживая его за руку.

Вся ватага остановилась. Видно, без Сережи двигаться было нельзя.

— Идите, ребята, своей дорогой, а Сережа со мной пойдет в кино.

Недоверчиво толпа поглядывала на меня. Среди ребят не было ни одного знакомого лица. Положив Сереже руку на плечо, я повела его по узкой дорожке, наискось пересекая парк, стараясь дорожку поделить пополам.

—Ну, как ты учишься?

Замялся Сережа, а потом сказал:

— А я уже давно был в школе.

— Почему? — еще крепче сжала я ему плечи.

— А там мне делать нечего. Такие там все вредные. Хотя бы и Анна Ивановна... Ни повернись, ни скажи... Тьфу ты! — и он сплюнул.

Подошли мы к клубу. Я помнила слова, которые бросила его друзьям о том, что поведу его в кино. Они шли гурьбой, хотя и на почтительном расстоянии. Иногда кто-нибудь из них свистел, заложив палец в рот. Сережа тогда поворачивался, и я очень боялась, что он бросится к ребятам. Но он шел, понурив голову. Торопливо я купила билеты, и сразу же повела его в фойе. Ребята, наконец, отстали.

— А куда это вы шли? На какую такую работу? — спросила я.

Смутился мальчик.

— Так...— и больше не проронил ни слова.

Я больше не спрашивала.

Шли «Черевички» по Гоголю. От души смеялся Сережа и незадачливому черту, и находчивости Оксаны, и расторопности Вакулы. По своему выражал свой восторг: пищал, кричал, хлопал руками по стулу. Я наблюдала за сменой впечатлений по лицу Сережи и видела прежнего мальчика, порывистого, увлекающегося, горячего, к поведению которого должно быть пристальное внимание нас, педагогов и родителей. Ничего этого, видимо, теперь не имел Сережа. Я старалась представить дорогу, по которой он пойдет, и — не могла.

Фильм кончился. Мы остались вдвоем.

— А все-таки скажи мне, Сережа, придешь ты в школу?

В смущенной позе постоял он передо мною и с дрожью в голосе спросил:

— А вы меня возьмете в свой класс?

— Нет, Сережа, теперь этого сделать нельзя. Надо было в начале года придти к нам. А теперь уж нужно досиживать там.

Опустил он голову и на повторный вопрос, придет ли в школу, ответил:

— Не знаю... Приду...

С этими словами он и ушел.

Много мы еще слышали о Сереже и хорошего и плохого. Стали отвыкать ребята от него. Все реже о нем вспоминали, а потом — вовсе забыли. Узнала я, что Сережу перевели в 4-й класс (он-то по протоколу переведен был еще в прошлом году).

Наступил новый 1935—36 учебный год. Вновь я взяла первый класс и о Сереже почти забыла.

Не клеились первое время взаимоотношения Сережи и Анны Ивановны. Выдержанная, тактичная, Анна Ивановна, имела свои приемы и методы в работе. Сережа целый год, хоть и с перебоями, был с нею в третьем классе и, видимо, начал привыкать к обстановке, в которой он находился, к ребятам, которыми командовал. Круг интересов 4-го класса более широк и разнообразен: появились новые привычки. Анна Ивановна терпеливо относилась к необычному, способному мальчику.

АННА ИВАНОВНА РАССКАЗЫВАЕТ...

В конце учебного года состоялось итоговое заседание педсовета. Говорили об отметках, о передовиках, а затем, в конце,—об организации помощи в прополке полей ближайшего колхоза. Решили, что это будет вдвойне полезно: и колхозники поблагодарят, и с ребятами мы не потеряем связь. Помнится мне, я регистрировала ребят и увидела вошедшего Сережу. За плечами у него была походная сумка, на поясе болтался котелок, а сам он имел весьма деловитый, серьезный вид.

— Меня, меня запишите! — воскликнул он.

Я старалась быть строгой и немногословной.

— Условия работы знаешь?

— Знаю. Мне говорили ребята!

Я записала.

Ученики разбивались на звенья — бригады по 5—6 человек. Предусматривалось, что звено будет получать задание от полевода и потом же сдавать ему свою работу.

— В какое звено попадешь ты, кто будет у тебя руководом — я не знаю. Сегодня я не иду с вами в степь— болит нога, но, думается мне, ребята нашего класса меня не подведут, будут вести себя дисциплинированно и работать хорошо.

Молча выслушал меня Сережа.

А потом мне рассказывали, как быстро разобрался он в том, кто работает лучше, а кто старается уйти куда-нибудь в степь и полежать. Явившись в поле колхоза «Пятилетка», Сережа потребовал от своего звеньевого, чтобы задание было доведено до каждого индивидуально, чтобы знать, за что отвечать, а то «Федя-редя» (так окрестил он товарища по звену) сделает плохо, а позор ляжет на всех. Он говорил одно и то же до тех пор, пока задание не довели до каждого. Ловкий, быстрый, он с ним справлялся прежде, чем кто другой, потом ходил по очищенному полю, указывая то тому, то другому пропущенный сорняк.

Озлился один из группы, повернулся, говорят, к Сереже и чуть не с кулаками на него. Только добродушие Сережи спасло положение, да своевременное вмешательство учителя потушило готовый разгореться пожар.

— Ну чего ты сказился? — спрашивал Сережа.— Ведь плохо работаешь, так плохо. Кто же скажет, что

хорошо, а ты от школы МЮДа. Ну, значит, на школу все вали. Подумай,— Сережа поднимал вертикально руку и патетически восклицал: — Ведь честь школы! А еще и класс есть, а еще — звено, а еще и ты, Федя-редя,— смеялся Сережа.

— Ну чего ты пристал,— говорил в данном случае ни в чем неповинный Федя-редя, чуть не плача, весь красный от злости.

— А ты хлеб не топчи, не танцуй, а если хочешь со мной драться, то потом, по дороге домой,— и Сережа демонстративно отошел в сторону от лентяя.

Степь колхоза подходила к полотну железной дороги. Недалеко была и станция Верхне-Дуванная. Ушли бригады полольщиков далеко от табора, и стало им с водой туго. Выделили специального водоноса, который ведром подносил воду. Первый выбор пал почему-то на Сережу. Сначала он исправно носил от табора воду, а потом вдруг, захватив пустое ведро, пошел на станцию. В два раза быстрее вернулся Сережа от станции, но с пустым ведром. А потом пошел туда же. На этот раз долго не было мальчика. Нет-нет да и остановится кто-нибудь и скажет:

— А что-то долго нет нашего посыльного.

Во рту сохло. Все чаще и чаще стали поглядывать на дорогу, по которой должен идти Сережа. Вот, наконец, и он показался. Странным было только, что пройдя несколько шагов, Сережа садился отдыхать. Ребята стали ему свистеть, махать, кричать и вот, наконец, он подошел. Бледный, с обведенными подсинькой глазами, болезненный оскал рта.

— Заболел,— сказал он и, отойдя к кусту, лег вниз лицом.

Напились ребята. Крикнули: «Привал-отдых!»—и все, как один, повалили к Сереже с расспросами и сочувствиями. Сережа долго отмалчивался, кривился, а потом рассказал о причине своей болезни.

— Подхожу я к станции, движется товарняк. Принимают на второй путь. Тут же быстро двигается какой-то человек, старается поскорее перейти железную дорогу. Проскочил под самым носом паровоза, и вдруг буфером его сбило.

Сережа болезненно поморщился и умолк. Вид окровавленного, кричащего человека, отдельно лежавшая нога, наверное, произвели на Сережу сильное впечатление. Его стало тошнить.

— Неженка я,— сказал он вскоре,— вида крови, мучений не переношу. Правда ведь, Анна Ивановна? Это нехорошо? А можно себя закалить?

— Знаешь, Сережа, это не так просто, как тебе кажется. Ведь змею мы убиваем, зная, что укус ее смертелен. Волка тоже бьем — хищник, разорвет. Бьем и человека-врага, и не чувствуем ничего, кроме облегчения, если наше дело удается. А вот вид крови невинного человека, его страдания, всегда будут вызывать у нас чувство жалости, как и получилось с тобой.

Долго не спускал с меня глаз, Сережа. И под конец резюмировал так:

— Значит, врага убить — не будет тошно. А вот если невинный пострадает, тут надо закалить себя. Понял, Анна Ивановна! Теперь я понимаю, почему я суслика душу и не сморщусь, а синичку — убить жалко,— задумчиво закончил он.

Еще некоторое время повертел что-то в руках, а потом поднялся на пружинистых ногах и отошел прочь.

Возвращались ребята с работы обычно под веселую песню, чаще всего в строю, под марш Буденного.

Отец Сережи, Гаврила Петрович, уже давно (по инвалидности) покончил с забоем, но шахта тянула его и он устроился на подземном дворе конюхом. (Наряду с высокой механизацией некоторых шахт, встречались еще и такие, где вагончики с углем собирались партиями и отправлялись лошадьми). Спустят в шахту лошадь, и редко когда она выходила живой, а если и выходила, то уж обязательно слепой.

Вот как-то Гаврила Петрович, под хорошее настроение, стал рассказывать о том, как двенадцатилетним мальчиком спустился в шахту и с тех пор в течение тридцати лет в ней работал.

— А вот ты в шахте не бывал и не знаешь, как она там устроена,— неожиданно обратился он к Сергею.

— А ты возьми меня с собой и покажи,— загорелся Сережа.

С тех пор он неотступно ходил за Гаврилой Петровичем, стараясь угодить ему, предупредить его желания.

Наконец, настал долгожданный день.

— Ну-ка, мать, собери Сергея в шахту со мной! Дай ему одеть что похуже. Хочет он посмотреть, как работает шахтер, пусть посмотрит.

Отец работал в ночную смену. В 10 часов вечера Сережа с Гаврилом Петровичем у ствола. С замиранием сердца, как потом говорил Сережа, вошел он за отцом в клеть. «А вот, как начал спускаться, я не заметил...»

— Приехали,— сказал отец.

Большая площадь — шахтный двор, у станков конюшни — три лошади.

— Вот и мой Трубач. Это я дал ему такое имя. Он начинает трубить, если в корыте нет корма. Сначала тихонько. Не обращаешь внимания — громче, а потом и совсем поднимет такой шум, точно тут в трубы играют.

Сережа потрогал морду Трубача, тот скользнул по его руке влажными губами. Гаврила Петрович точно преобразился. Куда девалась обычная грубость. Он суетился возле лошади, ждал одобрения от сына.

— Ишь ты, ищет нет ли чего в руке! — произнес он радостно.

Он вывел Трубача из стойла и повел его куда-то по коридору. Сережа шел позади.

На приличном расстоянии от центрального двора стояли вагончики, сцепленные между собой. К ним-то пристегнул барку Гаврила Петрович и, не успел Сережа сообразить, как они загрохотали по рельсам, растянувшись длинной цепью. Один, два, три...—считал Сережа. Вагончики «пришвартовались» к краю площади. Стоявшие здесь люди загоняли их туда, а потом поднимали «на-гора». Вся эта процедура, требующая ловкости, сноровки, проходила быстро.

Пока Гаврила Петрович собирал порожняк, Сережа увидел какой-то ход в виде коридора, боковые стены которого и свод были обшиты досками. Сюда-то и направился Сережа, здесь он увидел отгребщика, который лопатой отбрасывал уголь. Он продвинулся в сторону,

дальше мерцала шахтерская лампочка, освещая полулежащую фигуру. Летели брызги угля, сплошной стеной стояла в этом месте пыль. Сережа остановился.

— Кто ты? Зачем сюда пожаловал? — окликнул мальчика человек.

При слабо мерцающем свете, у него чуть поблескивали зубы. Вид этого черного человека не мог напугать Сережу: часто таким видел Сережа отца. Приблизился еще один человек. Сережа с трудом узнал в нем Гаврютина, соседа по улице.

— Гаврила Петрович знакомит сынка с шахтой,— сказал Гаврютин, делая вынужденный перерыв.— Ну, смотри, смотри, ведь нам-то уж смена нужна! Старые мы стали, одряхлели.

— А куда вы, дяденька, пробиваетесь? Где конец-то всему?

— Эге-ге, чего захотел! Конец ему подавай. А мы не знаем этого. Наше дело рубай. А про то инженер знает, что и как. На то он и учился. Под Каменку скоро пойдем, это я знаю,— говорил Гаврютин, вновь принимаясь за обушок.

Все запомнил Сережа. Был он и еще в некоторых штреках, забирался в гезенки, и всюду его принимали полусерьезно, полушутливо, узнав, что он сын Гаврилы Петровича.

К концу смены, когда старый Тюленин порядком устал, отогнав несколько партий, к стволу шахты пришел и Сережа, с угольными расцветками на лице. Он тоже устал в своих наблюдениях и теперь, примостившись на чурбане, вяло жевал хлеб.

— А я уж думал, ты заблудился. Ведь ты, как сквозь землю провалился. Я и не видел куда. Я-то думал, что ты за меня отгонишь какой состав, а ты... на тебе... скрылся на всю смену.

— А еще ты меня возьми сюда! Вот я тогда и погоню тебе вагончики.

— Ладно. Когда-нибудь возьму...

На этом и порешили.

Все высмотрел в шахте Сережа. Сразу запомнил массу названий, которыми оперируют старые рабочие.

— Почти на другой день — рассказывала Александра Васильевна,— Сережа стал копаться во дворе, за сараем, а когда я, через неделю, примерно, заглянула туда

(да и то только потому, что у меня стали исчезать дрова), то увидела всю шахтную постройку снаружи. А сынок еще хвастал, что все всамделишнее. Посмеялись мы над трудами Сергея. И только отец так с сомнением сказал: «Да ведь раз только был в шахте Сережа-то, а смотри, как он все воспроизвел!»

Стали с того времени в нашем дворе играть целые табуны таких же пацанов. Чего и кого тут только не было! И главный инженер, и начальник участка, и отгребщики, забойщики и другие мастера. Вот только раз Виктор Лукьянченко что-то закапризничал и не захотел «спускаться в шахту» в роли простого забойщика. Уговорил он и своего дружка «забойщика» не делать этого.

— Ну и ладно! Мы обойдемся и без вас.

Роли были распределены. Сережа выполнял роль главного инженера. А все же его заботило: кто же все-таки главное лицо на шахте, в производстве? Сережа пришел ко мне с этими своими сомнениями,— рассказывает Анна Ивановна.— Начал называть массу всяких горных специальностей.

— Ну знаешь, Сережа, я тебя что-то не пойму.

— Да я, Анна Ивановна, стал думать, что на шахте главными людьми являются забойщики,— и он мне рассказал случай с Лукьянченко.— Ведь он делает самое главное — добывает уголь. Без забойщика и всем другим делать будет нечего. Только забойщик, говорят, получает и денег меньше, и паек меньше, чем главный инженер.

Вот как из детской игры могли возникать вопросы жизни!

Я рассказала, почему у нас нормировался паек рабочего по степени его значимости в производстве. Сказала я и о том, что только в нашей стране победившего социализма, где нет эксплуатации человека человеком, возможна такая постановка вопроса. Не то в капиталистическом мире, где всеми благами пользуется тот, кто не работает.

— А ведь рабочих больше, чем богачей? Так чего ж они их не побьют?

— Не все ясно представляют, почему им тяжело живется.

— А у нас, Анна Ивановна, все понимают, что нам

стало лучше жить! Даже отец говорит — при царе пропал бы, а теперь живу — дают пенсию и труд нашли полегче...

Мои коллеги — Анна Сергеевна и Анна Ивановна — могли рассказать бесконечное количество подобных запоминающихся историй о пытливом мальчике Сереже Тюленине и его друзьях-товарищах.

— Вот такого ученика мы передали вам в пятый класс.

Я была бесконечно благодарна за эти рассказы, предоставившие уйму материала для того, чтобы взяться за дело, работать и не сталкиваться больше с шумливой гурьбой, к которой мы сразу не сумели подойти. К сожалению, мы забыли о самом главном при первом знакомстве с детьми, об их верности старым традициям и старым привязанностям. До нашего прихода в класс дети, оказывается, жили своей интересной жизнью и начинать первый урок надо было с открытия этой жизни, а не с простого, механического открытия классного журнала и обычных сухих церемоний знакомства.

Но, потерпев неудачу, я и мои коллеги с тем большим энтузиазмом взялись за работу в пятом классе. Каждый понимал, что перед нами интересные, сильные, хорошие ребята, которые ждут от нас новых открытий.

ЛЮБИНО ДЕТСТВО

Вот такие были ребята. Много хлопот они доставляли учителям и родителям. Но разве можно их за то осуждать? В конце-концов они получали много хорошего от своего времени. И это было главное. Хорошие задатки обязательно должны были развиться. Я была уверена в этом.

Но прежде чем возвратиться к пятому классу, я хотела воспользоваться воспоминаниями о Любе Шевцовой.

Присматриваясь к девочкам, я все больше обращала внимания на Любу. Я видела ее удаль, смелость, находчивость, умение постоять за себя. Меня поражала ее принципиальная честность, которая как-то уживалась со

всеми ее остальными качествами. Мне захотелось больше знать о Любе, чем я знала. Хотелось уметь объяснить ее поведение, поступки, а для этого надо было знать, чем жила Люба до пятого класса, что питало ее сознание, что формировало отшлифовывало ее взгляды. Нашла я учительницу, у которой в начальных классах училась Люба. Побывала на квартире у Шевцовых. И вот что я узнала о ней...

Люба была одна в семье, росла балованным ребенком. Прошел большой промежуток времени, прежде чем у родителей, потерявших надежду иметь детей, родился ребенок-девочка, которую они так страстно желали и на которую теперь не могли наглядеться. В семье для Любы не было ничего запретного. Для нее не существовало слова «нельзя». Ей дозволялось все. Росла она своевольным ребенком, считаясь только со своими желаниями. Жизнь ее потом кое-чему научила. Но не всегда эта учеба проходила благополучно для девочки.

Учительница начальных классов, Вера Харитоновна, у которой училась Люба, рассказала о ней следующее. Как-то весной, когда Люба была в третьем классе, дети решили устроить двухдневную экскурсию по следам гражданской войны. Собрали деньги, продукты, принесли вещи; дорога предстояла длинная, за пятнадцать километров. Почти все родители побывали в школе, выясняя детали похода, и только родители Любы не появлялись. Вера Харитоновна обратила на это внимание и спросила Любу, что произошло.

— А я им и не говорила ничего. Начнет мама причитать: утонешь в Донце, упадешь с машины... И еще что-нибудь придумает.

— А где же ты деньги взяла? Продукты?

— А дома... Я сказала только папе, что мне нужно пятнадцать рублей... Он дал и ничего не сказал.

— Так и не спросил для чего?

— А он только сказал: «В школу? Там дурному не научат. Мать, дай Любаше пятнадцать рублей! Она просит».— «А на что?» — спросила мать.— «Ну вот, старая, пристаешь — на что, на что? Значит нужно, если требуют».

Не дождавшись матери, отец сам взял в ящике и дал...

Пришлось Вере Харитоновне в спешном порядке посетить квартиру Шевцовых... Благо, жили они недалеко от школы. А потом добрую часть пути она вела серьезный разговор с девочкой, доказывая ей всю неправоту и бессердечность ее поведения. Девочка слушала, стараясь постигнуть этот трудно дающийся детям смысл безумной любви родителей. Но все же разговор закончился благополучно.

— А я, Вера Харитоновна, об этом и не подумала,— сказала Люба.— Больше так делать я не буду.

«Больше не буду...» Кто из родителей и учителей не домогался от ребенка такого обещания! Чем более чувствительны взрослые люди, тем больше они верят этому обещанию. Но ведь это обещания ребенка, готового поскорее их дать, чтобы не опоздать к своим играм.

Вера Харитоновна решила чаще встречаться с Шевцовыми, чтобы вместе продолжать наблюдение за девочкой. С полным основанием она предполагала, что отношения родителей к ребенку шли по какому-то одному пути всепрощения и уж слишком большой предупредительности. При таком отношении не долго и избаловать. Обо всем этом Вера Харитоновна совершенно откровенно сказала Шевцовым.

— Верно... Ох, как верно,— вздыхала Ефросинья Мироновна.

И после этого разговора чуть ли ни со всеми мелочами шла на совет к учительнице.

Спустя несколько дней пришла она с покупкой.

— Купила на два платьица Любочке, да дай, думаю, схожу к Вере Харитоновне... Как посоветуете сшить?

Учительница рассмеялась.

— А как же до этого шили?

— Да она сама выбирала! Увидит на девочках, ну и делай ей так. Тут уж ее не переспоришь.

Вера Харитоновна перестала смеяться: и в этом случае положение ей показалось серьезным. Девочка командует. Отодвинув тетради, она принялась рассматривать материал и выбирать фасон.

— Вот так сшейте,— сказала она, нарисовав фасон.— И в другой раз всегда настаивайте на своем. Сейчас, если трудно будет убедить, скажите, что мы с вами вместе выбирали фасон...

Ефросинья Мироновна ушла. А учительница неделю целую ждала девочку в новом платье, чтобы убедиться, то ли это, которое они рисовали.

Наконец она пришла в школу в новом платье.

Почти все то же. Но какие-то две складочки впереди, такие уместные и неотъемлемые, придавали фасону законченность и изящество.

— Сама придумала складки? — спросила Вера Харитоновна, поражаясь вкусу ребенка.

— Сама... Вы уж не ругайте,— сказала Люба.

«Вот так и настаивай на своем»,— с улыбкой подумала учительница.

Ребята выступали в «снежинках». Для инсценировки потребовались костюмы. Почти все появились в соответствующих нарядах, и только Люба на репетиции была в своем обычном платье. Вера Харитоновна сделала ей замечание. Люба смутилась, густо покраснела и, еле слышно, прошептала:

— Денег нет. Папа не заработал, в больнице...— и она отвернулась.

О-о, это уже были новые черты характера: Люба не только считалась с тем, что денег действительно нет, но и проявляла беспокойство, волновалась, грустила даже. После бесед с учительницей Люба просто стала внимательнее приглядываться к тому, что ее окружает, задумываться над такими вещами, о которых она раньше и знать не хотела. У нее определенно появились новые черты характера. Первое, на что обратила внимание учительница, это было чувство жалости к маленьким, слабым, забота о них, чувство коллективизма (хотя бы в примитивных чертах).

Однажды, когда Люба была в 4-м классе, учительница вошла в класс. Ей бросилось в глаза, что около Любы сидит мальчик лет трех и испуганными глазенками смотрит на нее.

— А, да у нас гости,— сказала Вера Харитоновна.— Кто же это привел его?

— Я,— ответила Люба.— Тетя Ивановна пошла в больницу к дяде Васе, а Толика хотела в комнате запереть. А он так плакал... Оставить не с кем, ну и привела сюда.

Мальчик сидел тихонько, точно его и не было. Под конец урока он положил свою головку на кулачки и чуть

не заснул. Трогательно было смотреть, как ухаживала Люба за мальчиком. Во время перерыва она принесла из буфета пончиков, конфет. Водой напоила. Во двор водила. И мальчуган просидел три урока, а с 4-го учительница отпустила Любу с ее подопечным домой.

Ребята не трогали Любу. Они ее, пожалуй, немножко побаивались. Во всяком случае Люба умела постоять за себя. Дралась она геройски. Никогда не жаловалась, если ей «в схватке» перепадало.

НАСТАЛИ НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Итак, для меня настали новые времена.

Я работаю, постоянно встречаюсь с родителями, моими коллегами. Я хочу сделать так, чтобы первые ошибки во взаимоотношениях учителей и моего класса были поскорее забыты, а прежние традиции ученической жизни не забывались, а, напротив, продолжались и поддерживались. Жизнь есть жизнь, привычки есть привычки, какие-то изменения этих привычек, причем, сразу, без особой нужды, из-за того, что появились новые учителя, вовсе не вызывались необходимостью. Из рук своих коллег мы должны были взять и очень бережно понести дальше школьную судьбу своих питомцев.

Рассказы дали многое.

Услышав о начале, я могла свободно проследить дальнейший путь учащегося и помочь ему. Мой маленький коллектив должен был упорно готовиться к включению в «большую жизнь». Я была убеждена теперь, способностями такими он обладает.

Дорогие мои, маленькие краснодонцы, все они были очень интересными, пытливыми и мужественными ребятами. Только вот с дисциплиной образовались заминки. Но мы их боролы, стараясь не пропустить ни единого случая нарушения школьных порядков.

СМЕЛАЯ ДЕВОЧКА

В пятом классе Люба Шевцова училась хорошо, являясь активным членом юннатского кружка, физкультурного и посещала в Доме пионеров балетный кружок. Со всем она успевала. Для всего находила время.

Жила Люба на девятнадцатом квартале, недалеко от школы. Зимой темнеет быстро, и в половине седьмого, когда заканчивались уроки второй смены, наступает уже глубокий вечер. Часто в школу за малышами приходили братья, сестры, а то и родители некоторых учащихся. Особенное беспокойство проявлялось о девочках. Их иногда пугали или сводили с ними какие-то свои ребячьи счеты. Но, конечно, провожатые являлись не всегда.

И вот однажды...

В декабре 1937 года девочки гурьбой шли домой из школы. Уже перешли площадь. До дому — рукой подать. Вдруг из-за угла первого домика 19-го квартала вырвалась ватага ребят. С криком: «Вот они!», «Лови их!» — ребята атаковали девочек. Те бросились врассыпную. Некоторые побежали обратно в школу. Подружка Любы и ее ближайшая соседка по квартире Зина Т., споткнувшись, упала. Испуганным голосом она закричала: «Лю-ба!» Эти слова приковали на месте девочку. Она повернула и с разгона ворвалась в гущу ребят, из которых один успел ударить Зину. Люба присмотрелась и узнала соседа по кварталу, ученика соседней школы, Виктора Полянского.

— Ах ты, хулиган! Даже не знаешь, что лежачего не бьют! Постой, завтра же все будет известно в школе.

Зина встала, подняла сумку и, дрожа, вцепилась в руку Любы. Виктор отворачивал лицо, стараясь спрятаться за товарищей, а те вызывающе кричали:

— Какого ты тут Виктора узнала! Тут нет никакого Виктора!

Они плотным кольцом окружали девочек. Плохо бы пришлось, пожалуй, им, если бы той же дорожкой не шли наши комсомольцы из школы. При виде их маленькие хулиганы скрылись. Люба попросила старших ребят отыскать чернильницу Зины и проводить их немного по улице. Ребята отыскали чернильницу и довели девочек до дому.

Зина два дня не посещала школу, а Люба явилась на занятия на второй день. С тех пор за Зиной всегда приходил кто-нибудь из семьи, чаще всего мама. Мы подняли тревогу, попросили комсомольцев, чтобы они установили дежурство возле школы, о Викторе Полянском сообщили в его школу. А Люба все также

смело и без боязни возвращалась домой сама и не хотела, чтобы ее встречали родители и провожали домой.

— Не боишься?

— А чего мне бояться? Я и сама с хулиганами справлюсь,— отвечала она.

Она была смелой девочкой и ни в чем не уступала мальчишкам. Помнится мне один случай, который уже произошел весной. Я шла рано утром в школу. Майское солнце только еще поднималось над поселком. В неглубоких балках и овражках стоял туман. Шахтные гудки прогудели семь, когда я приблизилась к школьному двору. В это время он был еще безлюден, только возле турника собралась небольшая группа ребят. Присмотревшись к ним внимательно, я увидела повисшую вниз головой небольшую фигурку, которая крепко держалась ногами за перекладину и что-то выделывала руками. Все это происходило на расстоянии, и мне трудно было рассмотреть, кто это мог быть.

— Анна Дмитриевна идет!..— послышались голоса.

Последовало молниеносное движение и вслед за возгласом: «Оп-ля», фигура девочки, в которой я, наконец, признала Любу Шевцову, стояла на площадке.

— А ты не боишься свернуть себе шею?

— Ого, если бы вы видели, Анна Дмитриевна, какие чудеса творит Люба на турнике,—похвалились девочки.

Вскоре мне пришлось в этом убедиться.

Люба стояла, горделиво поглядывая на ребят. А я все не верила своим глазам, что передо мной не мальчишка, а девчонка.

— Наверное, не девчоночье это дело,— заметила я довольно неосторожно.

И вскоре же убедилась, к чему привела такая неосторожность. Люба оставила турник, но зато обратила свои взоры к пожарным лестницам. Мы строго следили за тем, чтобы никто из учащихся не взбирался по лестницам, которые вели к высокой крыше школьного здания. Может быть, удобство их понимали пожарники, в случае если здание загорится, но нас, педагогов, все время беспокоило, что кто-нибудь из малышей заберется повыше и свалится оттуда. Следить за этим, между прочим, вменялось в обязанности дежурному. На классных же собраниях задавались такие вопросы:

— А если с разгона взбежать только на две перекладины, это тоже считается—был на лестнице?

И вот через несколько дней после встречи у турника иду я, как и тогда, во двор. Он уже заполнился шумной детворой. Вдруг детвора как-то странно притихла при моем появлении.

— Кто сегодня принимает дежурство в первой смене? — спросила я.

— Браилко и Шевцова,— ответили ребята.

— А где они?

Ответа не последовало.

В группе девочек я увидела Браилко, которая опустила голову, точно хотела сделаться меньше и спрятаться за малышами. Почувствовав что-то неладное, я спросила:

— А Люба где?

— На школе, на школе! — зашумели ребята.— Ласточку делает!

Я отошла, чтобы лучше видеть крышу здания. Она будто достигала самых облаков. Большие трубы отсюда с земли казались совсем маленькими и возле одной из них стояла Люба на одной ноге в позе, которую физкультурники называют «ласточкой». У меня сердце замерло: упадет, разобьется ведь. Но, овладев собой, я с подчеркнутым спокойствием сказала:

— Дежурному совсем нехорошо нарушать правила.

Ребята, окружавшие меня, насторожились, но я видела, что у них борются два чувства —одно в унисон с моими словами, другое чувство восхищения смелой девочкой. С каким удовольствием я присоединилась бы к последнему, но долг учителя — превыше всего. Я настояла на том, чтобы этот поступок был обсужден на ученическом собрании. Помнится, Сережа долго не выступал, а потом взял-таки слово.

— А нельзя ли лестницы прибрать? Да, чтоб их совсем не было... Не мешали бы... Не соблазняли. Иной раз и не хочешь, а... сам не знаешь, как очутишься на лестнице.— Ребята поощряюще заулыбались.—Ну, а раз нельзя, так и разговор другой. А давайте поставим дежурных около лестницы. Добежишь, а тут тебе кричат: «стоп, нельзя дальше», и сразу тебе напомнят.

Понравилось такое предложение ребятам и добились они, что охранять лестницы стали поклассно. У основа-

ния очень охотно появлялись дежурные, которые, конечно, и близко не подпускали бегающих. Даже создали из этого дела своеобразную игру (чтоб не скучно было дежурить). Очертили мелом круг, за черту которого нельзя было забегать. «Пленят» такого смельчака ребята и уж держат потом всю перемену. «Пленение» никому не нравилось, и ребята стали далеко обегать метку и лестницы.

Но еще долго жило воспоминание о Любиной ласточке и желание повторить то, что сделала она.

ЮННАТЫ

Решили мы широко развернуть кружковую работу, общественную работу с родителями, прекрасно понимая, что без этого нам со многим не справиться. В то время, как хозяйственная часть, с помощью ребят, приводила в порядок двор, отводила места для спортивных площадок, мы приступили к организации кружков. Создалось их много: драматический, физкультурный, литературный, технический, антирелигиозный, химический, юннатский, моделирования и др. Мы договорились, что только в крайнем случае можно быть членом двух кружков. Посещение занятий являлось добровольно-обязательным (пропустивший три занятия механически выбывал).

Помнится мне первое собрание юннатского кружка, на котором утверждали план кружковой работы. Здесь потряхивала рыжей головкой Люба Шевцова, мерцали серые глаза Сережи Тюленина, сосредоточенно сидел Толя Орлов, а дальше — Виктор Лукьянченко, тесно прижавшись друг к другу, Юра и Леня Виценовские, Лесик Воробьевский и много других.

К этому времени мы уже ликвидировали следы строительных работ. Стали планировать, как «оформить» свой школьный двор. Подняли этот вопрос и на собрании кружка.

— А в Таловой балке на лугу, где, говорят, было имение какого-то офицера, растут разные деревья. Молодняка там... нивесть числа,— объявил Сережа, почему-то посмеиваясь.

— Что ж, деревья во дворе посадить следует.

Собрал Сережа компанию и в первое же воскресенье отправился «в бывшее имение». Ребята накопали там штук пятьдесят саженцев и в понедельник явились с ними в школу.

— Это мои двадцать штук, это Викторовы. Это Володькины. Это Ленины... Мы хотим знать, чьи примутся лучше. Я свои копал осторожно, не повреждая корешков,— говорил Сережа.

Посоветовала я на деревцах сделать кольца с надписью фамилии тех, кто их выкопал и принес. При школе в это время создавался хорошо оборудованный кабинет ботаники. Дежурному по кабинету дел было очень много. Отметить, записать состояние опытов на данное время, уточнить, сличив их с предыдущей записью. Когда дежурил Сережа, всегда начиналась суета. Его неугомонная натура требовала дела, и вот в это время в кабинет хоть не заходи. Сережа все пропустит через свои руки, всюду сунет свой нос. Как-то раз нам принесли перистолистник и я опустила его в мензурку с водой. Посмотрел Сережа на плавающий в воде листик в стоявшей на необычном месте мензурке и выплеснул воду с листиком, а мензурку тщательно вымыл, поставил в число посуды, которую нужно было убрать.

— Ну что это, право, за растения! Ни тебе корней-стеблей... Догадайся, что оно живет как самостоятельный организм! Я решил, что это случайный листок и выплеснул его из мензурки.

Но так было редко. Чаще всего он кропотливо, тщательно делал записи и меня всегда поражало, как такие две, казалось, несовместимые вещи, любовь к систематизации предмета и заметная неорганизованность уживались в его натуре. Самый буйный, неугомонный и в тоже время самый аккуратный и внимательный к мелочам.

Дежурство кружковцев проводилось и во дворе, где тщательно следили за тем, чтобы не рвали цветы и не забирались по лестнице.

Утро. Весеннее солнце разбрасывает свои лучи. У калитки школьного двора появляются две фигурки девочек, которые с оживленным говором направляются к школе. Это дежурные сегодняшнего дня, они должны проверить не поломаны ли деревья, не выдернуты ли цветы, целы ли скамейки и т. д. Тени еще очень много,

и цветы клумбы, богатые петуньей, львиным зевом, настурцией и табаком, точно зашевелились. С поливальником в руках, по газонным дорожкам две подружки заканчивают поливать неполитую вчера клумбу. Ночная фиалка изливала свой аромат. Головки цветов еще не свернулись. Расцвели анютины глазки, прибавилось левкоев, стала разнообразнее петунья. Скрылись ранние весенние цветы, как будто даже следов их не осталось. Над некоторыми из них мы поставили отметку: что-то появится следующей весной? Дорожки-боковины украсились цветущим эспарцетом и люцерной.

Спортивная площадка — хоть сейчас играй.

Дежурство обычно велось строго. Вот запись одного из дней: «Сломали два левкоя, астру. Сделал это ученик 3-го класса Костя Деревянкин (я его отшлепала)»,— писала Люба Шевцова.

Вот такие, примерно, записи можно было встретить в тетради дежурного. Записи читались на наших собраниях, а иногда ко мне просто приставали ребята:

— Анна Дмитриевна, что там дежурные записали, посмотрите?

Я поощряла расширенную запись и иногда бросала:

— Молодец! Хорошо! — Это, конечно, учитывалось учащимися и создавало определенный тон в деятельности кружка.

В обязанности кружковцев входила забота об оформлении уроков естествознания наглядными пособиями. Часто я видела рыжую головку Любы Шевцовой у своего окна, слышала такой знакомый звонкий голосок ее:

— Анна Дмитриевна, завтра ведь нам нужен будет раздаточный материал. Мы с Ирой пойдем за ним в балку.

И я видела девочек с сумками через плечо, в которых лежали ножи, газеты, баночки, коробочки и пр., словом, все принадлежности человека, отправляющегося в экскурсию. Возвращаясь из балки, Люба обычно заходила ко мне, часто показывала еще не виданный ею до этого экспонат, или заходила за разрешением спора, который затевали подружки по дороге.

Интересными у нас были собрания кружка. Их ждали, к ним готовились. Поднимается Люба и слышатся возгласы:

— Шевчиха говорит! Ну, теперь держись! — И действительно, все вспомнит Люба: и заброшенный в клумбу мяч, и пинок дежурного, и опаздывания... Всем достанется по заслугам. Мне нравились такие выступления Любы, и я всеми мерами старалась ее поддержать, если случалось «скользкое» положение.

Как-то во время дежурства Любы, я обратила внимание, что из губы у нее сочится кровь.

— Что это с тобой? Как разбила?

Люба засматривала в микроскоп и делала вид, что совершенно не слышит моего вопроса. За нее ответила подружка:

— Иванцов Ким локтем двинул и зацепил Любу...

Почти каждое дежурство Любы ознаменовывалось такого рода делами и, наконец, меня начало это беспокоить.

— Опять,— сказала я.

— А он пускай не ломает клена! Я раз ему сказала, два... А он точно нарочно. Я тогда толкнула его, а он...

Люба замолчала. Я поняла, что случилось дальше. Посмеиваясь, Сережа сказал:

— Одним словом, мило поговорили! У Кима пуговиц на воротнике не осталось, у Любы губа рассечена. Значит, разговаривали вполне культурно. Правда ведь? — балагурил Сережа.

— А вот ты при этом культурном разговоре был?

Понял меня с полуслова Сережа и уже серьезным тоном ответил:

— Нет. Жалко, что не был. Может, дело приняло бы другой оборот.

— А какой? — спросил кто-то.

— Да ведь с Кимом разговаривать могу только я. Этого-то, я думаю, не станет никто отрицать.

С этим мы, конечно, были согласны. Белоголовый паренек Кимаша, казалось, совершенно не уважал учителей. Во всяких, из ряда вон выходящих поступках, обязательно участвовал он.

Как-то на собрании юннатов поставили вопрос о пополнении биологического кабинета. Потянули ребята в школу все, что кто мог. В это время мы намного обогатили свой кабинет. У ребят нашлись родные, люди с разным, а часто и очень солидным образованием, работающие на больших ответственных постах. Они не только

давали новые экспонаты, но и помогали советом. Мы заимели коллекцию морских водорослей из дальневосточных морей, гербарий иглокожих (присланный из Мурманска), ценную коллекцию уральских минералов и т. д. У себя мы нашли на угольной породе остатки кистеперовой рыбы, различные окаменелости и т. д. Принесли хороший образец чешуи змеи и много другого интересного и нужного для нас. Как-то в школу принес Сережа медянку. Эта безвредная по существу змея наделала у нас много шуму. Ким упросил Сергея дать ему на некоторое время змею. Ее он сунул в рукав и все время пугал девочек, а одну из них довел почти до обморочного состояния. Кима «прорабатывали», попало и Сереже. Зло поблескивали его глаза, да временами показывал он кулак Киму. При разборе случившегося Сережа прямо признал свою вину в том, что «мог-де отдать медянку Киму (понадеялся на его порядочность)».

— Вот этого я себе никогда не прощу,— говорил Сережа.—Я ведь знаю Кимашу (кличка, которой Ким очень обижался), и все-таки дал ему медянку. Я, правда, предупредил его, чтобы он вел себя аккуратно с ней. Поверил Киму на честное слово. А слово-то у него оказалось нечестным. Значит, плохой из него получится человек.

Ходили на лице Кима желваки. Я отметила тогда, что он даже не пытался оправдываться. Когда ему предоставили слово, он сказал, примерно, так:

— Недоучел... Не думал, что так получится... Никого не хотел обидеть.

Прошла неделя, и вдруг вновь случай. На стекле окна появились с десяток связанных мух, которые тянули тонкую бумажку с надписью: «огненная колесница». Урок был забыт... В поисках виновников этой затеи принимал участие весь класс. Горячо обсуждались события. Требовали виновных сознаться. Мое внимание тогда привлекло следующее обстоятельство: Сережа первый высказал мысль, что пускал мух, возможно, Ким, а связывал их не он.

— Не хватит у него «тямку» для этого. Сделал это другой. Взять в оборот Орлова. Мне так и кажется, что это он.

А Ким все так с сомнением говорил:

— И тут я виноват! Я только «расправил колесницу». Ничего там моего нет.

Поставили Киму четыре за поведение и крепко его предупредили.

Окончился и этот учебный год. Еле перетянул Сережа, но все же перешел без осенних испытаний.

— Мне нельзя иметь на осень испытаний. Я с матерью поеду в деревню. Пробуду там все лето.

Поднажал он в последние дни и благополучно выскользнул.

Уже осенью я встретилась как-то с Александрой Васильевной и она рассказала, что как только окончились занятия у Сережи, они поехали с ним в деревню. «Ведь он и перешел-то видно без осенней работы потому, что боялся не возьму я его с собой. Всю дорогу меня обслуживал: водички принесет, узнает, когда поезд прибудет, что нужно—купит. Такое добро с ним было ехать. А там, в Киселевке я его и не видела. То в колхозе, то в лесу. Да отвадил-то медведь ходить его в лес...»

Я просила рассказать об этом подробнее.

— Пошли ребята в лес по грибы да по ягоды. Захватили они лукошки (плетеные круглые корзиночки). Сергей приотстал от ребят. Привлекли его внимание пчелы, что большой массой летали около дупла. Заглядывал он до тех пор, пока какая-то пчелка ужалила его. Прихлопнув ее рукой, он взвизгнул от боли и увидел пробиравшегося к дуплу Мишку. Миг — и Сережа на земле, с лукошком над головой. Лежит неподвижно. Улетели пчелы, но подошел медведь. Обнюхал Сережу, повернул лукошко лапой, как будто хотел убедиться, что в нем ничего нет и, заурчав сердито, пошел к дуплу. Часто у нас так-то,— говорила Александра Васильевна,— медведи встречают баб в лесу и уж обязательно проверяют лукошко. Людей редко трогают, правда. С тех пор — квит, не ходил в лес мой сынок. Стал он теперь пропадать в колхозе. Жили в Киселевке с Сережей мы все лето, и уже под осень (этак в августе) колхоз выехал в степь косить по стерне сено лобогрейкой. В запряжке шла тройка лошадей. Управлял ими Сережа. На углу загона он соскочил что-то поправить в сбруе, а когда садился, передние колеса подвернулись и Сережа угодил

под машину. Зубец косы впился в руку. Перепуганный сбрасывальщик соскочил с сиденья, кричал, что есть духу: «Тпру!», опуская подъем, тормозя лобогрейку. Клочья рубахи выглядывали из разорванной раны. Сережа был бледный. Холодный пот выступил на лбу, но он даже не стонал, крепко сцепив зубы. Во время операции он тоже не издал ни звука, только нижнюю губу закусил так, что показалась кровь. Дело сошло благополучно. Рана стала быстро заживать. Врач похвалил Сережу: «А у вас, молодой человек, много выдержки. Из вас будет толк»,— и погладил его вихрастую головку.

Как-то на собрании юннатов Сережа, опустив голову, внимательно читал какую-то бумажку. Он так был этим увлечен, что ничего не слышал из нашей беседы. На столе в классе лежали кое-какие экспонаты, которыми я иллюстрировала свою беседу. Вот их-то я и предложила Сереже отнести в кабинет.

— Мне очень хочется знать, Сережа, чем ты на собрании был занят, что ты читал?

— Письмо я читал от брата Василия.

— А какой у тебя брат, откуда он?

Сережа замялся. Даже поправил что-то на столе, а потом сказал:

— Это сын моего отца, но не матери. Я его чуть помню. Он, как только окончил семь классов, так и ушел от нас к своей сестре. А это ведь было в тот год, когда я поступал в школу. Теперь, вот месяц назад, он был в Ворошиловграде и заехал к нам. Он чекист-пограничник,— с гордостью говорил Сережа.— Сколько интересного из пограничной жизни он рассказывал!—лицо озарилось улыбкой. Глаза у него вспыхнули.—Знаете, Анна Дмитриевна, я с ним вместе смотрел картину «Джульбарс», а потом мы проговорили до зари.

Сережа помолчал, как-будто что-то решая, затем протянул большой, исписанный лист:

— Письмо, что Вася прислал...

Я развернула листок и прочла...

«Скажу тебе одно, какой бы жизненный путь ты не выбрал, нужно нести с честью звание человека, то есть быть человеком в высоком понимании этого слова. Что для этого надо? Знания, теоретическая подготовка. Зна-

чит, нужно учиться, чтобы овладеть суммою всех богатств, что накопило человечество. Об этом говорил Владимир Ильич Ленин...

Меня порадовала первая половина твоего письма, где ты предлагаешь с тобой мне соревноваться, считаешь, что это поможет тебе лучше учиться. Я рад, что ты понял и оценил всю важность нашей работы. Рад буду видеть тебя в наших рядах, но... Это, Сережа, не такое простое дело. Первое — нужно иметь хорошее здоровье, ловкость, выносливость, отвагу, храбрость, а самое главное, беззаветно любить Родину. Это значит, что все, что ты делаешь, чем живешь, весь ты, до последней капли крови, принадлежишь нашему народу. Все твои мысли, деяния, должны быть направлены на то, чтобы улучшить жизнь человека... Сделать жизнь счастливой, труд радостным. Вот этих заповедей не забывай, браток, и все будет хорошо».

Пока я читала письмо, Сережа глаз не спускал с меня, и столько страстного ожидания было в его лице, что я нет-нет да и поглядывала на него, стараясь прочитать кое-что не только в письме, но и на лице Сережи.

— Хорошее письмо ты получил, Сережа! — медленно опуская руку, сказала я.

Порозовел он весь и с жаром сказал мне:

— Я думаю, Анна Дмитриевна, мне надо многое изменить в своем поведении. Вот меня часто так и подмывает выкинуть какую-нибудь «штуку», а сдержать себя не умею. Вот управлять бы собой научиться...

— Не хочешь ли ты, чтоб я тебе тут помогла?

— А как же это вы сделаете? — спросил Сережа несколько озадаченно.

— А вот послушай. Когда ты особенно «разойдешься», я как-нибудь, чтобы никто не заметил, напомню тебе о том, что нужно себя взять в руки.

Задумался Сережа, а потом ответил:

— Вы только это делайте как-то так, Анна Дмитриевна, чтоб не так строго... Я вот иногда что-нибудь сделаю или скажу, а потом жалею, а вот тогда не удержусь. Само вылетит. Хоть ты что!

—А ты все-таки попробуй еще,—говорила я.

И вот эти пробы начались...

Помнится мне, поссорился Сережа из-за чего-то с Владимиром Сечковым. Кажется из-за голубей (и тот

и другой водили их). Устраивали обмен и другие хозяйственные свои дела. Не понравилась «менка» Сережс, и стал он настаивать на размене. Сечков не уступал. Назревал конфликт. Язвительно так стал донимать Сережа Сечкова:

— Объявление: «Меняю, продаю, покупаю все, что у кого имеется. Куркуль Сечков!»

Только что я поздоровалась с ребятами, села за стол, как торопливой походкой подошел ко мне Сечков и положил записку, которую сопровождала карикатура (кулак все загребает своими цепкими руками).

Во время перемены я пригласила ребят в кабинет, чтобы дать им возможность сравнительно спокойно объясниться в присутствии третьего лица. Мне захотелось проверить, серьезно ли отнесся Сережа к своим словам, и я нашла подходящий момент, чтобы сказать:

— А как повел бы себя Василий Гаврилович в данном случае?

Точно ушатом холодной воды окатило Сережу. Он даже остановился на полуслове, а затем ладонью руки закрыл глаза и так простоял с полминуты... Затем повернулся и вышел. Меня интересовало, что будет дальше.

Через некоторое время мне пришлось быть свидетелем следующего разговора.

— Знаешь, что, Сеча, давай мирно разрешим это дело. Недоучел я. Сделал невыгодную менку. Но вот что я хочу тебе сказать: даю честное пионерское, что как только дутыши выведут детей, отдаю тебе... меняю на какие хочешь.

— Это ты верно говоришь, Сега! — радостно отвечал Сечков.

— Да я не очень-то и тянусь за голубями, а дутышей мне очень хочется завести,— с сияющей улыбкой говорил Сечков.

Я сделала вид, что не слышу и с самым равнодушным видом прошла мимо. А сама радовалась необыкновенно: молодец, Сережа, справился-таки, переломил себя.

ШКОЛЬНЫЙ СОВЕТ

В нашей жизни школьный совет сыграл громадную роль. Не все так гладко было у нас. Если общая дисциплина поднималась. если все чаще мы сталкивались

с положительными явлениями, то наряду с этим были и происшествия, которые поражали своей несообразностью. Мелко, но все же неприятно. И все те же детские шалости.

Вот одна из них. В класс во время занятий заскочила кошка, при чьей-то помощи она угодила на учительский стол. Евгения Ивановна Мирошниченко, опытный, с приличным стажем учитель, завуч начальных классов и преподаватель 5—7 классов по украинскому языку, была возмущена случившимся. Возмущены были и другие учителя и ученики. Выяснился герой этого происшествия — Александр Новичков, бесшабашный, невоздержанный паренек. Плохо было то, что он ходил по-за изгородью школы, угрожая тем, кто вздумает пойти к нему на квартиру и рассказать о случившемся родителям. Дело принимало скверный оборот. На «героя» смотрела масса учащихся. Директор решил пригласить отца и сына на заседание школьного совета. Новичков-отец, инвалид труда, не имел возможности уделять сыну достаточно времени. Но пусть, решили мы, он воспользуется помощью учителей и родительской общественности, которые всегда принимали участие в заседаниях совета.

Семь часов вечера. Пионерская комната убрана соответствующим образом. Посредине стол, покрытый красной скатертью, а со стен строго смотрят портреты вождей. Тихие, приглушенные голоса. Входит коренастый, сосредоточенный Филипп Петрович Лютиков, представитель родителей. Появляется Степан Григорьевич Яковлев, председатель горсовета, представитель городской общественности. Занятые своим трудом, они не жалели времени для того, чтобы посетить школу и помочь в проведении совета. Директор школы Анисимов заметно волнуется, когда собирается открыть совет. Но произнеся первые слова, успокаивается. Дальше он просто и внятно говорит о задачах школы, о поведении учащихся и ответственности родителей за создание нового человека советского общества, о значении коллектива в деле воспитания и еще о многом другом, не новом, но нужном, о чем никогда не бывает лишний раз напомнить. Директор немного затянул свое выступление (он не умел говорить коротко). Но оно произвело благоприятное впечатление. Помогала особая строгость всего

происходящего. Слова директора о том, в чем обвиняются Новичковы, были выслушаны в абсолютной тишине.

С волнением обращался к Новичкову Яковлев.

— Понимаете ли вы, гражданин Новичков, какую ответственность несем мы за таких малышей, как ваш сын? Вы, как отец, и я, к примеру, как председатель горсовета и отец своих детей. За детьми — будущее. Они будут продолжать дело, начатое нами в Октябре. А кого ты, товарищ Новичков, готовишь из своего сына? Ведь он не уважает тебя, не уважает меня, не уважает учителей, и я боюсь, что он, как искатель легкой забавы, веселого времяпрепровождения, окажется в жизни лишним человеком, чуждым духу нашего времени. Подумай, мой или твой сын окажется лишним человеком! Мало ведь жизнь дать, нужно воспитать настоящего человека.

Как всегда, сдержанно говорил Филипп Петрович Лютиков.

— Мы, коммунисты, отвечаем не только за воспитание своих детей, но и за всех детей нашего времени. Ведь ты, товарищ Новичков, пойми, то, что я сделал своими руками, за что я проливал кровь, отдал добрый кусок жизни, то может разрушить твой сын, ибо ты и я — мы не воспитали его так, чтобы он продолжал наше дело. Подумал ли ты, какую ответственность несешь за правильное воспитание сына!

Новичков-отец сидел в напряженной позе, хмурился и беспрерывно вытирал платком потеющий лоб.

— Но, гляди,— предупреждал его Лютиков,— не вздумай одним махом согнать оскомину за сегодняшний свой позор. Мы решаем сообща с тобой, со всеми учениками и учителями объявить поход за твоего Александра.

Предупреждение было своевременным и мудрым: Новичков-отец до этих слов, кажется, готов был вскочить и закричать во все горло: «Выпорю!»

Теперь Новичков-отец поднялся и сказал другое:

— Спасибо, Филипп! Спасибо вам всем... Мы с сыном подумаем хорошенько над всем, что случилось. Будем бороть этого супостата—недисциплинированность—сообща.

Обсуждение проделки Александра Новичкова, возможно немного и резкое, тем не менее прошло очень удачно. Школьный совет оказался подлинным советом.

Конечно, он был строг. Но не оставлял чувства растерянности у его основных виновников, что для нас, педагогов, понимающих, что воспитательная работа далеко не закончится одним этим советом, было очень ценно. И виновником такого благополучия, безусловно, являлся Филипп Петрович Лютиков, который с тактом и умением смог отделить обычную раздраженность, возмущение одним или двумя поступками, от общей задачи воспитания детей.

Школу он знал великолепно. Его постоянно влекло к ребятам, к нашим школьным делам. Мы только радовались этим его влечениям. На ребят он всегда производил глубочайшее впечатление. Всегда безукоризненно одетый, с орденом Трудового Красного Знамени на груди, он появлялся среди нас желанным гостем. Ребятам импонировали его известность и выдержка. Солидная, заметная, среднего роста фигура человека, наблюдательные темные глаза, которые, кажется, проникали в душу, были приятны всем.

— А чего это ты так бежишь? Разве уж очень нужно? — ласково и требовательно скажет он, бывало, задержав своей рабочей рукой быстро бегущего хлопца.

— А пойдем со мной погуляем! — и идет паранек, как будто по доброй охоте, отвечая на вопросы Филиппа Петровича, часто красный, смущенно поглядывая по сторонам.

С появлением Филиппа Петровича в школе ребята держали себя, конечно, организованнее. Филипп Петрович часто давал нам практические советы по хозяйственной части и общешкольной работе. Опыт трудовой, многогранной жизни, общение с рабочей массой, руководящая работа в течение ряда лет — вот что делало Филиппа Петровича необыкновенно ценным в нашей школьной жизни. Все его взгляды, и привычки, и горячие протесты, может быть, как ни у кого другого, появлялись в результате прожитой жизни. А жизнь его была типична для таких, как он, советских рабочих, тружеников и борцов.

Лютиков родился в 1888 году. Был незаконнорожденным сыном. Тяжелая доля несомненно ожидала ребенка в царское время.

— Филька-найденыш! — кричали сверстники-ребята, которым часто и попадало за это от крепкого Фильки.

Ребята жили, как взрослые: клички, злые шутки, наговоры, драки — все тогда было в разъедаемой нуждой и безысходностью, раздираемой кулацкой злобой сельской стороне.

Подрос Филька и стал понимать кое-что. Как бы ни обидели хлопца ребята, не шел жаловаться к матери, управлялся сам. Но было и так, что ходил с шишками и синяками. Даже зуб передний потерял очень рано в бою со сверстниками. Рано познал мальчик трудовую жизнь. Сначала он пас коров, лошадей водил в ночное, а в страдную пору работал за взрослого, сгибая спину за серпом, а потом и за косою. Не знал ласки, приветливого слова подраставший паренек. И только мать иногда, в светлые минуты ее тяжелой жизни скажет: «Эх, сынок, не верь никому, на себя только надейся! Береги здоровье, что есть у тебя! Может и выбьешься в люди». Один раз запомнилось Фильке, мать испугалась за него и горячо ласкала, даже плакала. Поспорил из-за чего-то Филька с соседским мальчишкой и с тех пор не проходило дня, чтобы между ребятами не было стычки. Один раз Фильку заманили в соседний двор, ватага ребят разбежалась, а на мальчика летела собака, спущенная с цепи, молча, большими прыжками. Озираясь кругом, Филька у ног увидел небольшую палочку, которую и подхватил, встречая собаку. Волкодав мертвой хваткой взял мальчика, сразу свалив его с ног. На истошный крик Фильки выбежала мать его, бросилась на помощь к мальчику. Глубокие раны в нескольких местах получил тогда Филька и весь изодранный, окровавленный снесен был матерью в избу. На всю жизнь на лице у Филиппа Петровича сохранились шрамы от зубов собаки.

В пятнадцать лет Лютиков был полноценным работником, которого наперебой старались заполучить богатеи. Рос он статным, здоровым парнишкой. В селе выбивался в кулаки Карпенко, который широко использовал труд подростков, не додавая заработок, всячески прижимая ребят. Вот у такого-то «держиморды» и жил Лютиков, нанявшийся «на срок».

Была страдная пора. Наработавшись за день вдосталь (от зари до зари), Филька обязан был еще в ночь пасти лошадей. Не выдержал хлопец, уснул, а лошади ушли на соседний баштан, где и привели в негод-

ность целую сотню арбузов. Лошадей привязали, а наткнувшись на спящего Фильку, хозяин, захватив плетку со связанной гирькой на конце, тихо подкравшись, с силой ударил хлопца. Удар был так силен, гирька попала в висок, что Филька конвульсивно дергался вначале, а потом и затих.

— Убил!..— пронеслось по деревне.

Слова эти долетели до матери Фильки. Разъяренной тигрицей прибежала она в степь, когда Филька уже пришел в себя. Разорванной рубахой была крепко стянута голова. Глаза заплыли на мертвенно бледном лице. Тут же метушился хозяин, считая потравленные арбузы. Схватив у воза топор, мать бросилась к кулаку и разнесла ему череп...

Плохо помнил Филипп Петрович дальнейшие события. Немного поздоровев, он ушел на Юзовские рудники, где и стал шахтером. Ничто больше не связывало юношу с домом. Мать по суду получила 28 лет каторги, которую отбывала на Сахалине...

Тяжелая жизнь шахтера была в царской России. Спустившись в шахту отгребщиком, Филипп Петрович прошел все виды работы в ней. Выручала природная ловкость да крепкая сила, что передана была ему по наследству от матери.

С шахты и пошел он в действующую армию.

Уже целый год он был солдатом, когда грянула Октябрьская революция. Молодой солдат попал в ряды Красной Гвардии и навсегда теперь связал судьбу с Советской властью. С 1924 года он член партии, а в 1928 году кончает промакадемию в Харькове, получив звание инженера-электрика. В 1930 году за доблестный труд награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Я еще возвращусь к описанию жизни этого удивительного человека, ко времени подполья в Краснодоне, которое он организовал по поручению партии. Но и те первые дни встреч с ним, его участие в воспитании краснодонских ребят оставили неизгладимый след в памяти. Может быть Лютикову было достаточно воспоминаний о своем безрадостном детстве, чтобы любить и заботиться о ребятишках, однако помогать школе призывала его партийная совесть, совесть человека, который глубоко верил в победу идей Октября и старался воспитать у ребят безграничную любовь к своей Родине.

Ученическим организациям мы придавали большое значение. Ребята очень охотно принимали в них участие и заметно росли, выполняя различные поручения.

— Товарищи,— объявила как-то Валя Кожаева, староста класса,— нужно выбрать на ученическую конференцию от нашего класса три с половиною человека по представительству, от десяти человек—одного. Следовательно, от тридцати пяти — три с половиной.

Ребята приумолкли, стараясь понять, что от них требуется.

Как я и ожидала, послышались вопросы:

— А как это три с половиной?.. А почему не четыре?.. Кого делить будем?..

Беда, о том, что предстояло предпринять, никто уже и не говорил. Сами выборы показались какой-то непонятной затеей. Что Валя ни говорила — ее не понимали. А тут еще самое слово — учком! Учкомы тогда только укреплялись на арене школьной жизни. Случалось както так, что учком дублировал работу комсомольской организации или связывал, глушил инициативу ВЛКСМ. Пришлось долго и терпеливо объяснять, что в данном случае требовалось от ребят. Они, наконец, поняли, насколько это интересно, и теперь все страсти перешли на обсуждение кандидатур. Каждый защищал свою.

Мы старались не вмешиваться в эти предварительные споры.

— Всем бы хорош паренек, да часто двойки получает.

— Да ведь в четверти-то нет двоек!

— А сколько текущих?

Молчание.

Кандидатура не подходила.

Особенно ребята обращали внимание на организаторские способности избираемых.

— Хоть и много троек у Иванцовой, да зато организатор она хороший. Посмотрите на 6 «А», ее прикрепленный. Ведь поднялся класс, в передовые выходит.

Вот, примерно, так намечались кандидаты на школьную конференцию.

Вместе с тем, мы, учителя, обсуждали кандидатуры учкомовцев на своих совещаниях. И как-то получалось так, что в учком попадали самые инициативные, самые лучшие учащиеся и часто от каждого (или почти каждого) класса был представитель. Вся эта работа направлялась на поднятие дисциплины, успеваемости и всех сторон хозяйственно-политической жизни школы.

Учком избрали. Он сразу нашел свое место в школьной жизни. Не отбирал ничего специфического ни от пионерской, ни от комсомольской организации. Жил своей полнокровной жизнью. Первыми почувствовали его те, кто уклонялся от коллектива. Вздумалось как-то одному из учащихся Пете Волкову уклониться от общественной работы, не поехал он в колхоз на прополку. Класс был организован следующим образом: учащиеся разделены на две группы, из которых одна неделю работала, а другая отдыхала. Сначала Петя чувствовал себя ничего. Заспанный, лениво потягиваясь, он выходил на крылечко и, щуря глаза, всматривался в отправляющихся на работу ребят. В это время он много читал, ходил на речку, развлекался и делал, что хотел. Но это было только начало. Скоро его потянула привычная обстановка, коллектив, и он стал искать общения с ребятами. А школа и наш класс жили полнокровной жизнью. Ребята не раз в своих тесных кружках, да и на классных собраниях поднимали вопрос о Пете, горячо спорили, вносили много предложений. Сошлись на том, что выбрали делегацию из трех человек, которая должна была довести до сведения Пети возмущение классного коллектива его поведением и поговорить с ним «по-душам». Возвращения ребят с нетерпением ждали. Наконец, они появились. Каждый из них представлял дело по-разному. Женя Прилепский рисовал в красках юмористических, Ванюша Виткалов — в трагических, а Тарасенко Иннокентий — в безразличных. Начал Женя:

— Подумайте, товарищи, нас к Пете даже не допустили! С нами вышла разговаривать его мамаша. «Мой мальчик не совсем здоров»,— заявила она. Подумайте, больной мальчик! Да его, хоть на погрузку угля!

— У него сильное малокровие (это у Пети-то!) Вот потеха! Ведь достали медицинскую справку, подумайте! Прямо дело идет к ТБЦ. Видели бы вы, товарищи, фи-

зиономию Иннокентия, когда он читал справку. Только, говорит, подпись неразборчива.

— А вам зачем подпись? — набросилась на нас мать.

Ребята заразительно смеялись.

Выступил Ванюша Виткалов.

— Хоть Женька и треплется здесь много, но дело серьезное. Ведь нам не удалось разговаривать с Петром, его нам не показали, а интересно, как свой поступок он расценивает сам.

— У меня есть предложение,— заявила Дуся Ревина.— Передать дело на учком. Ведь Петя-то не комсомолец. Да вызвать туда Петра с папашей. Спросить у него, кого он воспитывает из своего сына! Барчонка? Мы не хотим сидеть за одной партой с барчонком. А если Петро хочет быть нашим товарищем, то для него наши решения должны быть обязательны. Ребята по две декады уже отработали, а Петя «быньы бьет». Записывай, Лида, наши решения и передавай дело на учком. В четверг на той неделе, по плану — заседание учкома, вот и обсудим.

О решении классного собрания послали извещение Петру. Ясно было написано: «За нарушение школьной и классной дисциплины дело передать на учком с просьбой призвать товарища к порядку». Тут же сообщалось, что на следующей неделе назначается заседание учкома со следующей повесткой дня: «Поведение учащегося Петра Волкова; разное».

От классного коллектива на заседание направляется Валя Кожаева — староста класса, прозванная в классе «девушка с характером». Отец Петра, главный бухгалтер треста «Краснодонуголь», был видным лицом в городе. Боясь, что он не явится на заседание, мы поставили в известность управляющего трестом и попросили отпустить Волкова в указанные часы.

На собрании присутствовал почти весь педагогический коллектив, родители.

Помнится мне выступление Дуси Ревиной, скромной незаметной девушки, которая в дни Великой Отечественной войны так же скромно, незаметно совершала великие дела.

— Товарищи,— говорила она,— Петр Волков решил устроить себе отдых тогда, когда в нашей работе, в нашем труде нуждается страна, выполняющая третью пяти-

летку. Наши малышата, учащиеся пятого класса, вносят свой вклад в общую работу по строительству нашего народного хозяйства, и только один Петр решил жить будто на необитаемом острове. Пусть Петр расскажет вот здесь, что его толкнуло на этот путь и как он сам расценивает свой поступок. У нас просьба к гражданину Волкову, отцу Петра, рассказать, как он относится к поведению своего сына.

Волков-отец смутился. Он не мог ответить на прямой вопрос Дуси Ревиной. Зато ребята поднимались со своих мест и говорили задористо, горячо.

Меня интересовало самочувствие Петра. Сначала он бодрился, пробовал улыбаться, но по мере того, как шло собрание, видно было, что ему становится не по себе. Особенно на него подействовали выступления ребят, которые упирали на отрыв Петра от класса, от коллектива. Лицо его заметно побледнело да таким и осталось до конца собрания. Когда Валя Будасова, заместитель председателя учкома, предоставила слово Петру, он с дрожью произнес:

— Признаю все выступления правильными... Не собираюсь оправдываться... Постараюсь выполнять требования, что предъявляются сейчас мне. Вот все, что я могу сказать...

Так ли это было или мне только показалось, потому что и я вздохнула с облегчением, но как будто и у всех вырвался этот вздох и даже лица повеселели, а в углу Сережа все-таки не преминул бросить реплику:

— Я говорил, что наши ребята — самые лучшие доктора! Они вылечат от какой хочешь болезни, лишь бы она не застарела...

Председатель стукнул карандашом, и Сережа умолк.

Волков-отец после собрания был таким потерянным, что надел только одну галошу, забыв надеть вторую. Он потерял всю свою важность, когда «пулей» летел по лестнице со второго этажа. Вслед за ним, не менее торопливо, бежал Сережа Тюленин с галошей в руках, предлагая обязательно надеть ее, дабы не испортить хромовый сапог.

— И скажи ты, как растерялся человек! Даже галошу не надел. Хорошо, что мы честные люди! Вовремя напомнили и даже галошу принесли, а то ведь пропал бы хромовый сапог,— шутит Сережа.

Никто не знал, что происходило в доме Волковых после заседания учкома. Но только забрезжило утро, а у порога школьного здания уже показалась Петина фигура, с заплечным мешком, набитым продуктами. Он был в тапочках и широкополой шляпе. Таким и представился нам Петя Волков, собираясь на работу. Две декады он должен наверстать, чтобы подравнять свою «выхождаемость». Никто из собравшихся, а тем более из его товарищей по классу, ни словом не обмолвился о вчерашнем. Даже те, кто особенно сурово критиковал поведение Пети. Все теперь здоровались с ним, любезно разговаривая о совершенно посторонних вещах.

Но к матери Петра так и осталась неприязнь. Она то и дело прорывалась в шуточных разговорах ребят.

—А Петра вылечили от малокровия. Работает, да еще как! Даже продуктов теперь не берет! А то, знаете, ребята, сколько у него было свертков да сверточков первый раз?! Да он их ведь не все и разворачивал. А теперь нажимает на «кандер» и хлеб стал брать темный... Разве масла мать заложит... Ну тут уж ничего не поделаешь! Вот кончит работать, и начнут Петра лечить... Замучили дитятку...

Ребята-то все видели, их не проведешь. Сережа как-то собрал друзей, оглянулся, нет ли Петра, и повёл рассказ в своем духе:

— Ты знаешь, что вчера случилось? Окончив работы, мы построились в колонну, тронулись в путь. Вдруг, случайно,— делалась пауза и затем уже увереннее: — Случайно нас нагоняет машина. Оттуда маменька Петра кричит: «Петя, Петя, иди в машину, подвезем»...— рассказчик помедлил. Ребята понукали:

— Ну, и что же?

— Отказался. Пошел с нами в колонне. Я, правда, себя предложил в машину,—дурачился Сережа,—но тут мне отказали. Да и сама машина не согласилась: зафыркала и понеслась.

Как бы то ни было, а учком помог. Потом уже Волкова-мать, уразумев, какую пользу принесли ее сыну заботы коллектива, благодарила учителей. Учком помогал и другим, все больше убеждая нас в необходимости отыскания новых, интересных форм коллективной работы.

Неплохо у нас работала и пионерская организация во главе со старшим пионервожатым Степой Кудиновым. Если Степу хорошо знали ребята, то и Степа хорошо знал ребят.

— Костя, ты зайди на следующей перемене ко мне.

— Анатолий, прочитал ли ты журнал, что взял?

— А ты, Петя, когда отчитаешься за работу?

Знал Степа по имени почти всех ребят, а особенно тех, на кого надо было обратить внимание. Можно часто было видеть, как учитель класса договаривался со Степой о единых мерах воздействия на того или иного ученика. И уж если взялся за кого Степа, он своего добьется. Пойдет он и на квартиру, встретится с учениками в кино, побеседует при встрече с родителями. Зайдет попутно на производство, где работает отец. Смотришь, пошел парень в гору и по успеваемости и по дисциплине. Случилось как-то так, что не было минуты, чтобы ребята были предоставлены себе. Хорошо у нас был организован досуг не только в старших классах, но и в младших. Желающих выступать всегда — избыток, хотя в этом деле всегда наводится строгий порядок. Объявлялось: «Сегодня дежурит 3 класс «В». Что значит — дежурить? Это значит, дежурные, строго по звонку, стоят на своих местах, отмеченные повязками на руках. Это значит, что из большой перемены (30 минут) по крайней мере 20 минут уйдет на интересные развлечения.

— Смотри, как сегодня выступал Гришка! — говорит мальчик товарищу.— Да знаешь ли ты, что он даже учиться стал хуже, все готовился к выступлению!

— Ну, это-то он нагонит. А хорошо у него получились эти «трактористы», с душой и выражением, аж в носу у меня защипало.

— А как Любка танцевала? Вот научили их там в балетном кружке. На носках одних. Я стоял в первом ряду и видел сам.

— А вот еще вечер самодеятельности будет в клубе. Туда обязательно надо пробраться.

— А ты знаешь, будут нас пускать или нет?

— Наши же будут ставить, а мы ученики... Должны пустить.

— Васька Панков купит билет, я знаю. А у меня еще сестренка, ей тоже хочется пойти! Где возьмешь билет?.. Что если Анастасии Львовне сказать, может она что-нибудь сделает, поможет пройти?

— А ведь ты это верно сказал. Если я скажу, что очень хочется посмотреть, а денег нет, то может и пропустят. Да как-то стыдно... боюсь!

— Вот дурень! Ведь Анастасия Львовна не такая, как другие, она не накричит. Все подробно расспросит и вот посмотришь что-нибудь сделает!

— Не, Виктор, я вот сейчас слушал тебя и придумал знаешь что: пойду я к Степе и у него узнаю все-все и попрошу его взять меня и сестренку на вечер. Вот он это сделает! Да ему и не стыдно будет все рассказать. Наш Степа — да! Я такого другого и не знаю. Меня, если кто тронет, я сейчас иду к нему. Он все расспросит, и сразу видишь, где ты виноват, а где нет. Вот если бы и все люди были такими.

Степа Кудинов, конечно, пользовался безграничным доверием ребят. Даже многие педагоги обращались к нему за помощью. А лет-то ему было совсем немножко — юноша. Был у него врожденный талант общения с детворой.

Да, талант! Кстати, такой талант до сих пор не принимается в расчет при поступлении в пединститут. И совершенно напрасно! Абитуриент может блестяще решить задачу, не менее блестяще отвечать экзаменатору, запастись потом в институте солидными знаниями, но, увы, никто для него не устраивает испытаний по тому главному, чему он собирается посвятить свою жизнь.

Благодаря энергии Степы Кудинова жизнь бурлила в школе. Очень содержательно и умело проходили сборы и совещания пионервожатых. Всегда они были конкретными, короткими и ясными. Помнится, обсуждался пример работы пионервожатой Нины Минаевой. В нескольких словах определились особенности ее организаторского умения. А уж если попадал нерадивый, тут уж надо держать ответ по всем правилам.

— Отчитывайся, Ваня, почему получил ты двойку по русскому чтению? — и стоит Ваня перед отрядом, краснеет, пыхтит, придумывая в свое оправдание веские доводы. А ребят ведь не проведешь! Вспомнили они, что

Ваня толкнул Дину Иванову и не извинился... И еще много «грехов» и «грешков» нашлось на счету Вани.

— Отвечай,— требовали пионеры.

Оправдываться нечего, дает слово исправиться. Слово это запишут, а потом возвращаются к нему.

Помнится мне один пионерский костер, о котором хочется рассказать подробнее. Перед роспуском на каникулы заговорили о том, что 10 числа будет пионерский костер, обслужить который решили комсомольцы и пионеры 5—7 классов. Началась подготовка, заработали наши кружки. С особенным рвением готовился к выступлению струнный кружок. Тут тебе и новое нужно разучить (не все же выступать с приевшейся программой) и проверить старое (а то Дуся Ревина появилась в кружке с гитарой недавно и все теряет такт). Зато бесподобно обращались Сережа с мандолиной и Миша Григорьев с балалайкой. Хорошо играли на гитаре Клава Ковалева и Нина Минаева. Мне трудно сейчас учесть постоянный («кадровый») состав кружковцев. Ведь были подменные (на всякий пожарный случай), да еще первой и второй категорий. Но многие играли великолепно. Школьный оркестр накануне занял второе место на олимпиаде.

Костер устраивали во дворе, на нашей площадке, со всех сторон окруженной развесистыми кленами. Вынесли скамейки, уселись, окружая площадку плотным кольцом. Тишина, абсолютное внимание. Даже те, кому не нашлось места в «партере» и они забрались на деревья, даже те придерживались общего тона и распорядка.

Закончился доклад. Декламация сменяла пение.

Всех очаровала пирамида, новая, которую показала группа девочек. В спортивных костюмах, под команду физрука, они создали что-то очень сложное, на вершине которого оказалась Люба Шевцова, которая громко, вдохновенно произнесла пионерский салют, а, видимо, предупрежденные ребята, быстро поднявшись и вскинув руки, крикнули:

— Всегда готов!

Костер продолжался. Следовали танцы, загадки, выступление балетного и струнного кружков. Когда этот последний, самый малочисленный, состоящий из восьми человек, вышел на средину площадки и занялся настройкой инструментов, установилась строжайшая тишина, какую можно наблюдать только на концертах выдающихся

мастеров. Не стану говорить о том, как играл оркестр. После каждого номера ему аплодировали с огромным энтузиазмом. Оркестранты устали. Сережа, наконец, не выдержал, вскочил и со своей обычной непосредственностью крикнул:

— Да будет вам! Довольно хлопать! Все уж переиграли.

Ребята расхохотались и приняли, наконец, во внимание положение оркестрантов.

Очень важно основное, на что нельзя было не обратить внимания. Ребята внимательно относились к выступлениям своих друзей. Появилась тяга к художественному творчеству. Ни единой выходки нарушителей дисциплины. У костра была единая семья, дружная, увлекающаяся, готовая к интересной жизни в коллективе.

Довольной и счастливой расходилась ученическая масса и долго еще жила всем, что видела и слышала в этот вечер.

— А хорошо прошел костер,— говорили ребята, вспоминая отдельные детали.

Все было красиво, внушительно и трогательно.

На костер попали и родители, а то и просто взрослая публика близлежащих улиц, привлеченная музыкой, аплодисментами и другого рода знаками внимания, что дарили ребята выступающим. Они, конечно, не знали о Степе Кудинове, главном организаторе пионерского костра. Да никто и не говорил об этом. И самому Степе было некогда: он и после костра крутился с ребятами, обсуждая его итоги. А мы наблюдали за ним и не переставали удивляться его способностям.

«Отзвуки» костра были довольно сильными. Многие жители, что не попали на него, не скрывали своего огорчения. Как-то, через несколько дней, я встретила знакомую женщину. Едва поздоровавшись, она сразу спросила:

— А скоро еще будет такая «постановка»? Вот-то я жалею, что пришла только под конец. Не знала, что и нам можно посмотреть. Там ведь и мой внучек читал что-то.

Из вежливости я спросила:

— А как его фамилия?

— Да Лесик, Лесик Воробьевский! Разве не помните?

Мне представился шустрый мальчуган-непоседа, кото-

рый на замечания всегда мило отвечал: «Больше не буду! Вот честное пионерское!» — и на некоторое время успокаивался, а потом вновь начинал вертеться на парте.

— Да, читал,— подтвердила я и, улыбнувшись, добавила: — Когда читал, кажется, не вертелся.

— Да уж он — вертун, непоседа. Может, ему чаще надо выступать, тогда и изменится.

Я не открывала секрета перед женщиной. Мы ведь тоже надеялись на это, когда включали его чтение в программу.

На многое другое мы надеялись, когда помогали ребятам устраивать костер.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Комсомольская организация в нашей жизни была тем звеном, без которого не представлялась работа школы вообще. В течение ряда лет возглавлял ее в нашей школе Федор Иванович Иванчиков.

Всегда торопливо он пробегал по коридору школы. Отработав первую смену со своим вторым классом, он, наскоро пообедав, бежал ко второй смене. Здесь — взрослые ребята, зачастую ставящие вопросы «высокого принципиального» значения. Федору Ивановичу постоянно нужно быть на-чеку. Вот почему он являлся частым гостем в райкоме комсомола. Секретарь райкома И. С. Кожухов был в курсе всех комсомольских дел в школе. Частым гостем у нас был и Я. Х. Крутовской, член бюро райкома.

Школа сияет огнями. Отбивают последние часы, кончается рабочий день. Только громко звенят голоса ребят в пионерской комнате, где в уголке сидит и Федор Иванович с одним из членов райкома, горячо обсуждая очередные дела школы. Предметом сегодняшней беседы является выступление Юрия Вициновского, который на прошлом собрании, при приеме в ряды ВЛКСМ, дал отвод своему меньшему брату на том основании, что тому не хватало трех месяцев до 15 лет (тогда принимали в ряды комсомола с 15 лет). Юрий культивировал честность и не выносил неправды, в каком бы виде она ни была.

Комсомольская организация имела в своем составе около ста человек и все-таки это еще были не все желающие попасть в ряды ВЛКСМ. Одни медлили, потому, что встречались двойки по некоторым предметам, у других дисциплина еще была не на должной высоте...

Случилось как-то, что на мое обращение к Сереже, я услышала повторяемые им слова: «честное пионерское».

— А долго ты еще будешь говорить: «честное пионерское», когда твои товарищи уже говорят: «честное комсомольское». Имеешь по предметам двойки, не блещет и дисциплина у тебя.

Оживленное до этого лицо Сережи потускнело. Он круто повернулся и ушел.

Прошел месяц с того времени. Входит как-то в учительскую Иванчиков и спрашивает:

— А как ведет себя Тюленин, как он учится? Подал он заявление в комсомол. Не нашлось на этот раз человека, который бы дал ему отрицательную характеристику.

Я передала наш разговор, сказав, что общее собрание — лучший судья.

— Хорошо,— согласился Иванчиков.— Посмотрим...

Комсомольские собрания проходили у нас в торжественной обстановке. Ребята обычно сами хлопотали об оформлении комнаты. Тут тебе появляются скатерти, цветы, знамена. Приходил представитель райкома комсомола. Он предварительно знакомился со школьными новостями. Прием в комсомол всегда был особенным событием.

Я очень хорошо помню то собрание, на котором Сережу Тюленина принимали в комсомол. Он весь как-то изменился, хмурился, не обращал внимания на шутки, даже походка у него стала другая — размеренная, неторопливая.

И вот Сережа перед комсомольской аудиторией. Устремленные взоры выражали различные настроения ребят. Одни, казалось, подбадривали, другие выражали озабоченность, а третьи — ожидание. С чего же все начнется? Да, это было небезразличным нам всем.

И вот Сережа начал свою речь:

— Я вел себя не совсем организованно. Успеваемость у меня «хромала». Часто можно было меня обвинять во всех, какие есть, грехах. Ничего этого нет уже давно, а теперь и не будет.

Последовал вопрос:

— Что заставило Тюленина вступить в комсомол?

Голос у Сережи дрогнул и на высокой ноте он закончил:

— Хочу быть членом семьи, которая борется за счастье человечества, за нашу красивую, полную радости жизнь. Только в нашей стране свободного труда возможна такая жизнь.

— Из письма «дует», слышишь,— прошептал кто-то: Сергей ведь многим читал письма от брата-пограничника. И далее громко:

— А пусть он своими словами скажет, как дальше поведет себя!

Быстро повернулся Сережа на голос и сказал:

— Говорил я словами брата, правда, но теперь это мои слова!

— Я считаю, что Тюленин достоин того, чтобы быть принятым в ряды великой комсомольской семьи.

Не выдержал кто-то хлопнул, еще кое-где хлопки... Сережа зарделся, смущенно улыбнулся и... с этой улыбкой пошел на место. Но не рано ли? Из среды собравшихся послышался вопрос, которого я больше всего боялась, так как он затрагивал не совсем удобную тему.

— Пусть расскажет о поведении на уроках немецкого языка.

Да, трудно рассказать. Задающий вопрос, видимо, имел в виду инцидент с учительницей немецкого языка Гернер. Как-то Тюленин, сославшись на нездоровье, сказал ей, что плохо себя чувствует и не готов к уроку. Она, не взглянув на него, ответила: «Как вы себя чувствуете — мне все равно. За невыученный урок я вам поставлю двойку».

Сергей вспыхнул.

— Пожалуйста, ставьте хоть единицу, так как я урока — таки не знаю.

Один случай, второй. Гернер возненавидела мальчишку. А он ей, кажется, платил тем же. Она одевалась слишком изысканно, чего бы и не следовало делать, направляясь на урок. И вот однажды с ее плеча соскольз-

знула лиса. Почти тотчас же по классу загуляла карикатура с надписью: «Ушла лиса». А Сергей хорошо рисовал, молодец! Лидия Петровна Гернер обнаружила эту карикатуру и вовсе разгневалась. Потребовалось вмешательство педколлектива. Мы не оправдывали мальчика, но советовали и учительнице отнестись к нему с большей серьезностью. «Пусть он почувствует, что вы к нему относитесь беспристрастно»,— говорили мы Гернер. Может быть это странно, но нам приходилось убеждать педагога именно в этом.

Я взялась поговорить с Сережей.

— Не люблю я немецкого языка, не хочу и учить его. А тут еще эта Лидия Петровна...— говорил он, отворачиваясь.

Положение создалось неприятное. Обычно сговорчивый Сергей не соглашался ни с какими доводами. На другой же день произошел невероятный случай. Гернер, разъяренная, ворвалась в учительскую и объявила, что в нее запустили на уроке трехкопеечной монетой.

— Как вы думаете,— спросил директор,— кто мог бросить в вас деньги?

— Тюленин! Я в этом глубоко убеждена. Он на прошлом уроке бросил через трубочку жеваную бумагу, хоть и отказывался от этого, теперь бросил деньги. Вот она! — и она бросила на стол монету.

Плохим запахло для Сережи. Хотя улик и не было, но я и сама была склонна думать, что бросил Сережа. Решили мы после уроков побеседовать с классом, «позондировать» почву. На внеочередном классном собрании мы говорили, что сознательно или случайно в голову учительницы полетела монета, которая не сама, конечно, это сделала, а направлялась чьей-то рукой, пока еще не поздно, нужно сознаться в этом и постараться мирно разрешить создавшийся конфликт. Я исподволь наблюдала за Сережей: его сугубо равнодушный вид не внушал доверия. Ребята молчали. То ли они, действительно, не знали, кто это сделал, то ли решили не ввязываться в эту историю. Как мы ни бились, виновных не удалось открыть.

Во всей этой истории учительница вела себя недостойным образом: она излишне суетилась, подговаривала против Тюленина ребят. Это, а главное — плохие успехи в преподавании привели директора к выводу, что с Гер-

нер надо распрощаться. И когда Лидия Петровна ушла, Сережа сказал мне «по секрету», что монету в нее бросал не он.

Обвинять сейчас, на собрании, Сергея в том, что он нахулиганил на уроке — не было оснований. Обсуждать поведение ушедшей из школы учительницы — тоже не следовало. Но уж если речь зашла, Сергей решил объясниться.

— Я хорошо понимаю,— сказал он,— что в таких взаимоотношениях с учителем быть нельзя. Но я постараюсь здесь рассказать о том, как я понимаю это дело. А там судите меня, как хотите! — Сережа помолчал.— Я считаю, что в школу я прихожу учиться, но я не машина, не автомат. Я только человек,— ребята заулыбались.— А как же я иначе себя назову? — уже горячась говорил Сережа. Брови его сдвинулись и на бледном лице они выделялись точно нарисованные. Глаза смотрели особенно остро. В них точно прыгали искорки. Сам он как будто приготовился к прыжку.

— Не кошка же я? — продолжал он.— Учитель, а в данном случае Лидия Петровна, пришла учить нас. Ей хочется, чтоб мы поняли, чему она нас учит, а нам тоже хочется понять то, чему она учит. Но как только Лидия Петровна входила в класс, так грубо и окликала кого-нибудь. Она часто говорила нам: «Вы неразумеющие скоты. Вам не понять простых вещей из немецкого языка...» Самый тон, визгливый голос, смысл слов раздражали меня. Мне и хотелось сделать что-нибудь такое, что бы еще больше вывело ее из себя. Почему так нетерпимо относилась она к нам? Себя она считает чистокровной немкой, человеком, а я, значит, в ее понятии русская свинья...

Чувства не обманывали Сережу. Он говорил от души, то, о чем думал, не таясь, откровенно. Консультации педагогов не потребовались. Вопрос о поведении Тюленина на уроках учительницы Гернер отпал.

Сергея Тюленина единогласно приняли в комсомол.

Но значат ли все эти мои рассказы о порядке и организованности комсомольцев на собрании, что они были абсолютно выдержанными, мудрыми и дисциплинированными? А шалости, а игры, а традиционные набеги на са-

ды и бахчи, через которые редко кто не проходил в годы детства и юности? Куда же скрывать правду? Было.

Кому-то из ребят пришла идея пробраться в колхозный фруктовый сад и сделать набег на яблоки белый налив. Отправились. Собралось человек пять. По дороге встретили Сережу.

— А, братва, куда держите путь?

— Пойдем с нами! — пригласили Сережу.

Компания заинтересовала его, и он примкнул к ней.

— Идем по яблоки,— уже на пути сказали ребята.

— А куда?

— В колхоз «Пятилетка».

Прошло некоторое время. Наконец раздался громкий голос опомнившегося Сережи:

— Стоп, ребята! Ведь это у себя воровать, да и сторожа дядю Тихона не хочется подводить. Такое дело не годится.

Ребята загалдели — не переубедишь. Что ж, оставалось направить «губительную силу» по другому пути.

— Пойдемте лучше к Маркину за абрикосами. Сидит, небось, в саду, дрожит, чтобы кто не сорвал абрикосину. Маркин в колхоз — ни гу-гу! Не идет работать! Невестка справку взяла, что ребенок нуждается в уходе. Бабка — домохозяйка. Вот и выходит — некому работать...— убеждал Сережа.

Ребята внимательно слушали. Кое-кто высказывал свое неудовольствие, требовал продолжать путь к саду колхоза. Но Сережа настаивал:

— Поворачивай, ребята! Да и разыграем же мы старого хрена!

На следующий день стали слышны разговоры о том, что у Маркиных оборвали абрикосы. Выследили, когда дед зашел в хату, накинули, приткнули дверь гвоздиком, закрыли ставни и орудовали, как им хотелось. Даже фонари пустили в ход, собирая абрикосы.

Я как-то мимоходом спросила у Сережи:

— Вы что ж, скоро будете квартиры обирать? Даже с фонарями пошли на промысел?

Улыбнулся Сережа, лукаво блеснули у него глаза.

— А вы спросите у Сечи, сколько ему досталось абрикос? — и он хлопнул по плечу Сечкова.

— Мы, Анна Дмитриевна, наскочили на других «промысливцев», что тоже пришли попробовать абрикосы де-

да. Ну, правду сказать, деда прикрыли мы... Несли сторожевую службу тоже мы, а абрикосы забрали они. Витьке не попало нисколько...— Сережа захохотал.

Я давно уже не являлась классным руководителем у ребят, работала только как «предметник», может потому так свободно говорили они о своих секретах в моем присутствии.

Я пыталась разобрать этот поступок и показать всю его аморальность.

— Что ж такого страшного в том, что мы сорвали абрикосы у деда Маркина? Ведь мы его только освободили от забот. Теперь он пойдет в колхоз хоть упряжь починять. А то молодежь на уборке, а он абрикосы считает, да на базар таскает. Ведь он их на штуки продает. «Десяток — рубль». А где ж нам-то рублей набраться! Ну, мы и вышли из положения. Нет, Анна Дмитриевна, оно это, может, и нехорошо, как поступок, но к деду Маркину подходит. У него можно взять. Я вот чувствую это, а сказать, доказать, чтоб вы меня поняли,— не могу... Нет, а все-таки у таких, как Маркин, можно брать,— закончил Сережа уже с веселой улыбкой на лице.

Философия, как говорится, доморощенная. Пришлось, конечно, комсомольцам обсуждать вопрос «об освобождении насильственным путем деда Маркина от собственности», и виновники получили по заслугам.

Но Сережа все не унимался. Он никак не мог понять, что же это ребята сделали плохого.

Была большая перемена. Сережа подошел ко мне и предложил «посекретничать». Я дежурила по школе и, в силу обязанности, заглянула в соседний класс. Сережа быстро просмотрел остальные классы нижнего этажа.

— Везде благополучно,—объявил он.— Форточки открыты, дежурные на своих местах... А я, Анна Дмитриевна, хотел вот что вам сказать, или спросить — и сам не знаю...

Сережа шел теперь рядом со мной. Ребята разбежались, и мы остались вдвоем. Я села, чтобы удобнее было наблюдать мальчика.

— У Анатолия Ковалева сейчас лежит больная мать, они-то живут почти рядом со мной. Отец «проштрафился» и оказался без работы. Доктор говорит: «Питание самое разнообразное». А где его взять? Компоту просит,

а его не на что купить. Так и при таком положении нельзя у деда взять по-вашему?

Я улыбнулась.

— А ведь ты сам, Сережа, не уверен в своей правоте. Вот почему и ищешь себе оправдания. Сознайся, что это так!

Подумал он немного, посмотрел на меня, вздохнул.

— Да, не все тут еще ясно для меня. Эх, и жизнь! Какая это сложная штука! Ведь всего, что люди сделали, ну, открыли, приобрели, что уже известно, не изучишь и за всю жизнь. Я вот, Анна Дмитриевна,— в раздумьи говорил он,— теперь стал читать книги. Я и раньше-то их читал, но не так. Я раньше выбирал — то услышу немножко от ребят содержание, то иллюстрация понравится... А теперь прямо «глотаю» книжки и все удивляюсь, почему я раньше не любил читать.

— А все-таки из прочитанного что-нибудь тебе больше нравится, а кое-что и меньше. Так ведь? Ну-ка подумай!

— Если мне предложить что-нибудь из военной жизни и приключенческую литературу, то я, конечно, отдам предпочтение первой. Это со мной не так давно стало.

Я смотрела на Сережу и думала: вот он тот перелом, о котором мы часто говорили. Признаюсь в грехе, мне тоже не жалко стало абрикос деда Маркина. Ведь может быть с них начались какие-то глубокие раздумья мальчика. Может быть...

Лучшие комсомольцы были вожатыми пионерских отрядов. Нина Минаева, Оля Иванцова и другие были вожатыми различных классов-отрядов. В 6 «А» классе вожатой была Оля Иванцова (училась она тогда в 9 классе). Как-то, зайдя ко мне в кабинет, она попросила помочь ей составить план работы с пионерами. Я обратила тогда внимание на следующее: ей нужно было не только записать перечень вопросов, которые следует проработать, но особенно она интересовалась тем, как надо построить беседу. Несколько раз она потом обращалась ко мне, а скоро сказались и результаты ее работы. Класс выделился по успеваемости и дисциплине.

Как-то после уроков, когда уже шла кружковая, внешкольная работа, к нам в класс пришел заведующий РОНО Н. А. Израецкий. Не помню начала нашего разговора, хорошо помню только его финальную часть:

— Ну, в каком месте, вот так экспромтом, мы могли бы наблюдать работу высокого воспитательного значения,— говорил Израецкий.

Я вспомнила Олю, как она приходила ко мне за советом, и предложила пойти в ее отряд. Пришли мы очень удачно: разбирался конфликт, который создался среди учащихся. Головков Коля из-за чего-то поссорился с Симой Клепиковой. Сторону Симы приняли ее две подружки. Коля, затаив обиду, решил расправиться «с девчонками». Подготовив группу ребят с улицы, он во главе такой ватаги явился к городскому клубу им. Ленина, куда пришла и Сима с подружками. Агрессивные действия «шайки» ничего не сулили хорошего, но то, что произошло, все-таки выходило за пределы возможного. Подойдя к Симе, один из хулиганов ударил ее по щеке со словами:

— Это тебе за Николая!

Слезы брызнули из глаз Симы. Мало того, что удар вызвал физическую боль, но еще страшнее было то, что это происходило на глазах сверстников и поэтому казалось еще больнее. «Друзьям» еще удалось ударить палкой подружку Симы и только вмешательство одного из рабочих, взявшего под свое покровительство девочек, избавило их от дальнейшей расправы. Обливаясь слезами, двое из них (Сима с подружкой) направились к Оле и поведали ей о своем горе. Подробно расспросив девочек, Оля пошла на следующий день к Коле. Кроме того, она теперь каждый день ходила к клубу, хорошо зная, кто является там завсегдатаем, кто как ведет себя. Во второй раз она побеседовала с Колей. Вскоре она пришла в клуб с Симой и ее подружкой. Услышав громкие выкрики «друзей», она подозвала Колю и предложила умерить пыл своих «друзей», а затем, договорившись с контролером, не пустила их в зал и они принуждены были уйти.

На том сборе, на который мы попали, и стоял вопрос о поведении Коли Головкова как пионера. Коля стоял у доски. Видно, за свое поведение его заставили отчитываться.

— Вы теперь, ребята, хорошо поняли, в чем виноват Коля? Он пионер, он член нашего коллектива позволил поступок, который позорит его и как пионера и как школьника, как члена нашего коллектива. Вот он здесь рассказал нам о том, что сделал и как сделал. Он даже рассказал нам и то, почему это сделал. Теперь за нами очередь. Мы должны сказать ему о своем мнении, поставить перед ним требования и... заставить его их выполнять, если он хочет остаться нашим товарищем. Я повторю те предложения, которые записала вот здесь, когда вы высказывались. Первое — Коля должен порвать дружбу со своими друзьями улицы. Да не на словах, а на деле. Да не так, чтобы мы еще раз вот здесь занимались его поведением. Второе — помириться с девочками, да не для вида, а на самом деле. Взять их под свое покровительство. И даже если кто вздумает их обидеть, то теперь Коля должен выступать в роли защитника. В добавление поставим перед ним такую задачу: он должен в течение месяца прочитать четыре книги — мы скажем какие. Он много пропустил дорогого времени и не прочитал даже рекомендованной словесником литературы.

— Кто еще выскажется по внесенным предложениям?

Общее молчание.

— Неужели, ребята, вас стесняет присутствие наших гостей? Ты, Лида, хочешь сказать? Так и должно быть. Ведь Коля из твоего звена и за его поведение до некоторой степени отвечает и звено.

Ребята перешли уже ко второму вопросу, а заведующий РОНО все сидел за партой, что-то записывая и не обращая внимания на мои знаки. Я вышла. В учительской уже никого не было. Целых полчаса прошло, пока он появился и на мой прямо поставленный вопрос так же прямо отвечал:

— А из Иванцовой будет хороший организатор, хороший работник. Главное — она любит школу, живет ее интересами, а это и решает все, словом, дело воспитания наших пионеров в надежных руках.

Были случаи неприятные, нехорошие, но с ними учились бороться и комсомольцы, и пионеры, и вожатые — все сообща, стараясь извлекать для себя должные уроки.

ЮНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Кому не помнятся стенные газеты своей родной школы? У нас они тоже были, как и везде, у нас им отводилась большая роль в воспитании и общешкольной жизни. Мы выпускали не только общешкольные газеты, но и по 5—10 классам и по 1—4 классам — отдельно. Это влекло за собой немало хлопот. Но никто из педагогов, несмотря на то, что он в какой-то мере отвечал за выпуск стенгазет, не брался за написание заметок, а тем более, не подменял редколлегию. В классах составлялись юнкоровские группы, около которых тесным кольцом стояли «болельщики», которые, собственно, и выполняли роль связных и некоторого общественного контроля, ибо от наблюдательных глаз ребят ничего не ускользало. Приходилось,— и не раз! — нашей редколлегии класса писать и рисовать карикатуры... на себя.

Увы, это было не совсем приятно. Клыго Борис, будучи редактором нашей стенгазеты, наконец, взмолился.

— Что ж это такое, каждый номер мне приходится писать и в каждом номере рисовать себя! Если я так нехорош, то меня нужно убрать, а то ведь безобразие! Одно шаржи, да шаржи...

Некоторые могут в связи с этим сделать замечание: а зачем-де привлекать к выпуску стенгазет учеников, подобных Клыге? Но будет ли это уместным в отношении ученического коллектива, который затеял выпуск стенгазет, чтобы жить лучше, содержательнее и укреплять самодисциплину?

Мы внимательно отнеслись к обиде Бориса и решили поговорить о ней на расширенном собрании юнкоров. И вынесли решение, которое было программой действий для очень многих и, прежде всего, для Клыго. Газета воспитывает. Чем шире актив работающих в ней, тем лучше; она должна носить строго выдержанный характер (ничего шельмующего, позорящего учащегося). Одна из приемлемых форм — юмор, с известной долей сарказма, клеймящего теневые стороны нашей школьной и общественной жизни; критиковать, невзирая на лица; нежелающий часто попадать в стенгазеты должен держать себя соответствующим образом; обеспечить полную тайну подачи заметок...

Вот пока мы пришли к этому последнему пункту, у нас были частые конфликты, обиды на тех, кто писал в газету. Смотришь, дружки, которых, по нашему выражению, и «водой не разольешь» — рассе-лись.

— Почему? — спрашиваем.

— Да из-за заметки в газету.

Порешили, что заметки принимаю я, а на рассмотрение комиссии (редколлегии) они попадают только переписанными в тетрадь. Прибавилось мне работы, но абсолютная тайна теперь была сохранена. Это внесло большое оживление в работу. По тому, как меня начинали «ловить», желая встретиться наедине, я видела, что имеется материал, который хотят передать, и шла навстречу желаниям юнкоров.

Любили ребята заниматься оформлением газеты. Официальный тон отсутствовал, преобладали разговоры на «свободные темы», как говорили учащиеся. Часто ребята высказывали свое мнение по работе того или иного учителя, и я пришла к выводу, что нам, учителям, не мешает знать, что думают о нас ученики. Это ведь самый внимательный наблюдатель, который подметит не только то, во что вы одеты, как повернулись, что сказали и т. д. Он изучит свойства вашего характера. Учащиеся особенно ценят знания, удачу, энтузиазм в работе учителя. За таким учителем ребята пойдут без оглядки. И то мнение, что уважают учителей мягких, добрых, ласковых — является ошибочным. Самый требовательный, но хорошо знающий предмет, справедливый учитель, будет и наиболее уважаемым и наиболее популярным.

Но эти мнения учеников, пусть они даже высказывались юнкорами, конечно, не попадали в стенгазету. Они доставляли или радость или ни с чем не сравнимые огорчения одним лишь учителям.

О росте юнкоров в школе заботились. Появлялись даже популярные «фельетонисты» и «карикатуристы». Некоторые пробовали свое перо и посылали заметки в «Пионерскую правду». Трудно припомнить сейчас, спустя много лет, кому посчастливилось попасть на страницы «большой газеты». Но успехи отдельных юнкоров вспоминаются. Вот успехи того самого Бориса

Клыго я хорошо помню. Рисунками его любовались все ученики. Борис говорил:

— У меня юмор, у Вали Будасовой художественное чутье — вот мы и создаем стенгазету.

С Клыго мы были дружны, сработались, как говорят. Приехали как-то из Ворошиловграда артисты. Смотрели мы «Большую семью». И сама пьеса и игра артистов были новыми для нас. Спектакль окончился (он был дневной). Собрались группы идти домой. К одной из них пристроилась и я. Пошли. Вдруг нас ускоренными шагами догоняет Борис.

— Немного задержался,— сказал он.— Бегал на сцену смотреть, как это у них на декорациях все такое, словно бы самая жизнь... В стенгазете бы так,— закончил он со вздохом.

Борис был предан своему юнкоровскому делу. Он не только рисовал, но и писал стихи для своей любимой стенгазеты. Стихи ребячьи, но впечатление они производили достаточно глубокое на учащихся. Вот его «былинный стих», сохранившийся у одной его соклассницы Раи Стасюк:

Уж как старый-то год переставился,
Расписания израсходовав.
Пришагал к нам, усмехаючись,
Поспешаючи, годик новенький.
У того у года нового
Во кошелке с лыка сплетенной
Много счастия принесено
Всем людям без исключения.
Из того, из счастья общего,
И тебе чуток достанется.
Мне ж, сказателю нескладному,
Пожелать добра останется,
Чтобы сам на себя, детинушка,
Не писал-рисовал карикатуришки,
А писал-рисовал картинки бравые...

Шутил, всегда шутил Борис, хороший, способный паренек, один из самых популярных школьных юнкоров. Но он умел быть и серьезным. Это знали все.

КНИГОЧЕИ

Пробовали свои силы в поэзии и даже прозе и другие ребята. Как обычно, желание писать появляется после прочтения какой-нибудь впечатляющей книги. А желание читать мы старались удовлетворить возможно полнее. У нас была по тем временам хорошая библиотека. Ее посещали почти все. Придет этакий вихрастый паренек и стоит, как завороженный, разглядывая книжные полки. Заведующая библиотекой проницательная Елена Ивановна приходила на помощь.

— Что тебе?

— Мне ту, что Ваня читал...

Получал он ту книгу, что читал Ваня и о которой, наверное, рассказывал ему. А в другой раз уже держался смелее: знания его расширялись, вкусы менялись.

Но не у всех шло так гладко. Были такие, которые подчинялись «моде», брали на время книжечку, а читать — не читали. Как вот Ким Иванцов, например...

— Ким, ты еще не прочитал свою книжку?

— Немножко не кончил... Но я могу просмотреть и принести...

— А какая у тебя книжка?

— «Дерсу Узала».

— А автор кто?

— Я не посмотрел!

— А ты давно берешь книжки?

— Не-е, взял только первый раз. Все как-то некогда было читать — то уроки, а то хочется погулять. Да мало ли чего...

— А ты знаешь, что Елена Ивановна еще и беседует по прочитанному. Еще и посмотрит, как ты сделал запись.

— Какую запись?

— А ведь ты должен в блокнот или тетрадку записать фамилию автора, название книги и что тебе в ней особенно понравилось.

— Вот еще! Сколько возни! Не захочешь и читать! Скажу — не знал, что так надо.

— А знаешь ли ты, в какой день меняют книги вашему классу?

— Нет.

— Ну, это и совсем плохо. А книга у тебя очень интересная. Автор ее Арсеньев. И знаешь, что меня в ней особенно интересует? Арсеньев, говорят, пишет о том, что в обследуемых им местах китайцы и удегейцы едят лишайники, как-то их там готовят, ловят водоросли и тоже употребляют их в пищу. Ведь об этом шла речь на уроках естествознания. Но как-то не представляешь себе этого ясно. А у Арсеньева, говорят, очень хорошо описано... А следопыт Дерсу? Вот бы так научиться — хорошо бы было. Поехал бы в тайгу, и все — как на ладони.

Ким смущенно улыбался. Ему не хотелось признаться, что он читал книжку урывками — абзацами, часто думая о другом, и многие подробности, интересные детали, ускользнули от его внимания. Ким читал, чтоб только сказать, что и он читает, да от Нинки отвязаться...

Но теперь он задумался, постоял немного, а потом скорее поспешил домой. Книгу он прочел, пришел за другой, да со временем пристрастился к чтению так, что впал в другую крайность: стал читать книжки за счет подготовки уроков, и только вмешательство сестры и матери спасло его от грозно и неумолимо наступающих двоек.

Елена Ивановна всегда знала, что кому необходимо, и предупреждала желания учащихся. Знала, например, Елена Ивановна, что сегодня восьмой класс меняет книги. К приходу восьмиклассников необходимо собрать нужный материал, и она собирала его. Малейшая небрежность с возвращением книги, или что другое всегда фиксировалось Еленой Ивановной. И не скоро она станет доверять тому, кто с нехорошей стороны проявил себя при обмене книг. На получение редкой книги, нового экземпляра, появившегося в библиотеке, иной раз создавалась запись — очередь. Можно быть уверенным, что Елена Ивановна вспомнит вам все грешки: и не вовремя сданную книгу и небрежное с ней обращение. Бывало и так, что в первую голову книжку получал тот, чья фамилия стояла в конце списка. Но это случалось всегда по справедливости. Ребята никогда не обижались на такое придирчивое отношение Елены Ивановны к ним. Они знали, что только честное, правдивое поведение во взаимоотношениях со строгим

библиотекарем позволит пользоваться теми книгами, которые особенно хочется получить. Казалось, такие порядки таили в себе возможность предубежденности. Однако никто из педагогов не протестовал против них: Елена Ивановна по-своему и с увлечением прививала детям любовь к книге.

Сережа всегда старался получить что-нибудь из военной жизни. Прочитав, он будет ходить, выискивая, кто еще читал ее, чтоб можно было поделиться мнением, поспорить о поведении героев. Если нужна была биографическая справка о М. В. Фрунзе, С. М. Кирове, Г. К. Орджоникидзе, ее давал Сережа, и никем она не оспаривалась. Описания жизни Чапаева, Пархоменко, Щорса основательно прорабатывались Сережей и этим материалом он владел в совершенстве.

Если являлся Володя Осьмухин, этому были приготовлены книги с техническим уклоном. Толя Орлов требовал книги высокого эмоционального характера. Лесик Воробьевский — приключенческое. Люба Шевцова требовала журнал «Спорт», «Затейник» и другие, где можно почитать волнующие рассказы о спортсменах или путешественниках.

Исторические романы шли тогда нарасхват. Только заботливое внимание библиотекаря к запросам учащихся позволяло сколько-нибудь удовлетворять спрос ребят на эти книги.

Была в школе и читальня, посещать которую было удовольствием не только для учащихся, но и учителей.

Как была оформлена эта комната? Посредине стоял длинный стол, покрытый зеленой материей (по типу письменных столов). В одном конце, в образцовом порядке лежали газеты, серьезные научные журналы — в другом. В стороне стояли небольшие столики, на которых можно было встретить юмористические журналы «Крокодил» и «Перец». Вот стол, этикетка которого гласит, что здесь решаются ребусы, загадки, шарады и кроссворды.

Обращала на себя внимание стенная газета с шаржами на злобу дня. Вот нарисована фигура девочки, делающей головокружительный физкультурный номер. Продолжение на втором рисунке — Люба Шевцова лежит с перевязанной головой, а около нее хлопочет доктор в белом халате. Внизу лаконичная надпись: «До-

прыгалась». На следующем рисунке — кровать. У кровати стоит девочка в украинском костюме и с тревогой спрашивает: «А как же теперь наше выступление?»

Следующий рисунок представляет спортсменов — ребят, из которых один чем-то далеким напоминает Сергея Тюленина. Безапелляционно он изрекает: «Отвага, смелость, храбрость, честность — вот что характеризует нашего комсомольца, что должно быть присуще нашему учащемуся».

Завидная тишина стоит в читальне, несмотря на то, что народа достаточно. Дежурные учащиеся, с соответствующими повязками, снуют между столами, останавливаются около той или иной группы. Торопливо входят две девушки, обращаясь к дежурной, они спрашивают: не начал ли свою работу литературный кружок? Получив ответ, девушки исчезают в соседней комнате...

Что же это за соседняя комната? Она очень маленькая и полным-полна народа. Посредине стоит стол, около которого особенно густо. Здесь лежит рукописный журнал с названием «Пчелка». Очередная статья закончена. И жалить, и будить, и бодрить — вот направление журнала. Клеймить недостатки, а всякое новое дело, если это нужно, отражать в печати. Девятые и десятые классы работают совместно. Так же работают и литераторы этих классов. Вот группка, в центре которой стоит Нина Минаева и с непередаваемой мимикой читает монолог Гамлета. Ребята внимательно слушают, не спуская глаз с Нины. «Нина воплотилась»,— шепчут ребята. Тембр голоса, тон, каким говорит Нина, жесты и мимика — все это сливается в одно гармоническое целое, которое производит настолько сильное впечатление, что литераторы оставляют свою «Пчелку» и невольно прислушиваются.

Чуть приоткрывается дверь в комнату, назначение которой трудно определить. По мыслям архитектора это, видимо, комната для швейцара, ибо она — у самой двери и размеры ее исключительно малы. Один стол с несколькими стульями вокруг — вот и все, что можно тут поместить. Ребята приспособили эту комнату для занятий кружков на тот случай, если бывали дни, когда занимались два кружка одновременно. Вот в ней собрались ребята преимущественно старших классов. В центре этой группы стоит высокий паренек, чуть сутуля

плечи, в белоснежной, хорошо отглаженной рубашке, с темным галстуком в горошек. Непокорные волосы то и дело падают на лоб, и резким движением головы он отбрасывает их назад, поправляя время от времени очки. Это Ваня Земнухов, наш философ, человек, который должен уметь ответить на все предлагаемые ему вопросы. В глазах у Вани перебегают искорки. Видно, что поставленные вопросы развлекают его своей наивностью, но, взяв себя в руки, он, обращаясь к товарищу по классу Иннокентию Тарасенко, говорит:

— Своими поступками надо уметь управлять. Не поступки тобой, понимаешь, а ты поступками. Вот ты слаб здоровьем, а куришь, как, пожалуй, не курит и заядлый трубокур. Значит, нет силы воли, нет характера бросить это пагубное для тебя занятие. А ты попробуй, начни с маленького и переломи себя. Добейся того, чтобы ты выполнил поставленную перед собой задачу, и, поверь, ты по-другому себя почувствуешь. А чего стоит моральное удовлетворение, когда ты становишься хозяином своих деяний, когда стихийности нет больше места! Но чтобы всерьез взяться за это, необходимо хоть раз в сутки подытоживать свои поступки, если уж не сможешь этого делать тотчас же. Правда ведь, товарищи,— обращаясь к ребятам говорит Ваня,— что иногда не знаешь заранее, как поступишь в том или другом случае, а — как придется. А вот это-то «как придется», всегда ли соответствует тем целям, которые поставлены тобой? Вот ты и проверь. Если нет — исправь. За всякую цену, самолюбие, гордость — побори все, и исправь. Это трудно только в первый раз, а там пойдет легче,— глаза Вани переходят с одного лица на другое, а стоят вокруг все знакомые лица.

— Вот Виктор Назаревич толкнул сегодня Раю Безбожную так, что у той из глаз брызнули слезы. Но наш герой даже не извинился, считая поступок вполне законным, допустимым в нашей ученической среде,— на лицах ребят появляются чуть заметные улыбки.— И вот первое, на что нам всем надо обратить внимание — это культура нашего поведения. Тебе, Сергей, тоже нужно на это обратить внимание! Ты тоже часто выходишь из нормы.

— А скажи, Ваня, неужели я должен подставлять другую щеку, если бьют по первой?

— О, нет, ты меня не совсем так понял. Запомни, Сережа, терять свое человеческое достоинство нельзя ни при каких условиях. Но никогда не делай другим того, чего не хотел бы ты получить сам. Я говорю о необоснованной обиде. Это правило. А ведь, дружок, ты его часто нарушаешь,— и рука Вани опустилась на плечо Сергея.— Надеюсь, ты понял меня, Сережа, и не обидишься за нравоучения.

Попадая сюда, невольно думаешь: вот лаборатория, в которой получается нужный продукт! Вот место, где выковываются характеры, настойчивость, воля, где прививается чувство высокого советского патриотизма.

Тут же за столом любители шашек. Леонид Мороз первый раз в жизни проиграл свою партию и оправдывается тем, что-де он «работал на два фронта»: не мог вполне сосредоточиться потому, что слушал рассуждения Вани Земнухова.

ВАНЯ ЗЕМНУХОВ

Я, кажется, о нем упоминаю впервые. Следующие главы я построю на рассказах об отдельных учениках. Но сейчас хочется немножко рассказать о Ване. Он учился в школе № 1 им. Горького и пришел к нам в школу им. Ворошилова в конце второй четверти. Сел он за парту после разговора с завучем. Я знала через ребят, что Ваня пишет, что он в своей среде носит клички «поэт», «философ», «профессор». Добродушно переносит эти клички и только иногда призывает к порядку особенно зарвавшегося. Со слов ребят я знала о дружбе Вани с одной учащейся нашей школы — Клавой Ковалевой. Как только я его увидела, сейчас же поставила перед собой вопрос: почему Ваня перешел в нашу школу? Ответить на него я не могла.

Самой большой была комната десятого класса и, конечно, ребята ее использовали, чтобы иногда устраивать танцы. Отметила я, что Клава с тех пор, как появился Ваня Земнухов, перестала заходить в нашу комнату, а ребята назойливо лезли к Ванюше, предлагая научить танцевать. Заметила я и другое. Тоже новый для нашей школы ученик Петя В., как-то особенно напряженно держится в присутствии Вани Земнухова.

Реплики так и летят из уст Пети и часто, видимо, попадают в цель. Встряхнет своим чубом Ванюша, иной раз медленно поправит очки и дает ответ, от которого так и завертится Петя. Переглянутся присутствующие ребята. Иногда «хмыкнет» кое-кто, и делу конец.

Ваня Земнухов жил почти рядом с нашей школой, а поэтому переход его к нам никого не удивил. Но я чувствовала, что не это руководило поступками Ванюши и не случайно так нервничает Петя В. Узнала, что как-то на вечере Петя сказал о том, что ему нравится Клава, ее склад мыслей, манера держаться, даже танцует она не так, как другие.

Оказалось кто-то из учащихся пошутил над Ваней, сказал, что Клаву у него «отобьют», пока он там будет в школе Горького. И вот Ваня явился в школу им. Ворошилова. «Дуэль» продолжалась около месяца. Я не могла следить за всеми ее перипетиями, но была уже твердо убеждена, что мои предположения верны. Я видела, что Ваня «доканчивает» Петю, что тот даже похудел, отбиваясь, и лишь изредка позволял себе «нападать», но делал это заметно реже и не всегда удачно. Более широкий кругозор, начитанность, такт, выдержка, сила воли, конечно, взяли перевес. Видно было, что «война» кончилась. Победителем был Ваня.

На него мы возлагали большие надежды. Он-де будет работать в классной стенной газете, выступать с докладами и т. д. Велико же было наше разочарование, когда в конце четвертой недели Ваня в школе не появился, а потом мне сообщили, что он вернулся в школу Горького, в привычную обстановку, где он уже пользовался авторитетом, где его знали и ценили не только ученики, но и учителя. Я стала ждать, что от нас теперь уйдет Клава Ковалева, чего, однако, не случилось.

Клаву я знала меньше, чем других учащихся своего прикрепленного класса потому, что в девятом классе я работала только, как «предметник». Это была среднего роста со слегка вьющимися темными волосами, чистым лицом и большими карими глазами девушка. Легкий дефект одного из глаз (отклонение зрачка) заставлял Клаву опускать часто глаза, наверное из желания скрыть недостаток, хотя он никак не портил приятного впечатления, которое производила Клава своею внешностью. Дочь обеспеченных родителей, Клава заметно,

отлично одевалась. Как ученица она была «твердая посредственница». Она могла получить текущую оценку четыре и пять, но как-то не дорожила этой оценкой, хотя и училась в такое время, когда «соревнование», «процентомания» и все отсюда вытекающее держали в плену и учащихся и учителей.

Иной раз серьезно задумаешься над тем, во что же все-таки оценить ее ответ? Дело в том, что ответы она давала сжатые, хотя и строго обоснованные. Не было лишних слов, красноречивых описаний. Остов здания, скелет без мышц — вот, выражаясь грубо, что напоминали ее ответы. Сказать, что Клава обладала незначительным запасом слов — нельзя. Читала она много, но чувствовался особый склад мысли, своеобразие, которым отличалась эта девушка. Клава являлась активным членом литературного кружка, и мне думается, что не обошлось здесь без помощи Ванюши. Присматриваясь к Клаве после ухода Земнухова, я не заметила какого-нибудь изменения в ее поведении. Только стала она вновь заходить в комнату десятого класса, да иногда громче, свободнее стал слышен ее веселый голосок.

Так и остался для многих загадкой этот почти явный разрыв. Но о Ване я еще расскажу и, может быть, и этот случай прояснится.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ

НИНА МИНАЕВА

В Первомайском поселке, в школе № 6, что находилась от нас в двух километрах пути, была семилетка. Из ее выпускного класса к нам пришли человек пятнадцать учащихся. Это увеличило наши восьмые классы, доведя состав их до 40 учеников в каждом. Мы уже стали поговаривать о разукрупнении, но с течением времени вопрос этот сам собой уладился: почти половина этого состава отсеялась — то ли ушли в другие школы, то ли по другим каким причинам оставили школу. Зато оставшиеся почти все дошли до десятого класса.

В числе этих последних была и маленькая, беленькая девочка, с двумя косичками за плечами. Она была

старшей в семье, имела двух братьев, из которых последний был еще совсем крошка. Отец Нины полгода как поехал в Горловку (тогда рудник). Когда Нина перешла в нашу школу, семья не имела о нем никаких сведений. Видно было, что эта семейная трагедия чем-то сильно задевала девочку, но открыть свою тайну она не могла, мало зная, или не желая пускать постороннего в свой внутренний мирок.

Училась Нина в 8 классе хорошо. Больших способностей она не имела, но настойчивость в достижении поставленной цели чувствовалась. Нина дала обязательство (тогда процветало в школе соревнование) учиться «на хорошо» и, несмотря на то, что по некоторым предметам (математика) это ей было трудно, она работала прилежно и усидчиво, добиваясь усвоения материала «на хорошо». Такая настойчивость, честность в работе мне очень нравились.

Хорошисткой Нина окончила 8-й класс. На лето я посоветовала ей больше читать, особенно из программы материала 9 класса. Ей, как и всем учащимся, я рекомендовала делать записи из того, что особенно им нравилось в книге. Прошло лето. Явившись в девятый класс, Нина представила перечень прочитанной литературы с записью «того, что ей особенно понравилось». Меня это приятно удивило. Ее правдивость, такт, выдержка очень нравились. Чувствовалась большая сила воли у маленькой ростом девочки, а поэтому и товарищи-ребята с уважением и вниманием относились к ней. Ей они уступали дорогу, здоровались первыми. Словом, оказывали массу мелких услуг, показывая свое уважение.

В это время складывался, формировался ее характер. Из маленькой девочки за три года выросла девушка. Она невольно обращала на себя внимание не только внешностью и манерой держаться, но и внутренним содержанием, которое было заметным в глубоком взгляде и в подчеркнутой неторопливости, когда речь заходила о чем-либо серьезном.

Нина была веселой, жизнерадостной девушкой, увлекающейся театром, кино. Сама она хорошо проводила роли героинь Чехова и Островского. Помнится мне, она одно время увлекалась чтением речи Димитрова перед фашистским судом.

Это было уже в десятом классе, когда шел разбор доклада М. И. Калинина о коммунистической морали, коммунистической нравственности. Доклад делал Борис Клыго, с которым Нину связывала общность интересов. Он был и «писатель», и «артист»... Как-то Нина, уже после разбора доклада, сидя у меня в кабинете, в процессе разговора, сказала:

— Если бы мне пришлось выступать перед фашистским судом, я постаралась бы поступить так, как Димитров. Правда, я маленькая сошка и, конечно, не смогла бы сделать всего того, что сделал он, но ведь и спрос-то с меня был бы не тот. Я никак не могу согласиться, что вот нельзя доказать чего-нибудь! Нужно только напрячь все силы своей души и можно убедить людей,— горячо, с особенной страстностью в голосе говорила Нина.

Не думали мы тогда, что не перед фашистским судом, а без суда Нине придется умереть от руки палача...

К своим обязанностям ученика, комсомольца она была исключительно требовательна. Мне помнятся ее слова:

— В наше время нельзя быть вне рядов комсомола! Это ведь может сделать только шкурник, да не советски настроенный человек. Мы же, деги Октября, должны быть все как один дольками этой многомиллионной семьи, что сейчас бок о бок с партией борется за построение социализма в нашей стране. У нас ведь каждый может найти себе место в жизни. У нас нет недостатка в примерах. Где еще в мире, в какой другой стране есть такие, как Павка Корчагин. Вот с него надо делать жизнь.

Мое внимание всегда захватывали ее суждения, их глубокая продуманность. Огульно, как у нас говорили, «с кондачка», она не подходила к людям и поэтому, особенно при приеме в комсомол, ее слово было решающим. Я не помню случая, чтобы она дала кому-нибудь отвод. Кандидатов она хорошо знала и уж заранее составляла свое мнение о них. Будьте уверены, что наша Нина вскроет все ваши недостатки, сделает им анализ так, что если это честный паренек или девушка, то урок ему надолго запомнится. Помнится мне, стоял вопрос о приеме Александра Краснянского, хлопца неуравновешенного, «с загибами», который то учился хорошо, то все забрасывал и уличался в таких поступках, которые даже

трудно было объяснить. Кто-то внес предложение: «воздержаться». Слово взяла Нина. Ребята притихли.

— Краснянский тянется к нам, пытался даже выправить свою успеваемость. Правда, мало что вышло из этого... Но если сейчас мы его оттолкнем — куда он пойдет? Мне не надо убеждать вас, что тогда получится. Мы Сашу тогда потеряем не только как ученика, а даже, может быть, и как человека. Отсутствие достаточной воли, характера — вот все это вместе взятое и поведет его не туда, куда нам нужно. Краснянского не только надо принять, но еще и помочь ему во многом, очень многом, и тогда только он станет настоящим человеком.

Не нашлось после этого ребят, которые бы выступили против, и Сашу Краснянского, вопреки «обычаю», приняли с двумя двойками. Много возились потом с ним, «воспитывали», но, кажется, все-таки, благодаря старанию ребят, их неустанной заботе, работе комсомольской организации в целом, Краснянский благополучно закончил 10 классов.

Своей обязанностью Нина считала быть вожатой отряда, и когда ей одно время пришлось быть секретарем, от обязанностей вожатой она не отказалась. Зато и ее третий класс был потом образцовым классом и по успеваемости, и по дисциплине, и по выполнению всякого рода внешкольной работы.

Нина была «врожденной актрисой», как говорили учащиеся. У нас в то время большой популярностью пользовался драматический кружок, которым руководила Анна Алексеевна, человек с хорошо развитым художественным вкусом. Анна Алексеевна часто болела и пропускала собрания кружка. Но кружок продолжал трудиться. Так было, например, когда готовили пьесу Островского «Без вины виноватые». Никак не удавалась кому-то из девочек роль. Не могла взять нужного тона и вот взмолилась:

— Нина, помоги...

Помедлила девочка, что-то как будто решая про себя, а потом так скромно сказала:

— А не подойдет ли вот так,— и дала именно то, что и нужно было для данного места.

— Отдельные места из различных пьес, в которых играли Борис Клыго и Нина Минаева, мы заставляли

повторять не потому, что они не удавались, а потому что хотелось крепче запечатлеть образы, которые воплощали наши соклассники,— говорили ребята.— Хотелось слушать еще и еще, хотелось смотреть на мимику их лиц, богатую красками, хотелось запомнить тонирование, переходы голоса.

Помнится, после постановки одной вещи, где Нина играла роль Анночки, как-то перестали называть Нину ее именем и за ней закрепилось имя «Анночки».

— Нина, прочитай монолог. Ну, что тебе стоит,— просили ребята.

Сколько удовольствия доставлял драматический кружок своими постановками, часто ставя на большую высоту школьную общественную работу. Только отсутствие специального зала останавливало нас от создания сцены в школе.

Кинофильмы, общие собрания — все это проходило в коридорах, которые, увы, по мысли архитектора, должны были заменять зал. Но был клуб шахты № 5, который редко использовался любителями и почти всегда отдавался в распоряжение ребят. Регулярно там ставились спектакли, делались доклады на самые различные темы. Здесь ставились пьесы Чехова, Островского, устраивались вечера вопросов и ответов. А об очередном таком вечере в клубе извещали хорошо оформленные объявления.

Готовились учащиеся, готовились и учителя к таким вечерам. Помнится, мы ставили и такие доклады: «Происхождение жизни на земле», «Мироздание» и др. Появились кое-какие средства для приобретения грима, париков и так далее, а в основном помогала изворотливость ребят, которой приходилось только поражаться. Особенно хорошо удавались вечера самодеятельности с инсценировками. Зал обычно не вмещал желающих посмотреть на сцене Клыго, Минаеву и других наших «артистов».

— Помнится мне,— говорила сразу после войны Рая, соклассница Нины,— как Борис Клыго и Нина Минаева, сидя на одной парте, рассматривали журнал «Советское искусство». Любимыми портретами, над которыми они долго сидели, были портреты Москвина, Качалова, Тарасовой, и вот теперь, когда мне, студентке Московского института, представляется возможность

хоть изредка видеть этих артистов на сцене МХАТ, я вспоминаю своих товарищей школьных лет Нину Минаеву и Бориса Клыго и думаю: как непередаваемо тяжело, что не дожили вы, милые друзья, до наших светлых и радостных дней. В глубоком шурфе Краснодона, в лесах Белоруссии вы отдали свои молодые жизни за счастье, за радость тех, кто в сердце своем навсегда сохранит о вас светлые воспоминания, как о людях, отдавших самое дорогое, что имели — жизнь.

В бумагах Нины Минаевой, опоганенных руками немецкого зверя, остался листок с едва различимыми строками стихотворения, которое Борис посвятил ей.

ВОЛОДЯ ОСЬМУХИН

Время шло. Ребята наши росли. Стали резче видны интересы, наклонности. Стали разборчивее они в дружбе. Появились группки, объединенные общностью интересов. Так появились у нас и техники-любители. В комнате под лесенкой было место, уголок, где складывал свои инструменты технический кружок. И часто можно было видеть, как Витя Мягков, Володя Осьмухин, Толя Орлов, Юрий Вициновский, Сережа Тюленин и другие с дружками, то стайкой, то в одиночку шныряли в дверь.

«СССР на стройке», «Техника молодежи», «Наука и жизнь» — вот журналы, которые тогда зачитывались до дыр.

Самым активным членом кружка юных техников был Володя Осьмухин. Когда Володя учился в девятом классе, он часто допоздна засиживался в школе за любимым занятием, в маленькой комнатушке под лесенкой. Уже все, бывало, разойдутся, а он вдруг выходит из своего убежища и просит сторожа деда Кацюбу, чтобы тот открыл ему дверь. Дед даже пугался его неожиданных появлений в такое время, а иногда утром шутливо докладывал директору:

— Я, ей богу, думал домовой. Часы показывали двенадцать — самое подходящее время для нечистой силы. Кто-то шуматит и шуматит в клетушке. Глядь, а то Володя Осьмухин со своей техникой. Ну, выпустил парня. Пошел уже поздно. Чудной...

Володя был самым авторитетным электротехником

во всей школе. Случалось погаснет свет, вызывают его с урока. Он что-то повертит, повертит, поправит, глядь — и снова светло. Ребята часто обращались к нему: «Осьмухин, а почему до сего времени света нет?».

Володя, среднего роста паренек, светловолосый, с темными глазами, подолгу стоял с ребятами, рассказывал им, отчего свет гаснет, затем занимался починкой, и свет снова появлялся.

Говорил он с придыханием, но эта особенность не вредила ему, а наоборот, придавала говору особенную мягкость. Его всегда приятно было слушать. Все, что имело какую-то связь с техникой, постоянно занимало Володю. Как-то в его классе разбиралась тема о связи советской науки с техникой. Он прислушивался ко всему с особенным вниманием, делал у себя заметки, а после урока подошел ко мне и сказал:

— Почему у меня так получается, я увлекаюсь вопросами техники, а остальные предметы еле терплю.

— А физику любишь? — спросила я.

Глаза у Володи блеснули, и он как-то особенно протянул:

— Ну, так это же физика! А вот зачем мне биология?

— Чтоб быть культурным человеком,— отвечала я.— Это ведь прикладная наука, расширяет кругозор узкого специалиста, каким ты хочешь быть.

Мы так толковали в продолжение всего перерыва между уроками. А со временем я заметила, что Володя крепко подумал над тем, что услышал от меня. Успеваемость у него стала ровнее. Но все же своих увлечений он не оставил. Задержавшись как-то в кабинете, я столкнулась с Володей, и мы пошли с ним вместе домой. Он предложил продолжать прерванный звонком разговор. С каким-то особенным вдохновением говорил Володя о том времени, когда он сможет, сидя у себя в комнате, не только слушать выступления артистов Московского Большого театра, но и видеть их на сцене. Володя говорил о технике будущего, рассказывал о прочитанных книгах. Я поразилась тогда, как много он читает. Когда он мог успеть? Мы уже подходили к его дому, когда мне изменило чувство такта. У Володи было горе. Отец, которого он очень любил и уважал, как старшего друга — тяжело заболел. Совершенно неожиданно для себя я спросила, как здоровье отца, хотя и знала сама об этом.

Он оборвал свою речь на полуслове, остановился, сгорбившись, потянулся рукой за сухой веткой, и глухо ответил:

— Хуже, видно, конец...

Ветка хрустнула в конвульсивно сжатом кулаке. Я тогда подумала, каким чистым, честным, хорошим человеком растет этот юноша.

Часто случалось, что из комнаты под лесенкой слышались взрывы смеха. То собралась теплая компания «техников», среди которых находился Сережа Тюленин. Он-то и смешил товарищей, рассказывая о своей очередной проделке.

— Пошли мы с Мишей за проволокой к его дяде в гараж. Того не оказалось на месте. Нас встретил зав, подозрительно так посмотрел на нас. Мне его «физия» не понравилась, и когда он, обернувшись, вновь смерил нас взглядом, я и сам не знаю как показал ему язык. Ну, тут и пошло. Нас, как «почетных» гостей, попросили уйти. Мне-то это ничего. Я распустил чуб, сдвинул кепку назад козырьком и стою зубы скалю, да еще «цвирикаю». А вот, если бы вы видели, что там было с Михаилом! Мне его просто стало жаль...

Ребята хохотали, живо представляя описанную сцену и поощряя рассказчика. Только в уголке, стараясь не особенно шуметь, что-то строгал Юрий Вициновский, будто не прислушиваясь к разговору.

— Слушай, Сережа,— откликнулся он наконец.— Сколько ты тут сказал лишнего, того, что возникло вот сейчас у тебя в голове?

Сережа на минуту сосредоточился на предложенном вопросе, а затем, с веселыми искорками в глазах, сказал:

— Ну, знаешь, Юрий, скучно ведь так жить на свете. Иной раз можно и поразвлечься! Ты думаешь, я уж такой «пустельга», что так-таки ни о чем и не думаю? А я, Юра, как ты там не смотри на меня, твердо решил быть летчиком. Потому ведь здесь и торчу. Хочу досконально изучить двигатели внутреннего сгорания. Да вот у меня дело не клеится с Г. П. Не доверяет он мне. Не верит он в то, что я серьезно хочу работать.

Не ладилось дело и у Юрия с учителем физики (этот же учитель вел технический кружок). Я понимала так, что глубокие вопросы Юрия физик расценивал, как придирку, «подкоп под его авторитет», а в силу этого созда-

лось взаимное непонимание, которое не совсем спокойно переживал Юрий, любя этот предмет.

— Ребята,— говорил Толя Орлов, вертя в руках стамеску,— послушайте, какая у меня мысль зародилась в голове. Мне кажется, что нам надо в совершенстве изучить автомашину, так как это дает нам возможность, если нужно, повести и танк. Надо в совершенстве владеть винтовкой, знать и принцип действия пулемета. Так и кажется мне, что это нам в жизни пригодится...

Лица у ребят давно стали серьезными, сидели они теперь тесной группкой, оставив свои работы. На стене в маленькой комнатке с верстаком, тисами и другими принадлежностями технического кружка висела политическая карта мира, которая была занесена сюда Володей Осьмухиным на тот случай, если возникнет за работой какой вопрос. Не бежать же разыскивать карту, которая может и не оказаться под рукой.

— Необходимо этот вопрос, Толя, поставить на нашем комсомольском собрании, хорошо его предварительно обмозговать, и я уверен,—говорил Володя,—мы получим и машину. Мало ли лома на производстве. И все то, что мы пожелаем, все, что нам нужно, нам дадут.

За учебу взялись наши учащиеся второй очереди (то есть младшего возраста). Модным стал лозунг — «Оседлаем технику». Ребята старались вовсю. Как-то так повелось тогда, что качественная ценность комсомольцев (особенно) да и учащихся определялась тем, какие успехи он показывал именно тут. Стоило кому-нибудь из райкома показаться в школе, как его вели прежде всего к машине.

То ли мне так казалось или оно так и было, но в это время реже к нам в гости появлялось «начальство» — кому приятно было попасть впросак, когда его спросят о чем-нибудь или попросят. Зато желанными гостями были у нас всех видов техники, электрики. И когда один раз ребята заполучили инженера-электрика, так они его выпустили только тогда, когда он взмолился, заявив, что его ждет производство, куда он должен явиться вовремя. Самые последние вопросы последовали только тогда, когда инженер обещал прочитать несколько лекций на специальные темы. И тут же раздались горячие аплодисменты — это наши ребята встретили так его обещание.

Бывали и каверзные случаи. Заполучить в «военный кабинет» как будто случайно намеченную жертву и ошарашить человека вопросом, просьбой объяснить доставляло удовольствие для группы ребят. Вполне понятно, что нас, учителей, это настораживало, заставляло быть всегда начеку. Бывали, конечно, и казусы и о них потом со смехом вспоминали ребята.

ТОЛЯ ОРЛОВ

Ярым «техником» был у нас и Толя Орлов, ближайший друг и товарищ Володи Осьмухина. С ним я познакомилась в 6-м классе. Его округлые глаза внимательно смотрели на меня. Он старался ничего не упустить из урока. Мальчик был по виду не сильный, скорее щуплый. Узнала я, что у Толи нет отца. Мать работала продавщицей. Четверо детей ее уже все учились, из них Толя был старший. Целые дни мать проводила на работе. Дети были предоставлены себе.

Способности Толя имел хорошие, а учился рывками. Он делил предметы на любимые и нелюбимые. Без задержки, однако, Толя перешел в 7-й класс, но безнадзорность его сказалась. Завелись у него товарищи улицы, с которыми Толя часто делил досуг. Вера Максимовна, мать Толи, пробовала навести в доме порядок, распределить обязанности между детьми: кому печь топить, кому комнаты убирать, кому за хлебом идти и воду нести. Были обязанности и у Толи, которые он не всегда выполнял, доказывая, что это-де работа девочек, а не его...

Стал он увлекаться разведением голубей, начал изучать их породы. Все чаще в школу приходил с неподготовленными уроками. На его счастье в школьный буфет устроилась мать, близость помогла и успеваемость Толи несколько выравнялась.

По-серьезному я Толю заметила, собственно, в 7-м классе, потому что он очень хорошо рисовал и, несмотря на то, что в школе, за отсутствием учителя, не велись уроки рисования, у Толи была лучшая тетрадь по рисункам. Тщательно зарисованные детали цветка, а потом и копра шахты одинаково хорошо удавались ему. Если я говорила о рисунках в тетради и спрашивала, кто

сделает настенный, то обычно Толя молчал, его рука не поднималась. Но его рисунок обязательно появлялся у меня на столе. Ребята в конце концов привыкли к мысли, что Орлов все равно сделает и перестали участвовать в разговорах о рисунках.

Толя рос. Усложнялись его взаимоотношения с товарищами, с учителями. Случалось, вызывали его к директору, а с ним и мать. Стала и я лучше присматриваться к Анатолию, почаще приглашать его в кабинет. Точно случайно я оброню фразу:

— Отнеси эти вещи ко мне!

Толя с видимым удовольствием выполнял поручения. В кабинете он находил новое, чего еще не видел, с этого начинал, а потом неизменно разговор переходил на другое. Часто он, без всякой логической связи в нашем разговоре, спрашивал:

— Если я обещал что-нибудь другому лицу, нет, не вещь,— сдержать слово я должен при всяких условиях, хотя бы за это грозили мне муками ада, хотя бы за этим была смерть?

Такие вопросы глубоко волновали Толю.

Как-то у меня на столе он увидел «Как закалялась сталь» Н. Островского (книгу забыл кто-то из учащихся). Двумя руками взял книгу Орлов, как-то особенно прижал ее к груди и произнес:

— А чем объяснить, что я в третий раз перечитываю эту книгу и всякий раз с одинаковым интересом?

— Что же особенно нравится тебе в этой книге?

— Как я хочу быть похожим на Павку Корчагина! Я разбирал все случаи его жизни, «примерял» к себе. Поверите, Анна Дмитриевна, я дошел до того, что в некоторых случаях спрашиваю себя, а как поступил бы Павка Корчагин,— и Толя несколько смущенно опустил глаза.

— Ну и что же? — спросила я.

— Я всегда вслед разбираю свои поступки, ну и часто собою я недоволен. Поступаю не так, как надо, а вот ничего не сделаю еще.

Он продолжал держать книгу в руках, время от времени поднимая свои округлые, правдивые глаза.

— Так все-таки, что же особенно тебе нравится в книге?

Помедлив, точно приводя что-то в порядок, Толя страстно заговорил о том, какой завидной находчиво-

стью обладал Павка, как изобретательность помогала Корчагину находить выход из создавшегося положения. Говорил о железной воле Павки, о пролетарском чутье, которое так помогало Корчагину.

— Я прочитал «Овод» Войнич. Ведь на нем воспитывался Павка Корчагин. Помните, Анна Дмитриевна, разговор с Ритой? Я долго ходил, как потерянный, даже в школу не пошел, ничего не мог соображать...— Он остановился, задумался на минутку и продолжал: — Овод!.. Вот сила!.. Помните сцену в тюрьме? Плакал иезуит и подписал смертный приговор сыну! Неужели он не знал, на чьей стороне правда?

Глаза у Толи потемнели и потеплели. Они то загорались, метали искры, то чуть мерцали. Длинные ресницы почти закрывали глаза, но они были необыкновенно выразительны.

— Я тоже стараюсь воспитать в себе силу воли, характер! Иногда мне очень хочется идти в город, в кино, а я еще не дочитал взятую у товарища книгу. Вернуть я должен ее завтра. Идет борьба...— он чуть улыбнулся.— Уже придумываю, как объяснить, что не сдержал слова, а потом мелькнет мысль, а как нужно поступить, как поступил бы Корчагин, и я беру себя в руки и сажусь читать. Вот,— и он показал мне татуировку руки,— это ведь операция не из приятных, а я хотел знать выдержу ли я... И выдержал.

Он даже пристукнул кулаком, спохватился и, торопливо поднявшись, сказал:

— Извините, Анна Дмитриевна, я вас задержал своими рассуждениями, а вам, верно, давно можно было уйти.

Сердечно попрощавшись, Толя, чуть горбясь, ушел.

Чаще после этого я стала сталкиваться с Толей. Мне даже одно время показалось, что встречи были не случайными. Толя, однако, был из тех, кто требовал к себе пристального внимания. Если он подмечал холодок, некоторую небрежность, или даже незначительную рассеянность, свертывался, как мимоза, буркнув «до свидания», уходил. Никакая сила тут не могла удержать мальчика, и надолго он потом исчезал из моих глаз.

Особенно щепетильным был Толя в своих взаимоотношениях с товарищами. Дружбу он понимал глубоко и серьезно. Сказать, что я друг Анатолия Орлова, мог не

всякий. Я видела, что ребята, с которыми он бывал, часто менялись. Подметила я и то, что он ближе всех стоял к Володе Осьмухину. Вместе они работали в техническом кружке, имели тесную связь с механическим цехом и, несмотря на то, что сидели в разных классах (Осьмухин в 9, Орлов в 8), их можно было встретить всегда вместе. Жизнь закрепила эту дружбу. Вместе они работали в подпольной типографии, готовя удостоверения и пропуска для своих членов.

Дети у Веры Максимовны росли, а с ними росли и расходы на их содержание. Семье приходилось трудно. Стал редко приходить в школу Толя. Он искал в это время себе работу.

Скоро он устроился в мехцех, где работал Ф. П. Лютиков.

АНАТОЛИЙ КОВАЛЕВ

Были у нас различные команды: боксеры, легкоатлеты и тяжелоатлеты, команды футболистов, волейболистов, любители городков. В игру иногда принимались и не члены команды, если таковых не хватало. Одно время в школе особенно процветал бокс. Останутся ребята в классе, сейчас же принимают соответствующие позы и начинают вести наступление по всем правилам и приемам соревнований. Иногда доходило до курьеза. Вхожу я как-то в 7-й класс на урок зоологии и вижу пару увлекшихся боксом ребят. Напрасно девочки протестовали. Ребята едва ли слышали их. Увлекшись, они не слышали и меня. Только когда я предложила всем остальным подняться и уйти, оставить боксеров, они наконец опомнились, растерянно посмотрели на своих товарищей, а потом добровольно направились «на исповедь» к директору.

Первым боксером ребята признавали Мишу Григорьева, но это не значило, что первенство это не оспаривалось. Неизменным его партнером был Сережа. Миша начал несколько раньше тренироваться и был, говорят, случай, когда Сережа, нарушив правила игры, «поддел» Мишу. Тот удачным ударом свалил Сережу с ног, разбив ему нос, и первый же бросился к нему на помощь.

— Ну, что ж, Сережа, сам виноват...— и Миша начал ему объяснять правила и приемы нападения и защиты.

Среди любителей тяжелой атлетики выделялся Анатолий Ковалев. Силе и ловкости его удивлялись не только ученики, но и учителя. Как-то дежурный по школе учитель пригласил меня посмотреть «карусель» атлетов. Пошли. В конце длинного коридора в центре стоял Ковалев, как столб, на плечах он держал «пластину», за которую уцепилось шестеро ребят. Он кружил их вокруг себя, как крутят карусели.

— В сторону, Анна Дмитриевна, отойдите! Оборвется кто — быть беде.

— Но ведь это же много для тебя,— сказала я Анатолию, когда «карусель» остановилась.— Ведь ты еще таким весом можешь повредить себе.

— Нет, Анна Дмитриевна, я к этому весу пришел постепенно, тренируюсь,— и, подхватив за пряжку пробегавшего паренька, он поднял его на вытянутой руке. Опустил его потом на пол и тот пошел дальше, нисколько не выражая своего протеста или возмущения.

Оказывается, это тоже был один из «номеров». Ковалева называли «царьком». Вот в этой-то группе я никогда не видела Сергея. Наверное Сережа не мог допустить, чтобы быть игрушкой в руках других.

Давно со двора убрали следы постройки, зарыли оставшуюся известь. Весь щебень, остатки кирпича использовали на дорожки. Гордостью являлась дорожка, соединяющая службы двора со школой. Стала заметна аллейка, где в тени на скамейке, под развесистым кленом можно было хорошо отдохнуть даже в жаркий полдень. Скамейки расставлены так, что можно было наблюдать игру футболистов, команды которых обозначились к этому времени. Неплохо в то время играли у нас Яша Шмыголь, Миша Григорьев, Анатолий Ковалев и обязательно Сережа.

— Пари держу — «красные» выиграют.

— А с кем «царек» играет?

— С ними.

— Ну, нечего и спорить!

Превосходство Анатолия было так заметно, что физрук школы В. И. Горбатов включил его в городскую команду футболистов. Скоро имя Ковалева стало известным и там.

Занятия спортом, конечно, отвлекали в какой-то мере мальчика от дома.

— Обижалась я на него,—говорила мать Анатолия.— Обувь на нем так и горела. Ворчал на него и отец, но редко. Чаще он говорил так: «Развивайся, Анатолий! Копи здоровье, приобретай ловкость! Вот, если бы я не имел сноровки, не смог бы прыгнуть на ходу с поезда. А я сопровождал снаряды белякам. Служил я тогда в действующей и не мог отказаться. А вот сознание, что на своего брата, казака-солдата везу снаряды, не давало мне покоя, и я решил бежать. Подходит поезд к ст. Каменоломни, а я на полном ходу с него — хлоп... Ничего, даже на ногах удержался, пробежав несколько метров по ходу поезда. Ты в меня! Я тоже в молодости не имел равных по силе и ловкости. Знаешь, в Каменске в шестнадцатом году были кулачные бои. Я учился тогда в ремесленном училище. Как ударю, никто на ногах не устоит. Уж такую мне бог дал силу»...

Рассказы отца только подогревали желания Анатолия заниматься спортом.

Работал его отец в Союзпушнине, имел возможность держать ружье, а это позволяло тренироваться в стрельбе и Анатолию. Без зайца он домой не возвращался. Иной раз мать ворчала: надоело-де с зайцами возиться. Тогда Анатолий не только снимал шкурку, но и шпиговал зайца, делал все сам, ловко, по-хозяйски, словно женщина.

Приходит он как-то домой и говорит:

— Я сегодня занял первое место по метанию гранаты.

— А ботинки еще целые?— спросила мать, чем-то расстроенная.

— Ну, мать, ты его не ругай! Это ему все пригодится,— вступился за сына старый Ковалев.

Радовался старый ловкости, силе и выносливости своего сынка, так иной раз с гордостью скажет: «Весь в меня! Моя хватка», и довольно улыбается.

Некоторые ребята позволяли себе являться в школу в майках, чего не делал Анатолий и осуждал такую небрежность.

— Майка — костюм спортивный,— говорил он,— и в общественном месте не совсем удобно показываться в ней. Свободная белая рубашка, вот что нужно для настоящего костюма.

В семье Анатолий был старшим. Жалея мать, он по-

могал ей в уборке квартиры: носил воду, белил стены, мыл полы. «Запрется, бывало, и делает. Очень не хотел он, чтоб кто-нибудь застал его за этой работой»,— говорит мать.

В комсомол Анатолий вступил в 1939 году. Готовился он к этому очень тщательно. Основательно изучил устав, права и обязанности комсомольца и все сетовал на то, что плохо давалась ему математика, а иметь плохую оценку Анатолий не хотел. В 1939 году окончил он седьмой класс и вместе со своим дружком по парте Васей Фу Тень-ша перешел в вечернюю школу. На работу, однако, Анатолий не пошел. Целый день теперь был свободен у хлопца, и эту свободу он использовал для занятий спортом.

Война в Западной Европе, развязанная Гитлером, как-то нервно настраивала ребят. Все они чего-то ждали, к чему-то готовились. В порядок дня стал следующий вопрос: научиться всем свободно управлять машиной. Некоторые возражали:

— Я ведь шофером быть не собираюсь, для чего мне непременно нужно уметь управлять машиной?

— А ты помнишь, мы читали, что в первую империалистическую войну наши бойцы отбивали машины у врага, а использовать их не могли, не умели водить. Вот теперь этого не должно быть! Будем бить врага не только своим, но и его оружием.

Когда шел этот «земной» разговор, Сережа Тюленин, стоя с ребятами в сторонке, сокрушался, что не может тут, на месте, научиться управлять самолетом...

Как-то намечено было стрельбище. И вот в 800 метрах от школы, в каменном карьере, состоялись практические занятия. Пошли и мы, педагоги. Мы попали в судьи, штаб, комиссии и т. д., словом, всем нашлась работа. Подъем был общий, слух о стрельбах волной катился по школе. Из десяти возможных Ковалев и Тюленин выбили по девять, Миша Григорьев семь и т. д.

Гораздо хуже стреляли учителя, даже мужчины. Чувствовалась недостаточность тренировки. «Летчики-стрелки» — кличка надолго закрепилась за ребятами. Одни произносили ее серьезно, другие — с легкой иронией. Пошло соревнование: кто быстрее соберет винтовку, кто скорее найдет дефект пулемета и т. д.

Благодаря содействию и помощи райкома комсомола и его секретаря т. Кожухова, к зданию школы привезли машину, которую дало нам производство для изучения на месте. Радости ребят не было границ.

МИША ГРИГОРЬЕВ

Миша Григорьев пришел в школу в 1938—39 учебном году в шестой класс. Был он способным, внимательным учащимся и сразу обратил на себя внимание учителей. Вскоре выяснилось, что Миша хорошо рисует, и его включили в водоворот школьной жизни: писать плакаты, делать рисунки, оформлять газеты.

В седьмой класс Миша пришел заметно повзрослевшим. На шалости ребят в классе он смотрел свысока, с укоризной иногда говоря:

— Да что ты занимаешься молодечеством? Думаешь герой, а в голове пусто. Туда побольше положи, лучше будет. А сам не хочешь слушать, так другим не мешай.

Класс, в котором учился Миша, был буйным, и среди других Миша выделялся своей сдержанностью, тактом. В 1939—40 году он поступил в восьмой класс этой же школы, но долго не удержался, пошел на работу и посещал восьмой класс вечерней школы рабочей молодежи. Миша очень много читал. Он абонировался сразу в двух библиотеках и буквально «глотал книги».

Всюду умел держаться в передовых. Тихо, скромно, без шума, а все же займет свое первое, надлежащее ему по праву место. Вот только на сцене он становился каким-то деревянным, неестественным. Но это его не огорчало.

— Не люблю я себя показывать, да и не умею!

Это было верно. Один раз только пришлось играть Мише роль генерала, по той причине, что заболел основной «артист». Эта роль прошла у Миши сносно. И долго потом ребята изводили Мишу, потешаясь над тем, что он-де «врожденный» генерал, потому так и удалась ему эта роль. Надо было удивляться выдержке этого молодого паренька. Он отмалчивался, не выказывал обид, никому не угрожал, хотя «боксерское умение» и предоставляло ему такие возможности. Его сдержанность вызывала чувство удивления даже у нас учителей.

— А Григорьеву быть только конспиратором. На его лице ничего не прочитаешь,— говорили некоторые мои коллеги.

— Значит, большая сила воли!

— Значит, крепкий организм! — добавил кто-то.

По-моему всем этим обладал в достаточной степени Григорьев. Были и сила воли, был и юношеский крепкий физически организм. Они-то потом, во время немецкой оккупации, сослужили для Миши незаменимую службу.

Было одно заметное качество его натуры. Никто так метко, так остро не критиковал подмеченных недостатков, как он. Рисуя в классной газете, он предлагал такие подписи к рисункам, которые сразу оживляли газету. Много читая, он обладал большим запасом слов. Говорил почти всегда ровным голосом, лишь в редких, очень редких случаях чуть повышал тон. Поэтому-то мы никогда не видели Мишу возбужденным, и только румянец смуглых щек его, да поблескивание глаз из-под темных бровей открывали не совсем спокойное его состояние.

Нужно было хорошо знать Мишу, чтобы подметить все это на его лице. Один раз мне и пришлось наблюдать таким Мишу, когда я столкнулась с ним в дни немецкой оккупации, но об этом позже.

В ряды комсомола Миша вступил в нашей школе. Поручения он выполнял четко, аккуратно и всегда добросовестно. Иногда «поручения» выдумывал для себя сам. Учился он одно время в одном классе с Любой Шевцовой. И вот заметил, что Любушка увлекается спортом в ущерб учебе. Сам спортсмен он имел право говорить с ней на эту тему. Он даже пересел к ней за парту.

— Надо, Любушка, кончить седьмой класс. Надо прислушаться к зову нашей партии, комсомола, которые требуют от нас: учиться, учиться и еще раз учиться. Ты ведь знаешь, Люба, кто говорил эти слова. Подумай, что ждет тебя, недоуча, в будущем? Ты ведь не сумеешь даже на канате плясать — семилетки не будет! А мы ведь идем к тому, чтобы всем быть хорошо грамотными.

Улыбаясь, показывая свои жемчужные зубы, Люба говорила:

— Поверишь, Миша, никак не заставлю себя сесть за книжки. Хочу летать, скакать, а там — пусть что будет! Это у меня от мамы,— с широким жестом говорила Люба.— Она такая была в молодости!

— Так жизнь тогда другой была! Глупенькая ты, Любушка! — скажет, бывало, Миша и, как-будто сожалея, посмотрит на Любу.

Пытался он к этим разговорам привлечь и меня. Было это так. Люба пропустила несколько дней занятий. Задерживает меня Миша в классе вопросом:

— А спросите, Анна Дмитриевна, почему это Люба не была в классе.

Я сразу поняла по необычайности вопроса, что его задал Миша неспроста и, задержавшись после урока, спросила:

— Ну-ка, скажи, скажи, чем ты была занята таким важным, что не дало тебе возможности явиться в школу?

Опустила Люба глаза, покраснела и вполголоса ответила:

— Выезжала агитбригада в Изварино, и я с ними...

Миша выжидающе уставился на меня. Говорить по такому поводу на перемене не представлялось возможным и я, помня доброе к себе отношение Любы, решила избавить ее от объяснений в чьем-либо присутствии. Но Миша ждал. Он не представлял, что я могу уклониться от начатого разговора.

— Вот что, Люба, ты у меня забыла тетрадь, пора бы и взять... Я жду тебя сегодня.

Миша сразу понял мое желание остаться для разговора с Любой вдвоем и отошел.

Я смотрела на Любу и думала: «Придет или нет?»

Но Люба ко мне не пришла...

А вскоре я узнала, что она не ходит в школу. Миша хмурился, отмалчивался, в беседы со мной по поводу отсутствия Любы не вступал. Я не сомневалась: он осуждал меня. И, смутно сознавая свою ошибку, я сама спросила о Любе.

— Уехала к дяде на Урал,— ответил он неохотно.

Я попросила его остаться после уроков. И каково же было мое удивление, когда он начал обвинять за происшедшее событие себя. Рассуждал он вполне зрело.

— А все-таки мы все виноваты, что Люба бросила школу. Она своевольная, своенравная, привыкла делать все то, что взбредет ей в голову. А вот вовремя на нее повлиять, обуздать, как говорят, и было некому. Теперь «жизнь начнет хлестать», а она, говорят, жестокий учитель.

Вот тогда-то я и оценила глубокую натуру Миши, его ум. Для своих лет он был хорошо развитым мальчиком. Это был период, когда он особенно близко сошелся с Анатолием Ковалевым. Жизнь потом закрепила эту дружбу, и даже смерть пыталась схватить их вместе в свои объятья.

Мечтой Миши было военное дело — летная школа.

В 1940-41 учебном году он кончает восьмой класс, его застает война. Встречая Мишу в это время, никто не дал бы ему 17-ти лет. Всегда серьезный, сосредоточенный, он производил впечатление вполне взрослого человека, выдержанного, неспособного потеряться ни при каких условиях жизни.

ЮРИЙ ВИЦИНОВСКИЙ

Почувствовали мы, что ребята наши изменились, повзрослели. В наших коридорах теперь стали ходить юноши в белоснежных рубашках с галстуками, в начищенной до глянца обуви.

Были в это время у нас восьмые-девятые классы. Учась восемь-девять лет вместе, ребята сживались, завязывалась у них хорошая юношеская дружба.

Очень ясно мне представляется фигура Юры Вициновского, этого выдержанного, уравновешенного, спокойного, но замкнутого юноши. Своей размеренной походкой он выходил в коридор школы, чтобы встретить меньшего брата Леню, живого, юркого паренька, часто попадающегося в шалости. Мне он помнится чуть пригнувшимся к братишке, обнимающим его за плечи — и уже теперь не вырваться Лене из его цепких рук, а следовательно, и согласиться, что пропала веселая перемена. Юра, правда, старался сделать приятной свою беседу с Леней и в конце концов увлекал его. Тот весь загорался и ждал, что еще интересное расскажет ему брат. Слабые места Лени Юра знал хорошо и удачно их использовал.

Аккуратный в мелочах, в обращении с вещами, книгами, он вообще выглядел очень аккуратным, гладко причесывался, никогда не появлялся в мятой или грязной рубахе.

Как-то, идя по коридору школы, я увидела его у дверей гардеробной. Встряхивая в руках пальто Шуры Ры-

марь, он еще издали ей приятно улыбался. Шура быстро шла по лесенке и уже весело ему что-то щебетала. Увидев меня, Юра потерялся, вспыхнул, пот выступил на лице, и он отвечал Шуре теперь неуверенно, сбивчиво и смущенно улыбался. Я быстро повернулась в одну из классных комнат и тем избавила Юру от неприятных минут.

Что ж, девочкам очень нравилась эта почти «взрослая» опрятность и предупредительность Юры...

Юра начинал танцевать. В школе был вечер. Девушки и юноши кружились в парах. Была комната и для любителей шашек и шахмат. В числе шахматистов сидел и Юра. Зная, что он начинает танцевать, я взяла его и еще нескольких ребят из этой комнаты и повела туда, где играла музыка. Девушки веселым кольцом окружили нас, а Шура с девичьей непосредственностью вдруг сказала:

— Юра, ты ведь приглашал меня на вальс, а сам скрылся...

Я видела, что краски менялись на лице Юры, но толпа ребят увлекла его. Выбрав минутку, он успел сказать мне:

— Уведите маму, когда я пойду танцевать...

Это было величайшим доверием, которое следует ценить! Без лишних слов я, взяв под руку Марию Александровну, пошла с ней по коридору. Возвращаясь, я увидела Юру танцующим, и так, между прочим, сказала:

— А Юра танцует.

Мария Александровна сейчас же направилась в зал и, став у двери, начала делиться со мной своими замечаниями.

— Рука не так должна лежать... Слишком быстро, такт можно потерять.

Мне стала понятна просьба Юры: знания техники танца не всегда бывают приятны и уместны. Но потом я видела Юру танцующим с матерью, и трогательно было смотреть, как он выдерживал все то, чему, видимо, успела научить его Мария Александровна.

В восьмом классе Юра был полусформировавшимся юношей, в девятом — десятом — это был вполне зрелый человек, знавший чего он хочет, выдержанный, вежливый, тактичный.

Произошла у Юры какая-то размолвка с Шурой Рымарь. Целые часы что-то чертил Юра, а Шура неестественно громко смеялась, расточая свои улыбки направо и налево, и только Юру она обходила взглядом.

Весна вступила в свои права. В волосах девушек и бортах костюмов мальчиков стали появляться первые весенние цветы. Один раз в классе появился пребольшущий букет.

— Принес Юра Вициновский, а Рымарь поставила пока на столе. До конца уроков...

А потом букет будет в ее руках!

Повеселел Юра, перестал чертить. Одним словом, все вошло в свою колею.

Но уж эта «колея»! Помнится мне следующий случай: на уроке химии в 9 классе в числе отсутствующих был и Юра. В школе я его видела и не могла объяснить причины его отсутствия. На следующей перемене он вдруг подходит ко мне и со смущенной улыбкой, похожей на гримасу, говорит:

— Разрешите задержать вас, Анна Дмитриевна.— Юра был в парадном костюме. Я тотчас же пошла с ним.— Простите, Анна Дмитриевна, что я без вашего разрешения ушел с урока. Я искал вас, но не встретил и решил уйти самовольно. Ходил я в клуб, взял билеты на спектакль, да заодно и переоделся. Урок я знаю хорошо. Новый материал осилю. С вами мне все-таки легче разговаривать, чем с преподавателем физики...

Что мне оставалось делать? Я стояла перед совершившимся фактом. В город в это время приехал театр. Предстояло несколько спектаклей. Ребята не хотели пропустить возможности посетить спектакль и, видимо, обратились к Юре с просьбой сходить за билетами. Может, с такой просьбой обратилась Шура Рымарь, которой, конечно, Юра не мог отказать. Я знала, что Юрий говорит правду. Лжи он не переносил. У меня в голове роились разные мысли, но я нашла в себе силу удержать обиды и возражения.

— Хорошо, Юра, этот разговор, мы продолжим. Ты согласен, что позволил поступок не совсем такой, как нужно.

— Да,— ответил он,— я согласен, но если бы начать все сначала, я повторил бы его вновь.

Мы разошлись. Класс, видимо, был уверен, что Юрий

отпрашивался у меня, и разговоров не было. А у меня в голове роились мысли — как поступить? Решила я дождаться, пока Юрий со мной подробно поговорит, а до тех пор держаться с ним официальнее, холоднее.

Прошла неделя. Окончив урок, я собрала свои книги, направляясь из класса. Вдруг кто-то робко так спросил:

— Вы разрешите, Анна Дмитриевна, зайти к вам в кабинет после уроков?

Просидели мы с Юрой в тот вечер долго, спорили, говорили о жизни, об увиденных спектаклях, о нашей школе и о Шуре Рымарь... Он произвел на меня впечатление честного, правдивого, исполнительного, начитанного юноши с определенным, почти сложившимся мировоззрением. Восемнадцать лет было Юре в то время, но он прекрасно был знаком с классической литературой запада и, безусловно, нашей. Был в курсе политических событий, хорошо разбирался в вопросах политики, пытался ставить прогнозы.

Очень он любил уроки истории Ильи Моисеевича Милова, человека широкой эрудиции. Класс жил тогда полнокровной жизнью. Часто ставились доклады силами самих учеников, создавались горячие дискуссии, нужно было только умело направить интересы ребят, с пользой для их формирования.

Черные немецкие орды, проглотив Австрию, Чехословакию, походным маршем двигались по французской земле, уничтожая все прогрессивное на своем пути. Толпами ходили ребята за Ильей Моисеевичем. Подготовка, доклады, прения — это, так сказать, официальная часть, а неофициально — можно каждый день подойти к Милову, остановить его у карты, отмеченной шнурком на булавках, и поговорить по душам, почему страна с таким революционным прошлым сейчас капитулирует перед Германией, почему... Да мало ли какие вопросы можно задавать Илье Моисеевичу и получить на все исчерпывающие ответы. Речь Ильи Моисеевича приятно лилась и даже легкое заикание, какое-то, вернее, удлинение звука первой буквы, не портило впечатления.

— Опоздали дать англичане поддержку французам, и расплачиваются теперь Дюнкерком,— сказал Саша Клюзов, самый сильный из учащихся в области международной политики.

Не оставляет без внимания реплику Милов и требует ее обоснования. Группа увеличивается.

— Вот посмотрите, ребята, скоро будет война. Готовят людей на самолеты, берут даже не окончивших десятый класс! Нет времени ждать окончания.

— А с кем война-то?

— Да, может и с Германией. Больно аппетит у немца разыгрался. Проглотил много стран, попробует схватить и нас.

— Зубы поломает,— сказал Сережа.— Ведь мы знаем, что будем защищать! Нас ведь пробовали «щипать» и финны и япошки, да получили по хорошей зуботычине.

— А думаешь, Гитлер дурак и не учитывает нашу силу? Ого-го... Он хорошо понимает все и полез «целоваться», чтобы обезопасить себя.

— Ну, мы сами с усами. Мы люди, которым в рот палец не клади — откусим!

— Ты прав, Сережа! Так и Илья Моисеевич говорит, да только немного другими словами,— сказал Володя Осьмухин, вертя в руках какую-то шайбочку — трудно было представить Володю без какой-нибудь технической детали.

— А слова бывают разные, лишь бы смысл их не исказить,— парировал Сергей.

— А как сейчас страшно во Франции! Вот где не хотел бы я быть,— сказал кто-то.

— А я именно хотел бы быть во Франции! Там сейчас самая интересная жизнь! Там нет средины: «немного с вами согласны, а немного с вами»,— как привыкли расшаркиваться капиталисты. Там сейчас два положения: либо ты с нами, либо против нас. А партизаны, какие это, должно быть, сильные люди! Духом сильные! Опасность караулит на каждом шагу, а они делают свое дело. Герои! — рассуждал Сережа.

Около него давно собралась толпа. Ребята поменьше — слушали его с блестевшими глазами, сверстники — со вниманием, старшие — с уважением.

— Да, герои,— произнес спокойно и с убеждением Вициновский.

Больше уже никто не спорил.

Милов оказывал заметное влияние на Вициновского. Да разве только на него одного?

ОЛЯ ИВАНЦОВА

В 9 класс нашей школы Оля Иванцова пришла из школы имени Горького. Это была невысокого роста, вполне развитая девушка, с чуть лукавыми серыми глазами. Мое внимание обратило то обстоятельство, что Оля со своей подружкой держались особняком. Ну, на первых порах это, пожалуй, было естественно: девушки попали в новую обстановку, новый коллектив. А дальше это начинало беспокоить. Одинокие фигуры двух подружек в коридоре стали тревожить.

Учителю неудобно заводить откровенный разговор со сторонящимися коллектива девочками. Не лучше ли поговорить старосте...

Валя согласилась и подошла к девушкам.

— Девочки, не примите ли вы участия в нашей классной живой газете?

Подружки переглянулись, и одна из них (Оля) нерешительно промолвила:

— Мы ведь новые здесь и едва сумеем принести пользу...

Валя не согласилась, разъясняя, что живгазета по своей принципиальной установке не имеет ввиду шельмовать ребят, а вот изжить недостатки — прямо необходимо.

— Посмотрите, что стало у нас в классе? Ведь нет того дня, чтобы кто-нибудь не опаздывал на уроки. Не спорю, что у нас ребята хорошие товарищи, а вот до сознания некоторых никак не дойдет, что своим поведением они весь класс ставят в скверное положение. Слова не действуют. Очевидно, нужно общественное воздействие. Вот мы это средство и используем.

Внимательно вслушивались в слова Вали подружки. Лед таял. Появились признаки общительности.

У Оли даже стала налаживаться хорошая юношеская дружба с одним из учащихся класса — Сашей Клюзовым. Но вдруг появилось неожиданное препятствие...

Изучали мы по анатомии и физиологии человека тему: сон и гипноз. Ребята стали «пробовать силу» своего гипнотического влияния, подолгу вглядываясь в определенный «объект», ожидая, что он повернется. Много казусов происходило в тот период. Как-то Станислав С., товарищ по парте Саши Клюзова, решил заставить по-

вернуться Олю Иванцову. Он в течение целого урока глядел на Олины кудри. Хорошо, что это можно было сделать на уроке минералогии, благо П. Г. все время заглядывал в свой конспект, независимо от того, рассказывал он новый материал или отвечал учащийся. Но ничего у Станислава не вышло.

— Видно, потому что у меня светлые глаза,— заявил с полным знанием дела Станислав.

Саша Клюзов внял этим словам и решил испытать силу своего гипнотического влияния на Шуре Т. Но был уже урок не минералогии, а немецкого языка. Саша получил должное от преподавателя и оставил свои занятия гипнозом.

Казалось, произошло безобидное событие. Обычные ребячьи шалости. Но Олю они обидели до глубины души. Она наотрез отказалась от дальнейшего участия в живой газете, заявив, что ребята не только опаздывают на уроки, но и не умеют себя держать в классе. Валя пришла ко мне за советом. Во время разговора я узнала и другие подробности. Оля вообще не могла понять, как это ребята так нетактично, нехорошо и необдуманно ведут себя там, где они не одни, а есть и девочки.

Выходит, случай-то произошел не мелкий! Острым глазом новичка Оля заметила многое, с чем не могла согласиться. И, оказалось, что она подсказала ребятам о необходимости повести разговор о дружбе, о настоящей, светлой, радующей дружбе. Ну и досталось же во время этого разговора любителям гипноза! Досталось тем, кто без должного уважения относился к девушкам, упорно не соглашался учиться вежливости, тактичности. Разговор оказался очень интересным и своевременным, слух о нем пронесся по всей школе. Популярность Оли, полнявшей эту тему, росла. Ее утвердили пионервожатой.

Настала 3-я четверть 10-го класса. Оля заболела. Она почти перестала видеть. Пленка затянула зрачки. Оля в больнице. Девушки посещают ее. Пионеры толпами ходят, добиваясь того, чтобы можно было им навестить свою вожатую. Год у Оли пропал.

Это был 1941 год. 19 июня мы устроили выпускной вечер, на котором не было Оли: она еще чувствовала себя слабо.

22 июня Германия вероломно напала на Советский Союз, и в первых рядах защитников Родины пошел и

Саша Клюзов. А вести с фронта приходили тревожные. Враг подступал к нашим жизненным центрам. Героические усилия делали ленинградские рабочие, защищая город Ленина, колыбель революции. Сюда-то после военной школы и приехал Саша Клюзов. Его мать Ильинична как-то поделилась со мной своей радостью: «Саша жив и здоров». Скоро появилась и Оля, которой Саша тоже прислал весточку. Во всем облике девушки, особенно в выражении лица, глаз, было написано какое-то необычайное волнение.

— От Саши что-нибудь есть?— спросила я, догадываясь о причинах волнения.

— Ой, Анна Дмитриевна, как вы могли догадаться? Письмо, да такое хорошее! — и достав листок измятой бумаги, исписанной карандашом, она любовно его разгладила и прочитала мне.

«А за надругательства над советскими людьми, за слезы ваши... за наше хорошее будущее... я открыл свой счет уничтоженных фашистов. Имею 5 штук. Думаю довести до большей цифры. Я так, Оля, зол! Когда я увидел колодцы, забитые трупами наших людей... Когда я увидел трупики наших детей, которых убивали варвары только потому, что они русские дети, я только стиснул крепко зубы и дал себе клятву бить врага, пока в руках смогу держать оружие».

Оля посмотрела на меня.

— Я хочу теперь основательно пройти курс сестер— может будет нужно! Ведь я все значки имею. В совершенстве владею знаниями по ПВХО, дежурю в отряде. Истребительный ведь перешел на казарменное положение, а я — там! Ким тоже там...

Как-то случилось так, что я долго не видела Олю. Была горячая пора. Собирали урожай, который удался на славу. В последних числах августа, из окна своей квартиры я увидела Олю, направлявшуюся, очевидно ко мне. Но что это? Какой вид у этой всегда аккуратной девушки! Небрежно подобранные волосы, потерянный взгляд, опущенные плечи.

— Что случилось?

— Саша погиб...— отвечала она как-то автоматически.— Дома получили все документы, сообщение о смерти. В документах моя карточка и тут же начатое письмо... Вот посмотрите... и Оля, подавая мне конверт,

отвернулась. Слезы текли по ее лицу, она беззвучно плакала.

Я не утешала Олю, молчала... Я просто боялась говорить, боялась какого-нибудь фальшивого звука.

— Помните, Анна Дмитриевна, слова его письма «за наше счастье я буду бороться». Ведь слово «наше» крупнее написано, чем все письмо. Он, видимо, хотел сказать, что ни минуты не забывает обо мне... Его смерть... Еще и эту смерть я никогда не забуду. Теперь мне нужны силы... Ведь я потеряла друга, человека. Теперь только мстить, мстить за все, и за него, и за себя... Мстить! А как больно, Анна Дмитриевна, если бы вы знали! Его уже нет и никогда не будет... Я больше никогда не увижу его. Не услышу голоса, дороже которого не было в жизни...

Слов не было, чтобы ее утешить. Мы обнялись и сидели долго молча, думая о времени, о несчастьях, которые выпали на нашу долю.

Оля ушла. Из средней школы стала НСШ, с небольшим количеством классов. Они нашли себе приют в здании бывшей столовой. Основное здание школы было занято под госпиталь. Оля устроилась на работу в школе в качестве старшей пионервожатой. Тут я с ней еще больше сдружилась. Как бывшая моя ученица, она часто ко мне обращалась за советами, посещала меня на дому.

А гул канонады становился все слышнее. Всю зиму потом раздавались орудийные залпы со стороны Красного Луча.

...В феврале 1942 года проводили на фронт последнюю партию военнообязанных — ушли ребята, девушки.

Немцы были близко. Сначала Оля мечтала о службе в Красной Армии, а потом умолкла, иногда загадочно так улыбаясь... Часто и подолгу сидела она теперь у меня на квартире, обсуждая текущие события.

ВАНЯ ВИТКАЛОВ

В числе учащихся из Первомайской школы пришел в восьмой класс нашей школы и Ваня Виткалов. Рос он незаметным пареньком, с милой улыбкой на белом симпатичном лице.

Все вдруг увидели, что Ваня пользуется в классе большим авторитетом. В спорных вопросах обращались к Виткалову, и пусть это будет лучший друг Ванюши, но если тот вздумает покривить душой, допустить неточность, Ванюша никогда не покроет друга.

Один раз, желая придать больший вес своим словам, Николай Кондратов уверял преподавателя немецкого языка, что урок он учил с Виткаловым, но урок такой трудный, что Кондратову-де не удалось его осилить.

— Верно это, Виткалов?— неожиданно спросил Ваню учитель. Ваня сразу стал серьезным. В глазах появилась сосредоточенность. Он поднялся и, не обращая внимания на умоляющие знаки друга, сказал:

— Николай мне друг — это верно. Но за меня расписываться я ему не давал права. Урок по немецкому языку мы с ним вместе не учили, вчера даже не встречались, и я очень удивлен, что Николай на меня сослался, объясняя, почему он плохо знает урок.

Слова его словно тонули в абсолютной тишине. От удивления преподаватель даже онемел. Ребята опустили головы. Что же будет дальше?

Вот они остались вдвоем «дорабатывать» очередной номер стенгазеты. Коля все обходил взглядом Ванюшу, а тот, мило улыбаясь, как будто напрашивался на разговор. Кто первый начал его — не знаю, но я видела, как друзья отошли к дальнему углу комнаты и о чем-то горячо разговаривали. Прошло минут пятнадцать. Я нашла возможным теперь подойти к ним. Я видела, что горячий разговор теперь стал иным. Раздался веселый смех Николая. Голос у него перестал вибрировать.

— Вы так заразительно смеетесь, что я решила узнать причину этого смеха.

— Мы, Анна Дмитриевна, мирились. Согласился-таки со мной Николай, что он был неправ. Дипломатические переговоры завершились успешно,— ответил Ваня и улыбнулся.

Ваня часто помогал товарищам в подготовке уроков, но никогда я не видела, чтобы он просто подсунул товарищу тетрадь с решенной задачей, не заботясь о том, понял ли он ее решение или нет. Каждый вопрос он обязательно объяснит, добиваясь правильного его понимания. Были случаи в спорах, когда трудно было сказать,

на чьей стороне правда. И один и другой приводили веские доказательства своей правоты.

— Что скажет Виткалов? Это интересно.

Поднимался Ванюша и со своей милой улыбкой, с чуть смущенным видом, начинал говорить. И после его слов как-то ярче выплывала истина, и все, как один человек, соглашались с ним. Строгая объективность суждений — вот что давало ему здесь преимущество. Часто я наблюдала за Виткаловым, решала для себя, а какой получится из него человек? Будет ли это личность несгибаемой воли? Как уживется он с окружением? Пойдет ли он на подвиг, если к этому призовет его жизнь?

В Отечественную войну 1941 года Ванюша Виткалов пошел в первых рядах защитников Родины. Работая с братом на комбайне, он практически освоил машину. Это помогло ему в рядах Красной Армии сесть на танк радистом. Под Харьковом создалась трудная обстановка. Наши танки получили задание прорвать кольцо немцев. В рядах колонны был и танк Виткалова. Истекая кровью, привалился водитель. Вот он выпустил из рук руль. Крепкой рукой взялся за руль водителя Ванюша и направил танк на неприятельскую огневую точку. В результате проведенной операции по части читался приказ: «За отличные боевые действия Виткалова Ивана Харлампиевича, давшего возможность подавить огневые точки врага, представить к награде «Орден Красного Знамени».

Настали трудные для нас дни. Армия отступала. В минометной команде шел теперь Виткалов Иван. По тракту Тарасовка — Миллерово разрозненными группами, ускоренным шагом шли бойцы. На дорогу люди выносили воду в ведрах, тазах, кадках. Вдруг ударили из дальнобойных орудий, и на месте группы бойцов остались груды смешанной земли...

Тарасовский район, село Тарасовка были родиной отца и матери Виткаловых. Сам Ванюша малым ребенком (3-х лет) был вывезен из села родителями, и поэтому на вопрос «откуда», он, обычно, отвечал: «Я из Первомайки (бывшее Сорокино)». С родителями он был несколько раз в Тарасовке и кое-кто знал его, как сына «нашей Кулинки». Во время немецкой оккупации один из граждан села Звонарев И. Н. пас свою корову около става и обратил внимание на какую-то книжечку, которая была и под снегом, и под дождем, а теперь топорщилась,

пробиваясь к свету. Это была красноармейская книжка на имя И. Х. Виткалова. Даже фотокарточка сохранилась. Почти соседом жил Звонарев с родителями «Кулинки» и понял он, что в руках его книжка ее сына. Звонарев тщательно завернул книжку в тряпицу. Семь месяцев хоронил он книжку. Немцы ушли. Под натиском Красной Армии они постепенно снимались с облюбованных мест и бежали. Освободилось и село Тарасовка. Вынул из-за божнички Звонарев книжечку, расправил ее получше и пришел к председателю поссовета.

Через неделю Акулина Васильевна Виткалова получила извещение явиться в село Тарасовку за красноармейской книжкой своего сына...

Так и получила мать первую весть о гибели своего сына...

ЛЕНЯ ДАДАШЕВ

В 1940 году, в средине третьей четверти, в 6 классе «В» появился новый ученик Леонид Дадашев. Отметила я, что Сережа Тюленин часто окликал его «персюк», на что тот охотно отзывался. Узнала я, что отец Лени приехал в Россию в 1910 году из Ирана с поручением разыскать брата. Брата он нашел, но сам на родину не поехал, так и прижившись, сначала в царской, а потом в Советской России. Женился Дадашев на белорусске, а когда приехал в Краснодон, то привез двух детей — тринадцати и пятнадцати лет. Леня поступил в шестой класс, а Надежда, его сестренка, в четвертый класс школы имени М. Горького. Классы этой школы были переполнены, и время от времени в школу № 4 имени Ворошилова передавались вновь прибывшие ученики.

Так попал к нам этот паренек, в первое время ничем не обращавший на себя внимания. Я только видела, что он все «липнет» к группе, которая окружала Сережу Тюленина. Володя Сечков как-то вздумал подшутить над Леней, назвал его «тенью Сережи». Вспыхнули выразительные глаза Лени, помедлил он немного и так внушительно сказал: «Лучше быть тенью, чем таким глупцом, как ты». Сечков не нашел, что ответить и постарался поскорее скрыться. Ревнивому «Сече» не удалось отколоть Леню от Сережи. У Лени с Сережей наметилась настоящая дружба. Кстати, и жили-то они близко друг от друга.

Переходя из школы в школу (по месту работы отца),

Леня кое в чем поотстал, особенно в точных науках. Писал он сравнительно грамотно, ниже тройки его работы не ценилась, хотя он не всегда знал и умел применять правила к написанному тексту. Но по математике в шестом классе у него чередовались двойки и тройки. Однако к концу года он подтянулся. А потом выявились любимые предметы и увлечения. Захожу я как-то в биологический кабинет во время дежурства Сережи и вижу пригнувшуюся фигуру Лени Дадашева, который что-то рассматривал под микроскопом. Он был так увлечен, что не заметил моего прихода, и только возглас Сережи, по обыкновению громкий, оторвал Леню от микроскопа. Он быстро встал, даже руки вытянул по швам, но, однако, не поздоровался, а быстро взглянув на меня, опустил глаза. Я обратила внимание, что он покраснел, даже уши запылали и испарина появилась на лбу.

— Так ты, Сережа, дружка привел к нам в кабинет. А почему не сагитируешь его записаться в наш кружок?

— А можно?— произнес со вздохом облегчения Леня.

С тех пор он стал ревностным членом нашего кружка. Вдвоем с Сережей они принесли пятьдесят саженцев различных культур, добыв их в заброшенной и разрушенной усадьбе бежавшего от Советской власти офицера. Успехи его в кружке стали настолько заметными, что мы поручили ему сделать на собрании юннатского кружка маленькую информацию по теме: «Новое в биологической науке». Дала я ему небольшую брошюрку, приободрила, установила срок подготовки, имея в виду, что он прочтет только эту брошюру. Каково же было мое удивление, когда Леонид сделал обстоятельный доклад, привлекая массу побочного материала, точно указывая источники этого материала. Ребята градом аплодисментов встретили выступление паренька. Больше всех неистовствовал Сережа... «Вот тебе и Дадашев!» — подумала я, совершенно по-иному посмотрев на мальчика.

Скоро столкнулась я с ним вновь в биологическом кабинете, когда он там дежурил. Порядок в комнате был образцовый, записи сделаны аккуратно. У нас в то время из икры выводились головастики. Леня и обратил мое внимание на это:

— А ведь когда-то и мы были головастиками, и только спустя долгие годы развития получился человек. А как мало об этом знает наука.

Я невольно улыбнулась.

— А ты-то откуда это знаешь?

— Да я вот прочитал статью в журнале «Наука и жизнь»...

Я усадила мальчика, и мы с ним разговорились.

Леня рассказал мне о семье, матери, которая все прихварывает, о работе отца, о сестренке, с которой он дружит, оберегает от неприятностей, подменяет иногда в работе. Очень осторожно высказал он свои соображения по поведению отдельных ребят и даже класса в целом. Вот тут-то и представился мне этот юный паренек со всеми его достоинствами и недостатками.

— Леня, а еще в каком кружке ты работаешь?

— В историческом, Анна Дмитриевна. Вот как я люблю историю. После каждого урока, а особенно после занятий кружка я чувствую, что становлюсь, как бы это сказать,— умнее. Я очень уважаю Илью Моисеевича, боюсь пропустить хоть слово из его речи. Ведь он ответит на любой вопрос, какой бы не задали ему ученики.

Немного смущенно он вдруг спросил:

— А правда, что Илья Моисеевич два вуза окончил?

— Да, Леня, это правда, он окончил институт и университет.

Леня говорит:

— Вот когда он начинает рассказывать о том, как фашисты идут победным маршем по Франции, как издеваются над передовыми людьми... душа замирает. Я, Анна Дмитриевна, теперь часто говорю с отцом и все упираю на то, почему он не вернулся в Иран. Отец вспоминает, как ему жилось там нелегко. Различные иностранные кампании держали в руках всю промышленность. Словом, грабили нашу страну, а народ, то есть коренные жители, плохо жили. Болезни, мор, бедность — вот что нашли бы и мы в Иране.

Глаза мальчика блестели, видно было, что в его сознании как-то перерабатывалось все, что он получил от отца, что давала ему школа и исторический кружок.

В конце года прошел слух, что с семи классов принимают в летную школу, и вот гурьба ребят как-то весной уехала в г. Ворошиловград, а скоро и вернулись все. Всем отказали. Сергей с заметным юмором сказал:

— Предложили подрасти и подучиться...

Леонид молчал, но стал заметно налегать на учебу и

даже по математике стал получать четверки и пятерки. Положительно мне стал нравиться этот мальчик. Он «запоем» читал книжки. Теперь его можно было видеть чаще всего в библиотеке, в читальне.

— Я не люблю приключенческой литературы, то есть не то, что не люблю, а не отдаю ей предпочтения перед всякой другой, как это делает Сергей,— говорил он.— Меня увлекает техническая литература.

Леонид увлекался технической литературой не напрасно: были у него свои планы. И, кажется, появились они с того времени, как произошла неудача с поступлением в летную школу.

Леня прекрасно рисовал, поэтому иллюстративным материалом к уроку мы всегда были обеспечены. Хорошо у нас были оформлены классные стенные газеты и журнал «Пчелка».

Как-то в кабинете в процессе разговора Леню спросили:

— А что бы ты делал там, в Иране, если бы тебе пришлось там жить?

На минутку задумался он, а потом с такой вымученной улыбкой произнес:

— Наверное, где-нибудь на производстве работал бы, об учебе не помышлял бы.

— Вот видишь, Леня, какое это счастье быть гражданином Советского Союза. Помнишь слова Маяковского, что мы с тобой читали? Пусть бы нам ничто не помешало, я буду тянуть до десяти классов,— говорил Сергей.

— А ты думаешь, я помирюсь на меньшем? Лишь бы мама жила. Знаешь, она иной раз говорит, что хотя бы она дожила, пока я кончу десять классов, а там, мол, я буду на верной дороге. Знаешь, Сергей, мне так и кажется, что нам придется с Гитлером воевать. Ты помнишь, как говорил Илья Моисеевич: «Война неизбежна, но когда... покажет будущее».

Отметила я еще одну особенность Леонида. Среди учащихся было распространено списывание уроков в классе, особенно задач. Смотришь, бежит встрепанный паренек, еще на ходу спрашивая:

— Ты решил задачу? Дай списать, а то вздумает Александр Григорьевич проверить, вот и горячая двойка.

Напрасно иной раз мы втолковывали, что голое списывание ничего не дает, кроме вреда. Твердо, видно, ус-

воил и понял это Леонид и в своих взаимоотношениях с учениками руководствовался следующим: не выпуская тетради из рук, он спрашивал, пробовал ли паренек решать задачу сам, что явилось непонятным и т. д. Если это был ученик благонадежный, то есть исправно отвечающий на предложенные вопросы, тогда Леонид начинал толковать с товарищем, доведя свою беседу до того момента, когда мы говорим появится «искра сознания» и ребята остаются довольны друг другом.

Бывали и другие случаи...

— Брось, Ленька, давай скорее «передрать», а учитель... Пусть учит учитель.

Тогда Леонид, как будто с сожалением, смотрел на хлопца, закрывал тетрадь и пониженным голосом говорил:

— Ну, голое списывание поищи в другом месте.

Он спокойно прятал тетрадь в парту, а сам шел из класса, оставив хлопца иногда с раскрытым ртом.

Работал он тогда в ученическом комитете, и горе такому списывателю попасть к нему с двойкой. Не любили ребята иметь дело с Дадашевым, который как раз ведал производственным сектором. Мне помнится, учком пользовался у нас тогда большим авторитетом.

— На учком! Это к Дадашеву на зубок попасть? Не хочу! Буду слезно просить Марию Андреевну не передавать мое дело на учком! — говорил провинившийся.

Один только раз я видела Леню потерявшим власть над собой. В 7 классе своими «художествами» отличался Владимир Прилепский. Вот он-то, в одно мало прекрасное время и привязал косы Иры Браилко к парте. При попытке встать Ира дергалась, но подняться не могла. Был конец четверти, у Иры стояла нетвердая тройка, поэтому она каждую минуту ждала вопроса учительницы.

— Что ты, Ира, там дергаешься? Не можешь или не хочешь встать? Ну, нам ждать некогда,— и, отвернувшись, Ольга Степановна уже Иру не спрашивала.

Урок Ира знала, прошлый материал повторила, и ей так обидно стало, что девочка расплакалась. Подняв руку, Леонид на вопрос учительницы, что он хочет сказать, заявил:

— Прилепский привязал косы Иры в то время, как она внимательно слушала ваше объяснение.

— Не плачь, Браилко, я учту это и постараюсь спро-

сить тебя в следующий раз. Ну, а с Прилепским придется поговорить серьезно.

Что-то прошипел Владимир, зло посмотрел на Леонида и показал ему кулак. Урок окончился. Подвинулся, говорят, Леонид к Прилепскому и так, чеканя слова, говорит:

— Да знаешь ли ты, что всем нам мешаешь? Способный парень, мог бы хорошо учиться, а ты что делаешь? Развлекаешься, мешаешь нам всем. Вредишь нам. Что ты думаешь, ведь ты второй год сидишь и двойки имеешь! А сегодня... ты поступил как злейший враг!

Ответил что-то Владимир, а потом вышел из-за парты и стал приближаться к Леониду. Уши Лени горели, яркий румянец пробивался через смуглый цвет лица. Назревала драка. Вдруг Юра Бодрухин громко так сказал:

— Ты не расстраивайся, Леня, ведь это Прилепский!

Тот оглянулся, увидел настороженные лица ребят и как-то поник, растерялся. Возглас был отрезвляющий и для Леонида. Он даже кулаки разжал и так с расстановкой сказал:

— Если подобное повторится — будешь иметь дело со мной.

Прилепский отвернулся и быстро вышел из класса...

Встретила я ребят уже во время немецкой оккупации. Сергей шел прямо мне навстречу, а фигурка его спутника свернула несколько в сторону и стала в тени.

— Кто это с тобой?

— Да друг мой, Дадашев. Мы с ним не расстаемся, сплела нас одна веревочка...— и Сережа по-прежнему улыбался.

Однако, шутка не удалась. Чувствовалось, что ребята повзрослели, посуровели.

— Почему он отстал?— спросила я.

— А выполняет приказ немецкого командования: не собираться группами. А Леня ведь на этот счет «собаку съел». Не хочет попасться в какой-нибудь неосторожности, он все «просвящает» меня... Умереть — легче всего, а вот жить так, чтобы пользу приносить, на это надо умение. Да вы ведь знаете Леонида, он теперь еще жестче стал, немцы «залили за шкуру сала».

Почти до самого дома мы дошли, когда, наконец, к нам приблизился Леня. Весь собранный, в пальто, за-

стегнутый на все пуговицы, он производил впечатление благонравного мальчика, случайно запоздавшего явиться вовремя домой.

Расстались я с ребятами, и долго еще думала о том, с чем я только что столкнулась. Если у Сережи через край лилась отвага, смелость, находчивость, то у Леонида чувствовалась выдержка, расчет, умение использовать сложившуюся обстановку. Жизнь показала, что я была во многом права.

Говорят, что Леня участвовал во всех операциях, что проводил Сергей (аварии немецких машин, разгон скота, сжигание скирд сена, распространение листовок, вывешивание флагов на зданиях и т. д.). И мне, кажется, что удаче их во многом способствовал Леонид, умеющий использовать сложившуюся обстановку. Так в моем представлении остался этот по виду незаметный паренек.

ВЕНИАМИН ЖДАНОВ

В одном из номеров «Комсомольской правды» за 1944 год появилась статья «Комсомолец из Краснодона». В скупых выражениях описывался подвиг комсомольца Жданова Вениамина: «Старший лейтенант Вениамин Жданов вел свое звено на выполнение боевой задачи. Бой был неравным. Противник в несколько раз превосходил силами наших. Машина Жданова загорелась. Стоял острый вопрос: использует ли командир парашют? Мгновение, и машина Жданова ринулась вниз, направляемая на склад горючего, что был обнаружен нашими разведчиками. Клубы черного дыма, поднявшиеся и окутавшие все окружающее, заставили противника остановить свои действия и дать возможность нашим самолетам скрыться»...

Передо мной карточка Вениамина. Как живой мне представляется хорошо сложенный паренек, с приятными, правильными чертами лица, с пытливыми умными глазами. Вениамин увлекался гимнастикой. Точно сбитое, гибкое тело его было послушным каждому его движению. В девятом классе я преподавала химию и биологию и мое внимание тогда останавливали глубокие вопросы Жданова. Помнится, он взялся за реферат: краткий очерк теории Дарвина.

В ярких, красочных выражениях Жданов изложил свой доклад. На 20-ти листах тетради он записал основные положения теории Дарвина. Если этот материал являлся повторным для учащихся девятых классов, то будучи изложен популярным языком, он являлся интересным для учащихся седьмых-восьмых классов. Своим докладом он пробудил пытливую мысль ребят и как-то чаще стали ко мне обращаться с вопросами ученики названных классов.

Помнится мне случай из того времени, наделавший много шуму.

Группа ребят пошла на речку Каменку купаться. Взрослые выбирали места поглубже. Дно Каменки изобиловало ямами, всегда в тех местах попадались водовороты, и эти места являлись опасными даже для хорошего пловца. К взрослым ребятам всегда пристраивались и подростки. Старшие устроили «гонки». Поднялся шум, смех, сыпались брызги воды. Вдруг воздух огласился криками:

— Черкасов тонет!..

Это был ученик нашей школы — мальчик лет двенадцати, который попал в одну из таких ямок и уже захлебывался. Многие ребята бросились на берег. «Утопаю — спасите!» — крикнул Аркадий Черкасов и скрылся под водой. Жданов лежал на бережку, греясь, когда услышал крик. Миг — и Вениамин в воде. Сильными ударами он рассекает воду и, кажется, вслед за скрывшимся Аркадием ныряет в воду и Вениамин. Прошло 1—2 минуты страшного ожидания и показался Жданов, который как-то боком держал Черкасова. Голова Аркадия все клонилась вниз, рискуя опуститься в воду.

— Сашка, выручай! — крикнул Вениамин.

Безжизненное тело Черкасова мешает свободе движений Жданова, и ему тоже пришлось хлебнуть воды. Было видно по его действиям, что он до последнего будет бороться за свою и Черкасова жизнь. Подплывший Сашка Краснянский остановился на расстоянии и закричал: «Толкни сюда мне мальчонка, я подхвачу, а ты выбирайся как-нибудь сам».

С невероятным усилием Жданов сделал резкое движение, толкнув Черкасова и выпустил его из рук. Краснянский был прекрасным пловцом и часто делал попытки оспаривать первенство у Жданова. Он нырнул,

подхватил тело Черкасова. Положил его голову себе на шею и так, поддерживая мальчика, поплыл. Жданова захватил водоворот. Уже давно ребята (малыши) бросились бежать в город, сигналить о том, что нужна скорая помощь.

Никто из товарищей не мог быть полезным. Остальные плавали плохо. Но все с замиранием сердца следили за его борьбой.

— Выплыл, выплыл! — раздались ликующие возгласы и ребята увидели, как Вениамин, медленно взмахивая руками, часто фыркая, отплевывал воду. Старшие хлопотали около Аркадия. Налаживали искусственное дыхание и, пока подоспела скорая помощь, Черкасов открыл глаза. Пластом лежал здесь же и Жданов, теперь отдыхая. Приехавшим было сначала трудно решить, кто же здесь пострадавший.

В этом самоотверженном поступке — весь Вениамин.

Прочитав заметку в «Комсомольской правде», я подумала, что иначе Вениамин не мог поступить. Ценою своей жизни он спасал жизнь своих товарищей.

ВИКТОР ТРЕТЬЯКЕВИЧ

Имя это старались очернить предатели. Но оно светло для нас, как имя смелого и преданного Родине патриота. Мне хочется рассказать о нем словами близкого ему человека — Ани Борцовой. Я приведу ее письмо.

«Уважаемая, Анна Дмитриевна!

Письмо Ваше получила. Очень рада, что Виктор Третьякевич займет полагающееся ему место среди членов «Молодой гвардии». Вы пишете, чтобы я Вам прислала свои воспоминания о нем. Я с удовольствием это сделаю.

Если бы вы знали, как я переживала его смерть, а еще больше, что под именем Стаховича некоторые принимают Третьякевича. Ведь это так не вязалось с тем, каким я его знала. Вы же знаете, Анна Дмитриевна, что мы с ним учились в одном классе, но по-настоящему я его стала замечать только в 7-м классе, когда он был избран секретарем комсомольской организации нашей школы. Секретарство он принял от Федора Ивановича Иванчикова.

Как-то случилось, что войдя после всех в класс, он увидел свободное место около меня и сел. В перерыве мы с ним заговорили, я теперь даже не помню о чем. На следующий день никто не претендовал на место около меня, и мы просидели весь учебный год за одной партой. Секретарство для Виктора было делом новым и вначале (пока он втянулся в работу) отнимало у него много времени. Даже успеваемость у него снизилась да и сам он похудел. Только глаза горели лихорадочным блеском (от бессоницы, как объяснял Виктор).

Помню, он заметно отличался от многих ребят своею вежливостью, тактом, суждениями. У ребят он пользовался большим авторитетом, да это, пожалуй, и понятно. Он на голову стоял выше многих из них. Особенно я любила наблюдать, как из всей массы выступлений, замечаний, Виктор выбирал и формулировал то, что удовлетворяло людей с самыми различными, казалось, настроениями. Чувствовалось, что Виктор освоился с работой секретаря. Он все больше забирал в руки работу отдельных товарищей, в результате чего поднялась дисциплина комсомольцев. Ушли в прошлое отказ или плохое выполнение заданий.

Вы же знаете, что у нас широко велась внешкольная работа. Популярными были кружки. Особенно хорошо работал струнный кружок, не раз бравший премии при встрече с другими школами. Руководил кружком Виктор. Дисциплина здесь была образцовой. Сам он играл на всех струнных инструментах: мандолине, гитаре, балалайке. Слухом обладал он, на мой взгляд, исключительным. Я как-то сказала ему:

— А почему ты не играешь на баяне?

— А я его не люблю. Вот на пианино я бы играл, но ведь здесь брать уроки-то не у кого, а так...— и он махнул рукой.

Популярным у нас был еще исторический кружок, которым руководил Илья Моисеевич Милов. В это время уже шла война между гитлеровской Германией и Западом. Близко к сердцу Виктор принимал то, что происходило на Западе. Поглощение Чехословакии, Австрии, походный марш гитлеровцев по земле Франции («продали Францию»,— как говорил Виктор), сильно действовали на него. Иной раз его трудно было вывести из задумчивости, когда он что-то механически чертил

карандашом, откликался или, как мы говорили, возвращался к нам после повторного вопроса. Отношения с Виктором у нас были дружеские, хорошие.

Я знала, что у Виктора старший брат живет в Луганске. Время от времени Виктор посещал брата, ездил, как он говорил шутя, «подзарядиться». Илья Моисеевич заметно считался с Виктором, но мы в простоте сердечной, думали, что это происходит потому, что он секретарь. Теперь-то я понимаю, что тут было кое-что другое.

Виктор обладал широкой эрудицией, но никогда, слушая Илью Моисеевича, он не выступал, а только потом уточнял что-нибудь. Помнится мне и еще один случай из этого же времени.

Стояла суровая зима. Полотно железной дороги заносило снегом и тогда останавливалось движение поездов. Жизнь замирала. Виктору Третьякевичу сообщили, что срочно требуются комсомольцы для очистки путей. Как он добился этого—я не знаю, но к 12 часам ночи 21 человек комсомольцев с лопатами на плечах явились на работу. Из них восемь девушек. Снег бьет в лицо, забирается в рукава, а голос Виктора слышен время от времени:

— Давай, давай, товарищи, поборемся с бурей! А там, может, и с Гитлером придется бороться!

За этот возглас, который был известен всему коллективу, Виктора вызывали в райком (ведь Германия имела с нами договор). Что там было — я не знаю. На мои вопросы Виктор отшучивался.

Секретарство Виктора было самым интересным временем во всей работе комсомольской организации нашей школы. На высоком идейно-политическом уровне у нас проходили все мероприятия. Нам жилось тогда весело и содержательно. То участвуешь в вечере вопросов и ответов, то проходит читательская конференция, то антирелигиозная беседа... Словом, не отставали от общего течения. Вот почему я с болью в сердце уезжала по месту работы отца.

Сбылись предсказания Виктора. Германия вероломно напала на Советский Союз. Врагу удалось продвинуться в глубь страны. Началась эвакуация. Уехал мой отец, а потом и я с матерью. Мы с матерью осели пока в Краснодоне, а отец поехал на родину (станица Гундоровская). У тетки была большая семья (трое детей),

квартира была в домике, где жили и вы (одна). Это меня устраивало. Как бывшая ваша ученица, я посчитала своим долгом явиться к вам, а потом бывала запросто, часто с ночевкой. Иной раз, явившись вечером с Виктором, я устраивалась у вас на лавочке. Так тянулось до того времени, пока 20 июня город заняли немцы.

Как складывались у нас отношения с Виктором?

Я чувствовала, что он приглядывается ко мне, как будто вновь изучая меня. В это время он часто куда-то уходил (то в поселок Краснодон, то в Изварино). На мои вопросы обычно отвечал так:

— Надо было товарищу кое-что передать,— а сам как-то испытующе, как мне казалось, смотрел на меня.

Когда началась массовая отправка людей в Германию, он заволновался.

— Тебе, Аня, нужно устроиться на работу, а самое главное не получить повестки и не сделаться рабой немецкого фашизма.

Не помню точно, но кажется через неделю после моего приезда, Виктор стал знакомить меня с ребятами. Многих я знала по школе, особенно девушек, а с некоторыми ребятами встречалась впервые. Обратило мое внимание то обстоятельство, что все ребята, с которыми меня знакомил Виктор, пристально рассматривали меня, а Ваня Земнухов, в силу своей близорукости, даже пригнулся ко мне. Возвращаясь домой, я спросила Виктора, что означает такое пристальное внимание ко мне. Он со смехом говорил:

— Ты же новенькая у нас, ну и надо рассмотреть как следует.

Мне показалось даже, что на слове «рассмотреть» Виктор сделал ударение. С Сергеем Тюлениным, помоему, я встретилась с последним. Вижу ко мне направляется стремительно паренек, одетый небрежно (точно с работы). Всматриваясь в меня, он говорил:

— Чуть помню, а все же помню, как делала мне внушение. Ох, и злился я на тебя тогда! Как же! Девчонка читает нотацию...

Все это Сергей говорил с улыбкой, открывая при этом свои ослепительно белые зубы.

Скоро Виктор предупредил меня, что мне надо будет сходить в станицу Гундоровскую. Улыбаясь, он продолжал:

— Пойдешь проведать отца, а самое главное отнесешь одному товарищу письмо.— Я давно говорила Виктору, что все ребята заняты чем-то, и только я одна не у дел.

Виктор и говорит:

— Аня, не думай, что это такое малостоящее дело, о котором можно со смехом говорить всем и каждому. Дело сугубо конспиративное. Ты должна это понимать, если хочешь быть нашим товарищем.

— Слушай, Виктор, ты от меня что-то скрываешь, ты мне не доверяешь,— и я чуть не расплакалась.

— Не принимай, Аня, все это близко к сердцу. Вот завтра получишь материал, с которым ты пойдешь в Гундоровку. Через два дня я тебя буду ждать, а там мы с тобой хорошо поговорим. Сейчас же мне надо идти, хотя у меня и есть разрешение на право хождения в какое угодно время... Да лучше — как лучше.

Виктор ушел, а я еще долго сидела, перебирая в памяти все, что в эти сутки прошло перед моими глазами. Я была почти убеждена, что здесь имеется молодежная организация.

В Гундоровке я посетила отца, а затем по указанному адресу — Рогозина, которому и вручила материал (два пакета).

В Краснодон я пришла вечером. Шла без приключений. В этот вечер я никуда не выходила (очень устала). Часов в одиннадцать раздался стук в окно и голос:

— Аня дома?

Мама открыла дверь и вполголоса ответила:

— Она спит. Только пришла от отца.

Поздний гость исчез.

Мне почему-то показалось, что заходил Виктор. Встретиться мне с ним удалось только дня через три-четыре. Дело в том, что моя мама сердечница, и ее посетил очередной сердечный приступ, после которого она лежала дня два-три и все беспокоилась, если я от нее отходила. Наконец, я смогла оставить мать и явилась в клуб им. Горького. Другими глазами я смотрела на все происходившее в клубе, в душе смеясь над глупостью немцев, присутствовавших здесь. Я вошла тогда, когда на сцене подвизался наш струнный кружок. Руководил им Сергей Тюленин. Виктора не было, как не было и еще кое-кого из ребят. В этот вечер шли

акробатические номера — соло Любы и другие вещи. Потом, как обычно, танцы. Позднее, к полуночи зал опустел. В это время появился Виктор и еще кое-кто из ребят (я их не рассмотрела). Долго в этот вечер мы просидели с Виктором. И он мне многое рассказал о жизни краснодонских ребят того времени.

— А не думаешь ли ты, Аня,— говорил Виктор,— что нам, молодым, здоровым людям стыдно сидеть в тылу у немцев и не сделать попытки помочь нашей Советской Армии. Вот такую попытку делаем и мы. У нас имеется молодежная организация, в которую входят почти все ребята из Краснодона, Первомайки и других мест. Руководят нами проверенные люди, члены партии. Ты слышала о такой организации, как мехцех? Вот там собралось наших человек пятьдесят—шестьдесят. «Работают», а руководит ими Лютиков Филипп Петрович, отец Раички, ты, верно, его помнишь. Он ведь часто приходил к нам в школу. Ты удивляешься, что я, смотря на зарево пожара в колхозе «Пятилетка», что-то шептал, как одержимый (это ведь твое выражение). Это работа наших ребят. Ты видела Васю Левашева, этого скромного и незаметного паренька? Он брат Сергея Левашева. Это мои товарищи. Ну, что бы не поручил Васе обязательно выполнит.

Долго еще Виктор говорил, а я сидела и слушала, как завороженная. Возбужденная, помните, я явилась к вам и на ваше замечание ответила:

— Ах, Анна Дмитриевна, как интересно жить!

Я начала говорить о том, что поведал мне Виктор.

Этот вечер мне запомнился на всю жизнь. Ведь даже не дослушав меня до конца, вы начали меня «отчитывать». Мне так и помнятся ваши слова:

— Он рассказал тебе, как другу, как близкому человеку... Ты вспомни его слова: «Я тебе верю, как верю самому себе». А ты... Ты ведь это могла рассказать и подружке и еще кому-нибудь.

Я поняла, какую оплошность сделала, и расплакалась. Помню, я всю ночь не спала, а наутро я спросила у вас:

— А можно мне рассказать это все Виктору?

— Скажи, скажи, пускай он еще тебя пропесочит.

В этот же вечер я рассказала Виктору, а он мне ответил:

— Глупая ты еще, Аня! Видно, не отдаешь отчета в том, что можно, а что нельзя говорить. Да это ведь результат нашего воспитания. Нас учили говорить правду, не таясь, как бы горька она ни была. А тут дело другое,— помолчал Виктор, а потом и говорит: — Что ты сказала Анне Дмитриевне, это еще полбеды. Она о многом догадывается. Мы бы ее давно привлекли к активной работе, да ведь больной человек.

Сравнительно скоро после этого была обобрана машина, везшая рождественские подарки для немецких солдат. Ликвидировав подарки, наши ребята наградили всех малышей, которые помогали растаскивать и укрывать вещи. Следов не осталось. Но дети — это дети. Вошел как-то немец в клуб, потянул воздух и бросился ему запах сигарет, тех самых, которые были в машине. А на другой день на базаре появились «пацаны», которые предлагали купить сигареты. Одного из таких мальчишек взяли в комендатуру. Он-то и сказал, что ему их дал Третьякевич за то, что он-де помогал ему жечь бумаги. Мальчишку, надавав ему по щекам до синевы, вытолкнули вон.

В этот день арестовали Третьякевича, Мошкова и Земнухова. Хотя я и не была членом «Молодой гвардии», но как только начались аресты, мне в руки попала записка с одним словом: «Уходи. В.». Я ушла. Говорят, что спустя неделю, на квартиру моей тетки явился полицай, который спросил: где я нахожусь и когда ушла. Выслушав ответ, он сказал:

— Значит, улетела птичка! Найдут!

Вот все, что я знала о Викторе».

БУРЕВЫЕ ДНИ

ВЕЧЕРНЯЯ ШКОЛА

В 1941 году Сережа окончил семь классов, а в восьмой класс массовой школы не пошел. Слабое здоровье Гаврилы Петровича заметно влияло на прожиточный минимум семьи, и Сережа стал искать работу, записавшись в вечернюю школу взрослых.

Наступил новый 1941—42 учебный год. Теперь вечером можно было встретить многих из наших ребят, ос-

тавивших массовую школу и посещавших вечернюю школу молодежи.

— Ну что ж, ребята, не жалеете, что бросили школу? — иной раз спрашивал кто-нибудь из педагогов.

Замедлил Сережа с ответом, а потом и говорит:

— Я так и не разберусь. Мне кажется, что в школе прошло мое детство, а теперь настала другая пора. Как вспомню, что только выстраивал еще так недавно, так и самому становится смешно. А теперь и не тянет. Теперь хочется побольше знать. Да я, если не удастся летная школа, вновь приду к вам. Ведь примете?— спрашивал он.

Школа рабочей молодежи занималась в третью смену, в здании нашей школы.

Случилось как-то так, что комсомольская организация устраивала собрание, на повестке дня которого стоял вопрос: «Доклад о дружбе и любви». Тема привлекла массу публики. В зале негде было сесть. Увидела я там, среди сидящих, и Сережу. Он сидел в первых рядах, не спуская глаз с докладчика. Видно было, что он по-своему осмысливал все, о чем тот говорил, кстати, очень сухо и неинтересно. Встретив меня после окончания доклада, он дал волю своим горячим чувствам.

— Почему меня тянет, как магнитом к одним ребятам и отталкивает от других? С Витькой Лукьянченко я могу часами говорить, даже мне хорошо с ним и молчать... Словом, я бы с ним жил и никогда бы он мне не надоел. Так же с Леонидом. Ваню Земнухова я коекогда бы послушал. Он обязательно скажет что-нибудь такое, чего я еще не знаю, или оно у меня еще «тыробом» лежит, не на месте. А Ванчук скажет, как будто порядок наведет в доме. Только удивляешься, чего это сам до этого не додумался. С Толькой Ковалевым я люблю померяться сноровкой. Ловкость у него большая и сила, каких мало. Хватки много, а больше у нас общего ничего нет. Люблю разговаривать с Володей Осьмухиным. Я и теперь иной раз захожу в комнатку под лесенкой. Окончатся занятия у нас, а у Осьмухина еще огонек горит... Постучу я ему. Откроет, и сидим мы с ним иной раз до двенадцати, а то и до часу ночи. Мечтаем все... Володя много читает технической литературы. Как начнет он говорить, что будет вот скоро-скоро,

так аж не верится. Я ему даже как-то сказал, что опоздал он родиться, а то как Галилея сожгли бы на костре,— говорил Сережа, улыбаясь своей, только ему свойственной улыбкой.

Смеялась тогда каждая жилка его лица.

Начались проверочные испытания (наша страдная пора), и я мало видела Сережу в это время. А от школы он, видимо, отвык, да и ребята были заняты. Как-то случайно узнала я, что Сергей давно бросил вечернюю школу. Что-то не удовлетворило его там.

— Появились у него в это время новые знакомые,— говорила Надя,— но менялись они очень часто.

Только в тире он был теперь завсегдатаем, выбивая без промаха нужное количество очков. Работал в это время Сережа на шахте 2—4, где все, начиная со сторожа и кончая инженером, хорошо знали Гаврилу Петровича и радушно в свою шахтерскую семью приняли Сережу, справляясь иной раз об отце. Был Сережа и коногоном, отгребщиком, бурильщиком, крепильщиком и решил он направиться в забой.

— Хочу быть главной фигурой на производстве,— заявил он о своем желании.

С сомнением посматривали начальники на небольшую фигурку, хоть и коренастого паренька, но имя Гаврилы Петровича решало все, и Сережу посылали туда, куда он хотел. Среда, в которой вращался Сережа, начинала откладывать на нем свой отпечаток. Както по-иному он стал носить шапку, «цвиркать» через губу в нужных и ненужных случаях. Вот только курить не научился.

— Скажи, Сережа, а как у тебя с танцами? Танцуешь?

Чуть замялся Сережа и говорит:

— Чечетку выбиваю, а другого ничего не умею.

Приближался выпускной вечер.

И вот день 22 июня. Вместо ожидаемого ученического торжества во дворе школы нам пришлось проводить митинг, на котором присутствовали не только наши учащиеся, но и граждане близлежащих улиц. Германия вероломно напала на наш Советский Союз. Выступал директор школы, а затем слово взял Илья Моисеевич. Речь его была такой прочувствованной, слова хватали за душу, звали на подвиг.

— Мы сегодня получили путевку в жизнь... На каком бы участке нашего строительства мы не стояли, будь то труд или фронт, обещаю честно служить Родине, как учит нас партия, Ленинский комсомол, как учила нас школа.

Так говорил один из учащихся...

В школе оказался и Сережа. Он, видимо, явился сюда прямо с работы. Был в шахтерке, но с чистым лицом.

— Я уже был на митинге у себя на шахте, но меня потянуло сюда. Я все еще ваш. Никак не отвыкну от школы.

1941—1942 ГОДЫ

Жили мы тогда от одной сводки Информбюро до другой. На столике у репродуктора лежала тетрадь, карандаш и тут же географическая карта, по которой потом отыскивали названные города. За скупыми словами сводки: после ожесточенных боев нами оставлены населенные пункты....— нам представлялась жуткая картина продвижения гитлеровских головорезов. Мы читали газетные сведения о зверствах фашистов, и не хотелось верить, что они могут быть на земле, что они возможны.

Из рук в руки передавали письма с фронта, письма близких нам людей, в которых были те же рассказы о чудовищных зверствах и издевательствах над советскими людьми. Атмосфера накалялась. Зрела мысль-решение все отдать за то, чтобы уничтожить зверей, людей потерявших человеческий облик.

Встретила я в начале сентября и Сережу. Шла я по мало оживленному переулку, расчитывая спокойно добраться до дому. Переходя улицу, я почти столкнулась с ним. Встреча была неожиданной, но приятной для меня и, кажется, для Сережи. Лицо его выражало неподдельную радость, улыбка освещала его. Пристально всматриваясь в Сережу, я отметила то новое, что появилось у него. Он несколько подрос, черты лица его както обострились (он заметно похудел). Острее, напряженнее стал взгляд. Почти в одно время мы спросили друг друга:

— Как живется, что делаете?

Кому же первому отвечать?

Начнем по старшинству,— с прежней улыбкой сказал Сережа.

— Вы не собираетесь выезжать?

— Не могу я оставить парализованную мать. Совесть бы замучила.

— Я вас понимаю, Анна Дмитриевна! А как у вас с продуктами?

Я не спешила отвечать. Сережа продолжал:

— Если вам, Анна Дмитриевна, нужна будет моя помощь, то я, надеюсь, вы еще не забыли, где я живу... У меня нет скатерти-самобранки, но я смогу лучше справиться хотя бы... с тачкой, а это теперь важно,— с прежней, чуть озорной улыбкой говорил Сережа.

Поблагодарила я его. Такая забота растрогала меня до слез.

— А теперь, Анна Дмитриевна, об общем положении...

И он начал говорить о положении на фронте. Я не прерывала его, понимая, что ему надо высказаться.

— Я, Анна Дмитриевна, ищу свое место тут, чтоб с наибольшей пользой проходила бы жизнь...— и он чуть замялся.

— А что ты сейчас делаешь?,— успела спросить я.

— Готовлюсь. Иначе я никак этого не назову. Я ведь в истребительном с Кимашей подвизаюсь. Только во взглядах на дальнейшее расходимся. Он пойдет в истребительный, а я еще не знаю. Шурфы у нас глубокие. В крайнем случае можно пересидеть. Я в этом направлении кое-что предпринимаю, но это еще впереди!

Сережа десять раз передвинул на голове кепку. Она сидела у него и назад козырьком, и набок, а под конец он сделал из нее какой-то причудливый блин и собирался в таком виде посадить на голову.

— Что-то изменилось у тебя... Вот это...— и я задержала его руку с кепкой.

— Ага, вы правы, Анна Дмитриевна,— как-то, пожалуй, автоматически отвечал он.— Я вот прямо осязаю... когда читаю слова: «Все ценное имущество, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться». А в случае... а разве мало ценного у нас... в каждом уголке нашей страны... Даже у нас вот тут в Краснодоне!

Как ни медленно мы шли, но я была почти у дома и остановилась.

— Пришли? — точно проснулся Сережа.— Вот я все время говорил, а вас и не послушал... А скажите, Анна Дмитриевна, не делаю я тут «загибов»? Мы с Кимашей часто об этом говорим. Он меня все допекает: «Один в поле не воин», а я ему отвечаю: «И один в поле воин, если у него на плечах голова, а не чурбан...»

Смотрела я на Сережу и мне было ясно видно, как повзрослел, как посерьезнел он. А, может, мне это кажется, потому что я долго не видела Сережу и рассматривала его как почти нового для меня человека. Прощаясь с Сережей, я сказала:

— Что мне пожелать тебе? Будь честен! Люби нашу Родину, наш народ, который вырастил-воспитал тебя, вложил-привил понятия чести, коллективизма и эту беззаветную любовь ко всему передовому, прогрессивному. Люби так, как любишь самое дорогое — жизнь.

— Спасибо, Анна Дмитриевна, за пожелания!

И мы разошлись.

Ходили ко мне многие ребята. Я знала всю их жизнь. Почти все наши учащиеся девятых классов ушли в десятый класс школы имени Горького (ибо одна она осталась средней школой). Там Юрий Вициновский, Клава Ковалева, Алла Сафонова и многие другие. В. Осьмухин, Т. Орлов остались работать в механическом цехе. Борис Клыго, Саша Клюзов, Саша Краснянский и другие ушли на фронт.

Прочитала я письмецо от Бориса уже с фронта. В нем он еще жил всем тем, что окружало его до этого: комсомол, школа и т. д.

Вспомнили мы тут, как договорились на выпускном вечере о том, что в день 20 июня, где бы ты ни был, всегда должен подать весточку о себе. Притихли ребята, предавшись воспоминаниям.

— А Лесик Воробьевский ушел к бабке в Гундоровскую, там кончает 7-й класс.

— А Люба Шевцова, Дуся Ревина, Анатолий Николаев, Шура Панченко посланы райкомом комсомола в Ворошиловград на курсы радистов. Там еще много ребят из других школ. А что это за курсы? — спросил кто-то.

— Там разный профиль: и секретарей райкомов, и радистов, и другие...

Многие ушли в ряды Армии.

— Ну, а Сережа? — спросила я.

— Он теперь в восьмом классе вечерней школы. Видели мы его, когда мололи зерно. Назвал он нас «молодцами» за то, что мы сделали. Передал вам привет. Сказал вот что на наше приглашение идти к вам: «Передайте Анне Дмитриевне привет. Скажите ей, что я крепкий, как молодой дубок. «Войтанник» (стало быть, военком) прогнал. Не гожусь в Красную Армию!» А встретили мы его и Кима по дороге. Шли выполнять задание. Они ведь в истребительном. Да еще на казарменном положении. Сережа балагурит по-прежнему. Не разберешь, где правда, где шутка. Шли оба с винтовками. Мы их обозвали «Пат и Паташон». Кто-то даже сказал: «полтора». Сережа начал проверять в два ли раза Ким больше его. Тот даже начал сердиться. Чудаки, а потом рассмеялись и пошли обнявшись.

Прошло много времени, прежде чем я увидела ребят. Они, правда, были у меня, когда умерла мать (предлагали свою помощь).

Орудийная канонада становилась слышнее. По профилю дороги шли торопливо наши части, обозы.

Фронт приближался.

С одной из частей шел капитан Дубченко, который забежал к Минаевым, предлагая Нине уехать.

— Нет,— ответила она.— Постараюсь быть полезной здесь. Уезжать не собираюсь. Бейте врага на фронте, а мы здесь в тылу, встретимся — подытожим нашу работу.

Сама Нина с рядом подружек прошла курсы медсестер.

17 июня 1942 года можно было еще встретить отдельные воинские части, которые торопливо шли по профилю. Встречались еще кое-где подводы с набитым скарбом и малыми детьми.

Взорвав шахты, ушел истребительный отряд, с которым теперь шагал Ким, расставшись с Сережей. А Сережа попал еще в окопную группу, которая работала где-то под Семейкино. В окопной группе находился муж сестры Сережи — дядя Петя. Вот больного-то дядю Петю и должен был разыскать Сережа и доставить его в

Краснодон. Такое дело могло удаться только Сереже, благодаря его изворотливости, находчивости.

В ночь под 19-е пришел Сережа домой и первым делом постарался проверить, все ли ценности уничтожены.

— Ну, мать, теперь я с тобой рассчитался. Выполнил обязанности мужчины в доме, о чем ты часто говоришь.

— А баня-то баня,— сказал он Наде.— Достанется немцам. Нет, нет!

И Сережа исчез.

Хочу возвратиться к сентябрю 1941 года.

Из скупых сводок Советского Информбюро мы знали, что продвигавшиеся быстрыми темпами немецко-фашистские орды замедлили свой шаг, изматываемые нашими войсками Советской Армии. Но в конце сентября в городе прошла первая эвакуация. Снялись Ворошиловградские учреждения (областные), эвакуировался трест, райисполком, горсовет, военкомат и т. д. Орудийные раскаты были хорошо слышны со стороны Красного Луча, что находится от нас в 90 км. пути.

Так, однако, прошла вся зима и весна.

В течение полугода у нас была одна организация, которая, помнится мне, крепко взяла в свои руки всю хозяйственно-политическую жизнь города. Это был райком партии тогдашнего состава. Члены его, как будто, никуда не собирались уходить. Распоряжения отдавались четкие, спокойные, исчерпывающие. Ходили по городу и коммунисты. Я часто видела председателя горсовета т. Яковлева и других.

Евдокия Федотовна Лютикова рассказывала мне, что ее мужа вызвали в райпартком задолго до эвакуации.

— Какой был разговор там, я не знаю, но с тех пор Филипп Петрович стал говорить, что в эвакуацию мы поедем без него, что ему-де нужно еще справиться здесь кое с чем, а, возможно, что он вовсе не выедет.

Как узнали мы потом, это был момент, когда Лютикову было предложено остаться в городе и возглавить партийное подполье. Как старый член партии, имевший опыт ведения партизанской борьбы в 1918—20 гг., он заявил:

— Я солдат партии и буду выполнять то, что она мне прикажет.

Вот в это-то время и развернулась интенсивная подготовка по оформлению партизанского отряда. Позже мы узнали о создании крепкого партийного партизанского ядра. Сюда входили: Лютиков Ф. П., Бараков Н. П., Винокуров Г. К., Яковлев С. Г., Дымченко М. В. и др. Все они были расставлены на различных участках единого целого, имя которому было партийное подполье города Краснодона.

Местность наша не имеет лесов, этого естественного приюта партизан, но изобилует шахтами, шурфами, которые при случае могут служить естественным укрытием. В различных местах создавались склады оружия, вещей, продуктов. На поселке Краснодон был такой склад в доме Жени Кийковой, члена подпольной комсомольской организации «Молодая Гвардия». Екатерина Сергеевна Сулейман (тетка Жени Кийковой), работник райкома партии, часто курсировала между городом и поселком, каждый раз увозя нужные для подполья вещи, продукты, оружие.

Так образовался склад в бывшем динамитном погребе, что позволило Дымченко при встрече с Земнуховым сказать: «Хоть роту вооружим». Такой склад имелся в Изварино и еще, вероятно, в других местах. В это время проверялись, уточнялись явочные квартиры, намечались возможные для работы люди.

Так продолжалось до июня 1942 года, то есть почти в течение полугода. Этот продолжительный период дал возможность хорошо подготовиться и организационно и политически.

В это время (в первой половине июня 1942 года) мой сосед по квартире сообщил, что в город приехал секретарь ЦК КП(б)У Демьян Сергеевич Коротченко. Возможно, это известный в исторической литературе факт, но я хочу к нему возвратиться еще.

Собрался в зале райпарткома весь шахтерский актив с партийными группами. Говорят, никогда так тепло, с такой надеждой, с такой любовью не встречали Демьяна Сергеевича шахтеры, как в тот знаменательный день. Когда он появился в президиуме, с признаками крайней усталости на лице, с воспаленными от бессонницы глазами, все как один встали приветствуя его, пока

он сел. В этом чувствовалась глубокая преданность, любовь к нашей партии, безграничная вера в то, что только она приведет к победе, уверенность, что это будет, что наше дело правое и мы победим.

Демьян Сергеевич Коротченко осветил положение на фронтах Отечественной войны, рассказал о героических усилиях, что делает наша Советская Армия, чтобы остановить, измотать силы врага, поколебать миф о непобедимости фашистских орд. Он говорил о героизме советских людей, отстаивающих с беззаветной преданностью каждую пядь нашей советской земли. Он говорил о заботе партии, об укреплении тыла, плановой эвакуации промышленности, о том, что нельзя оставлять врагу наше богатство. Он перешел затем к тому, чего ждут от шахтеров Донбасса партия и правительство.

Слова, которыми говорил Демьян Сергеевич, были проникнуты такой верой в нашу победу, таким чувством уверенности, что наш шахтер Донбасса, как и раньше, окажется в передовых рядах выполнителей заданий партии и правительства, что шахтеры-отцы, которые пришли сюда со своими детьми, а кое-где и с внуками,— плакали, не скрывая своих слез.

— Все сделаем, товарищ Коротченко! Не подведем! Не достанется Всесоюзная кочегарка фашистам. Не позволим! — немногословно, но веско сказали шахтеры.

Люди выходили подтянутыми, с чувством решимости все сделать, что от них потребуется. И эти чувства можно было прочитать на каждом лице. Приезд товарища Коротченко, выдающегося деятеля партии, собрание партактива шахтеров были решающим для нашего города. Четче даже стали шаги шахтеров, каждый из которых как будто нашел теперь свое место в этой жестокой схватке с фашизмом.

В городе давно располагалась какая-то часть, которая была расквартирована по Банковской улице, а штаб ее стоял у Филиппа Петровича Лютикова. В своих воспоминаниях Раичка Лютикова говорила о том, что часто видела, как члены группы сидели с Филиппом Петровичем в долгой беседе, когда для всех тогда Лютикова не было дома. Она видела, как часто, переодев-

шись, военные куда-то уходили в ночь. Много непонятных для Раички событий проходило перед ее глазами, и только потом, при воспоминаниях, они пролили свет на деятельность ее отца.

Мне же помнится из этого времени следующее. В городе разбилась парашютистка Лида (у нее не раскрылся парашют при затяжном прыжке). Хоронили ее с воинскими почестями и начальник группы (полковник) в своем выступлении обронил: «Она готовила себя для работы в тылу у немцев». Близкие, доверявшие друг другу люди, были уверены, что к борьбе в тылу врага ведется самая деятельная подготовка. Жизнь потом подтвердила эти наши предположения.

Молодежь бурлила. Многим из них не удалось эвакуироваться. Пришлось вернуться домой и искать какого-то легального существования.

В августе 1942 года появился Женя Мошков, командир Советской Армии, которому удалось скрыться из Миллеровского лагеря, когда пленных переводили из одного места в другое. Кандидат партии Женя решил сейчас же связаться с партийной организацией и тут-то он столкнулся с Филиппом Петровичем Лютиковым. Скоро Мошков стал тем центром, около которого группировались ребята. Он занимал в это время пост директора клуба им. Горького, давая возможность легально собираться молодежи. Партийная группа, Филипп Петрович Лютиков, следили за ее ростом и скоро поставили во всю ширь вопрос о ее организационных формах. Вот тогда-то и укреплялся штаб «Молодой Гвардии», который и возглавил ее работу в целом. Лютиков, старый друг школы, великолепно знал характеры и способности ребят. Буквально с педагогической мудростью он указывал каждому его место в тяжелой, опасной и изнурительной борьбе. Видимо, поэтому организация стала сразу же необыкновенно деятельной.

Филипп Петрович — проницательный, мудрый и необыкновенно мягкий человек. Я помню его с поразительной ясностью в грозные дни приближения врага. Он был необыкновенно занят подготовкой подполья и на-

ходил время для семьи, может быть допуская, что видится с нею в последний раз.

Собиралась в эвакуацию и семья Лютиковых.

— Раичка, да помоги же мне, доченька! — говорила Евдокия Федотовна Лютикова, укладывая вещи в узлы.

В руках у нее была кукла, которой играла дочь в детстве. Сейчас девочке 13 лет, а куклу все же жаль бросить.

— Не нести же куклу к соседям с просьбой сохранить ее.

Девочка со светлым личиком, на котором горели, как яхонты, темные глаза, с русыми волосами, вьющимися от природы, стояла, вперив свой взгляд на дорогу, по которой пошел ее отец.

Прощаясь, он шептал ей, чтобы никто другой не слышал:

— Расти, доченька. Будь честной, правдивой. Люблю я тебя горячо, сильно, и за твое счастье, за твою жизнь, за твою радость будущего я буду бороться. Человеком меня сделала партия. Она сейчас требует всей моей энергии, всей силы, какая есть у меня, и я отдам ее. А если потребуется, и жизнь отдам, не жалея.

Вот слова, которые сказал отец Раички. Сказал тихо — суровость-то какая: чтобы никто не слышал, не мог предположить чего лишнего. Глубокого их смысла девочка еще не поняла, но они запали ей в душу, в ее сознание. Да и самый вид, поведение отца заставили девочку насторожиться. Она одна у своих уже немолодых родителей. Души они в ней не чаяли. А вот оставлял же их отец в такую минуту одних. Видно, дело, ради которого он ушел, очень важное. Раичка слышала, как на слезы матери Филипп Петрович бросил:

— Нужно зарегистрировать отряд!

Какой отряд, что это такое — девочка не знала. Вот почему на зов матери ответила:

— Сейчас, мамочка,— а сама, точно в забытьи, стояла на месте, силясь понять, что же хотел сказать отец. Раздавшийся в дверь стук вывел девочку из оцепенения.

— Дядя Саша, вы за нами?

— Да, Раичка, вы должны попасть в машину треста. Скоро отходит последняя.

Девочка больше не расспрашивала. Какие-то люди, которых поименно называл дядя Саша, вынесли вещи, а из последнего узла выпала плохо уложенная кукла и, ударившись о камень, осталась лежать на дороге в виде горки тряпья, теперь уже никому не нужного.

* * *

Грустно смотрели советские люди, как на восток отходили наши части. Шла артиллерия, шли обозы, интендантские склады, шла пехота.

Торопились сделать как можно больший путь, а поэтому двигались без дневок, на которых можно подправить обувь, выстирать белье, или помыть уставшее, пропотевшее тело. Лица бойцов были изможденными от изнурительной дороги.

19 июля в городе вдруг наступила пугающая тишина. Нигде ни души. Всякое движение прекратилось, а 20 июля появились немцы...

По дороге от станции Дуванная послышался гул моторов, который все нарастал. Скоро появились и немецкие танки с открытыми люками, из которых выглядывали самодовольные лица «победителей». Танки лязгали гусеницами. Лязг металла был особенно явственно слышен. Собакам в этом лязге тоже послышалось что-то новое. Они яростным лаем встретили незванных гостей, но или умолкали, сраженные пулей, или сами укрывались в надежные места.

От профиля, пересекая дорогу и направляясь на Милицейскую улицу, бежала молодая женщина. Волосы ее выбились из-под платка, глаза готовы были выскочить из орбит. Она все что-то шептала губами, время от времени оглядываясь назад.

— Немцы, немцы!.. — говорила она.— А дети одни... Что-то будет...— и она еще скорее бежала, размахивая корзинкой, в которой лежал картофель, да четвертушка с молоком. Ее дала бабушка из своих запасов для маленьких внучат. Быстрый бег, испуганный вид не понравились фрицам.

— Хальт! — закричал один из них. Женщину точно подстегнули. Она ускорила бег. Немец снял винтовку. Почти не целясь он выстрелил и, сраженная пулей,

женщина остановилась, упала на дорогу и затихла навек. Даже мертвой рукой она крепко держала корзинку.

— Из-за заборов, палисадников, приоткрытых ставень выглядывали бледные, хмурые лица горожан.

Изварин, кулак Первомайского поселка, появился видно вместе с фрицами.

— Зажили ссадины от кулацкого ярма, так вновь его нацепили,— шептали в поселке, с тревогой посматривая по сторонам: не подслушали бы, всего теперь жди!

Кулак Трофименко по старости оставленный в поселке, выполз на дорогу, обрядившись во все новое. Достал он со дна сундука и казачью, с красным околышем, фуражку. Трясущиеся руки, разбитая походка так не гармонировали с одеждой, что нельзя было без смеха глядеть на эту злобную развалину. Увидев идущих немецких солдат, Трофименко бросился к ним с приветствием:

— Дорогие други... двадцать пять лет вас ждал, мои избавители,— и лез к ним целоваться.

Оценил «избавитель» стоимость дедовых сапог и жестом приказал снять их. Поюлил дед, но делать было нечего. Остался он в опорках и глухими переулками отправился домой. От всевидящих глаз детворы ничего не скроешь, и внук Ванюша ехидно спросил:

— Деда, а кому ты променял сапоги?

Смущенным взглядом посмотрел дед на Ванюшу и выдавил:

— Эти обормоты, фрицы, сняли. Ну да погоди ужо...

— Что, дедушка, воевать пойдешь?

— Пойдешь, пойдешь! Я и тут буду воевать...

О боевых действиях молодогвардейцев, о деятельности штаба «Молодой гвардии» опубликовано достаточно материалов. В одних из них меньше, в других больше приводится фактов о действиях Краснодонского подполья. Обобщая свои записки, я не задавалась целью писать еще одну историю «Молодой гвардии». Это мне не по силам, да и задачи такой я не ставила перед собой. Я лишь хотела продолжить начатое в первых главах книги, сообщить об эпизодах, которые мне были известны, о незабываемых встречах с дорогими

мне людьми, о беседах с близкими друзьями и товарищами. Пусть не смущает никого то обстоятельство, что я не упомяну отдельных широко известных имен. Я знаю, они прочно вошли в историю. Но ведь не со всеми я была близка настолько, чтобы они поверяли мне свои секреты, не все знала, не все имела возможность видеть и оценить. Этим, вполне понятно, может объясняться некоторая узость последующих записей. А потом мне хотелось прежде всего сообщить о том, что еще остается нерассказанным.

СЕРЕЖА ИЗУЧАЕТ, НАБЛЮДАЕТ

— С приходом немцев Сережа целые дни не был дома,— говорила мне его сестра Надя.— Приходит он однажды бледный, что стенка. Лег вниз лицом и так пролежал до вечера. Подсела я к нему, и мы разговорились...

— Надя, скажи, где бойцы, что остались в больнице? Сколько их всего было?

— Семь человек. Пятерых мы отдали жителям... успели... А двух снесли в угловую (за кухней) комнату — бывшую кладовую. Не все знают, что они там! Штат надежный... не выдадут!

— Если бы ты знала, что я видел...

И Сережа начал свой рассказ.

— В домике, что примыкает к шахте № 1-бис, остались два раненных бойца. Их открыли немцы... Выволокли... издевались... Одному отрезали нос, выкололи глаза... Лежали они на дороге, конвульсивно подергиваясь. Подошли две немолодые женщины. Хотели снести с дороги бойцов... К стеночке только... Одного уже снесли... Взяли другого... Подбежали два фрица. Женщин сбили прикладами, пинали ногами... Одна осталась лежать с мертвым бойцом на дороге, другая на четвереньках отползла в сторонку...

Я видел, как ухмыляющиеся фрицы вели, подталкивая молодую женщину, за которой бежал трехлетний ребенок и громко кричал. Женщина оглядывалась, что-то говорила мальчику. Остановился фриц, повернулся и... застрелил ребенка. Женщина закричала, упав на дороге. Движущийся ряд машин затормозил свой бег,

но фриц сделал движение рукой, машины поехали, а после них осталась груда человеческого мяса...

Картина, нарисованная Сережей, так остро им переживалась, что он склонил бледное до синевы лицо на подушку, у него, как всегда в таких случаях, появились позывы рвоты. Уложив его, я вновь присела у его изголовья.

— Я много наблюдал немцев. Они храбры там, где чувствуют свою безнаказанность... Вот слушай. В одном из глухих переулков Первомайского поселка, в заброшенном и забитом досками сарайчике, оказался небольшой склад оружия, на который наткнулись мальчишки во время игры. Староста поселка решил препроводить оружие в город, в комендатуру. Снарядили подводы, взяли пяток полицаев в конвой, и под вечер поселковые люди видели, как три подводы, груженные снарядами и винтовками, медленно двигались по профилю. Они поравнялись с пустырем, на котором заботливые хозяева города разбили виноградник. Оказывается буйно разросшиеся кусты зелени скрывали засевших там ребят. Застрочила очередь из автомата. Сопровождающие подводу полицаи, пригинаясь, бросились бежать. Вмиг ребята расхватали винтовки, даже пулемет исчез, а нахлестываемые какими-то хлопцами лошади, обезумело неслись, но теперь не по профилю дороги, а узкими переулочками, цеплялись за углы тесных поворотов. Наутро не осталось и следов происшедшего здесь события. Исчезли подводы, лошади, исчезло содержимое подвод. Тихонько шептались женщины: «А у нас кто-то работает, помогает Красной Армии!»

— Кто же это мог? — спросила Надя.

— Не знаю....— ответил Сережа и отвернулся, что всегда свидетельствовало — неправда, знал, только не хотел говорить.

У меня зародились какие-то неясные подозрения в отношении брата. Что-то уж очень подробно рассказывал он о происшествии.

Это было 23 августа. В этот день и Миша Григорьев тоже был в приподнятом настроении. Он все время напевал свою любимую песенку:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье,
Белой армии оплот.

— Какая удача! — восторгался он, неизвестно к кому обращаясь.— Вот здорово!

И я вдруг услышала, как Сережа горячо прошептал:

— А как пополнится наш склад!

Да, он был главным участником этой операции — в августе 1942 года.

— Потом наши разговоры стали более откровенными,— рассказывала далее Надя. Однажды он сказал:

— Нам сидеть так нельзя! Надо помогать Красной Армии расправиться с гадами... Надя, ты член партии, скажи, не знаешь ли ты о том, кто оставлен у нас для подпольной работы в городе? Не верю я, чтобы такой организации не было. Есть, обязательно есть! Нужно только найти...

И Сережа искал.

Приходит он как-то веселым, даже песенку поет. Голос у него был «бархатный», с переливами. Остались мы с ним одни.

— Ну, знаешь, сестренка, какая удача! Встретил Толю Орлова, узнал, что наших много застряло здесь. Слушай,— загибал он пальцы.— Орлов — раз, Осьмухин — два, Вициновский — три, Ковалев — четыре, Григорьев — пять... Даже Ваня Земнухов дома. Попал в окружение — вернулся! А девчата почти все дома!

Изменился с этого дня Сережа. Стал реже ночевать дома. Все время был чем-то озабочен. Как-то вечером, лишь я вошла в комнату, он и сказал:

— Сегодня, сестренка, мне твоя помощь нужна! Я уйду, а вернувшись, постучу в твое окно... Откроешь?

— Конечно, открою.

Сережа ушел. Напрасно я не спала, ожидая стука. Сережа домой не вернулся.

Прошло несколько дней.

Всюду по городу были расклеены объявления-приказы, на которые не скупились «носители нового порядка». И ходить по городу позже семи часов нельзя, и оружие держать нельзя, и не работать нельзя, и на бирже труда обязательно зарегистрироваться надо, а люди, не выполнявшие приказа, караются одной мерой наказания — смерть.

— Ведь за один наган — смерть, а если их много, то еще посмотрим! — шутил Сережа.— Если позже семи

часов идти, то есть в восемь-девять появиться на улице, да еще смотря где,— смерть. А если в двенадцать — час — это еще посмотрим!

Почти все ребята устроились на работу. С формальной стороны все как будто было благополучно, но, встречаясь в это время со многими из них, я хорошо видела, что они живут одной общей жизнью, спаянные единым стремлением, а поэтому и понимают друг друга с полуслова, жеста, взгляда.

Но пришлось столкнуться с невероятным: Ковалев, Григорьев и Пирожок ходили по городу с повязками полицейских! Я не могла поверить, что они изменили Родине, изменили тому, что знали всегда, с первых минут зарождения памяти своей.

Да это, кажется, было так. Я встретила Григорьеву-мать. Она ничего не могла мне сказать в оправдание чудовищного поступка Миши.

— Объявил вдруг, что поступил в полицию,— говорила она, утирая слезы.— Я обмерла. И отец-то в Красной Армии, и самое слово — полицай — позорное. А тут дитя родное — полицейский...

— Что ж он говорит? — спросила я.

— Так надо, мама, говорит. Больше я от него ничего не добьюсь.

«Так надо»,— врезалось мне в память.— Значит, не «так хочу», а «так надо». А может быть, действительно, так надо,— ухватилась я за эту мысль, и на сердце стало легче.

Прошло время, и тайна этого поступка открылась.

В ночь под седьмое ноября 1942 года всякими правдами и неправдами Анатолию Ковалеву и Михаилу Григорьеву удалось добиться, чтобы дежурить вместе в полиции. Было три часа ночи. Уставшие палачи прекратили, наконец, свои издевательства над советскими людьми, которые сидели тогда в казематах. Слышались глухие стоны истерзанных, избитых, бодрствовали дежурные полицаи, время от времени выходя во двор. В воздухе было уже морозно, и долго во дворе дежурные не задерживались.

— Пойдем, Анатолий, с тобой дежурить во двор,— предложил Миша.— Уж мы, верно, дольше выдер-

жим, но зато хорошо прикурнем. До утра ведь еще далеко!

Ребята вышли. В углу сарая стоял заранее приготовленный Мишей шест со вбитыми гвоздями для полотнища. Из-под джемпера Анатолий вынул красное полотнище.

— Олечкина простынка...— прошептал Анатолий.— Мать все ищет, куда она могла деться.

Он быстро прикрепил полотнище и еще быстрее взобрался с ним на крышу дома. Через несколько минут Анатолий стоял около Миши, тот, как ни в чем не бывало, выглядывал в ворота, будто проверяя улицу.

А потом они вошли в здание.

— Нет, долго холода не выдержишь,— заявил, входя в помещение Миша.

— А хвалились, будто целые полчаса простоите,— проворчал кто-то из полицаев.— Кому черед?

Вышел тот, который был одет потеплее. А друзья, чтобы не возбуждать подозрений, разделились, отошли в сторонку.

Важно расхаживал дежурный по двору полиции в то время, как на здании развевалось красное полотнище с яркими буквами: «27 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Смерть немецким оккупантам».

Снимая такой же флаг со школы имени Ворошилова, начальник полиции вдруг получил сообщение, что и на здании его полиции развевается красное полотнище. Как ужаленный бросился он туда и, задыхаясь от злобы, ринулся срывать и это. Но его уже видели многие краснодонцы. Знамя теперь было в каждом сердце, весть о нем передавалась из уст в уста. Дерзость подпольщиков рождала легенды, бодрые и ясные, волнующие и незабываемые.

Группа Сергея получила задание расклеить листовки на самых видных местах города. Дежурным в полиции был Миша Григорьев.

Была лунная ночь. Вынырнувшие две фигуры старались держаться в тени. Они быстро достигли здания полиции. Степа Сафонов мазнул забор, а Сережа пришлепнул бумажку.

Стоявший у двери «полицай» повернулся к ребятам спиною.

Но вдруг раздался приглушенный свисток и, вздрогнув от неожиданности, «полицейский» увидел одного из самых лютых катов полиции — Захарова. Он двигался на него, свирепо глядя в лицо.

— Кто был здесь?

— Никого я не видел,— отвечал Миша-«полицай».

Осветив забор фонариком, Захаров прочитал листовку и буквально пришел в ярость. Наступая на Мишу, он загнал его в помещение и приказал разоружить.

Целую неделю держали Мишу в каземате, допрашивая каждый день. Спокойные ответы Григорьева приводили в ярость Захарова, и он обычно разражался страшной бранью, ручкой нагана бил по лицу, выкручивал руки.

— Ты видел, кто клеил листовку! — орал Захаров.

Не добившись ничего, он приказал дать ему 25 плетей и, когда Миша потерял сознание, велел облить водой и вынести.

Заболел Миша нервной горячкой. И когда Захаров увидел, что больше уж ничего не добьется от Григорьева, он разрешил отправить его домой.

Две недели в бредовой горячке пролежал Миша, истерзанный, побитый, трудно узнаваемый после пыток и перенесенных мучений.

Вспоминается мне встреча с Мишей в бытность его в полиции. Я зашла в дом Григорьевых. Меня встретил Миша, заботливо усадил, а потом вдруг спросил:

— А помните, Анна Дмитриевна, чему вы нас учили?

Я немного потерялась.

— Забылось, может. А я помню...

Не знала я, как с ним разговаривать. Смущал меня его полицейский наряд. Я засуетилась, собралась уходить, а Миша все старался меня задержать. Он не совсем ловко вел разговор, перескакивая с одной темы на другую, и вдруг, понизив голос, сказал:

— Правда, мне идет этот шутовской наряд! — и показал на повязку полицейского.

Чем-то озабочен он был, что-то хотел сказать — объяснить больше, в чем-то оправдаться.

— Во всяком наряде, Миша, нужно быть человеком,— отвечала я, торопясь уйти.

Слова его долго меня волновали. Вспоминались рассказы матери — «так надо»... Я затруднялась все объяснить. И только после того, как на здании полиции взвился красный флаг, а столкнувшись с Мишей на улице (мы жили почти соседями), я услышала:

— Видели вы на школе флаг? Гордитесь, Анна Дмитриевна! Ваши труды учителя даром не пропали!

Я кое-что стала понимать.

Сам он при этом так скромно улыбнулся одними губами.

Через несколько дней я встретила Марию Александровну, Юры Вициновского мать. Она горько улыбнулась и сказала:

— Вчера нам привели двух красноармейцев. Я не могу сказать, что их привел Миша. Он не дал мне возможности к нему подойти, заметно менял голос. Но... у меня осталась мысль, что это был он.

Часов в девять вечера, в какой-то из дней октября, кто-то постучал в дверь. Мария Александровна осторожно спросила:

— Кто?

— Юрий прислал к вам на одну только ночь двух квартирантов. Примите, Мария Александровна!

Она минутку подумала, потом открыла дверь и впустила двух оборванных, полураздетых красноармейцев. Сопровождающий постарался сразу же скрыться.

— Кто вас вел?

— Какой-то полицай. На одну из улиц города нас провела девушка... Была она на коньках. Нас, большую партию пленных, гнали через город... В одном месте, у ярка, особенно густо посыпались свертки, куски. Порядок нарушился. Мы бросились собирать. В самую гущу вкатилась девушка и со словами: «катитесь в яр и лежите там» — тут же закружилась около конвоира. Смеркалось. Мы скатились в яр и лежали без движения. А потом увидели, на краю ярка стоит пацан с саночками и кричит: «Скорей, Филька, вставай, а то задавлю!» Странно все как-то получилось: будто меня он принимал за Фильку. Колонна двигалась. Никто, видно, из конвоиров не заметил нашего исчезновения. Та же девушка, неожиданно появившись, скомандовала: «Идите за мной!» Глухим пустырем, через каменный карьер пришли мы к одному домику города, и она взмахнула

рукой три раза. Тотчас же открылась дверь, и она зашла, бросив: «Подождите!»

Через минуту она вышла вот с полицаем, который и привел нас сюда. Я уже читал себе отходную и все приотставал. Видно заметил это полицай и так с ударением сказал мне: «Не вздумай бежать! Я вас приведу туда, где вам будет хорошо». Я решил — будь, что будет — и уже шел больше не размышляя.

Пока пришел Юрий, Мария Александровна помогла обмыться и накормила пленных.

Два дня они жили в доме, а потом Юрий вывел их так же незаметно ночью, как и тогда они пришли.

Желая проверить свои предположения, мать в разговоре с сыном сказала:

— А Миша, когда приводил ребят, то...

— А ты его узнала? — быстро спросил Юрий и повернул обеспокоенное лицо.

— Мне показалось, что это он...

Юрий промолчал. Видно, ему и лгать не хотелось и правду сказать было нельзя.

МАСТЕРОВЫЕ ЛЮДИ...

Немало удивляется Елизавета Алексеевна Осьмухина тому, что ее Володя так часто бегает к Лютикову. Правда, Филипп Петрович с тех пор, как уехала его семья, живет у Ковтуновых, почти рядом, а муж Елизаветы Алексеевны всегда был дружен с Лютиковым, но, чувствует материнское сердце, не это заставляет Володю часто посещать Ковтуновых, чтобы поговорить с Лютиковым.

—Володя, что общего, кроме работы, может быть у тебя с Лютиковым? В обнимку с Бараковым ходишь. Ведь свидание с ними ты предпочитаешь даже встречам с товарищами, с девушками!

— Нет, мама, кое-кого из девушек я всегда рад видеть...

— Ну, а кого?

— Да вот хоть нашу соседку Клаву Ковалеву, Олю и Нину Иванцовых, Машенко Тосю... Считать дальше или довольно?

— Да уж довольно, озорник! С тобой ведь нельзя говорить серьезно. Все сведешь к шутке,— и Елизавета Алексеевна грустно отступала.

— Ну, мама, я пошел,— и он уходил, оставляя глубоко задумавшуюся мать, уходил тяжелым, но твердым шагом.

Боялась очень Елизавета Алексеевна за него. Еле поднявшись после операции, Володя устроился на работу. Напрасно она просила его подождать, дать возможность окрепнуть швам, Володя ничего не хотел слушать. «Все ребята работают, мне не годится от них отставать». И он устроился к Лютикову, в мехцех. Бок о бок работали с ним Толя Орлов, Сергей Левашов, Анатолий Николаенко и другие.

Пристально всматривался Лютиков в черты лица Володи Осьмухина, и перед глазами оживал образ его друга — отца Володи, с которым Лютиков не однажды делил горе и радости. Чувствовалось, что и Володю тянет к Лютикову и не довольствуется он уже тем, что встречается с Филиппом Петровичем в цехе.

Придумав какой-то благовидный предлог, Володя явился к Лютикову на квартиру. В комнате он встретил Соколову. Она как-то особенно внимательно посмотрела на Володю.

— Так я и не продала ваши валенки,— сказала она Лютикову, словно бы продолжая прерванную беседу.— Еще разок снесу их, а там, если не дадут подходящую цену, верну вам.

Володю поразил контраст между словами женщины и тем пристальным вниманием, с которым она посмотрела на него, точно стараясь поглубже проникнуть в душу. Затем последовало и вовсе неожиданное: Соколова приблизилась вплотную к Осьмухину и, как у старого друга, спросила:

— Оружие есть?

Володя смутился, вопросительно посмотрел на Лютикова.

— Галина Григорьевна поможет его достать,— спокойно, как ни в чем не бывало, произнес Лютиков.

Володя молчал. Соколова ждала.

— Я вам устрою свидание...— ответил наконец Володя.

Лютиков улыбнулся: сдержанный ответ парня ему понравился.

Часы показывали восемь, когда на тротуаре Банковской улицы появилась тень человека в теплом пальто, шапке-ушанке. Человек немного сутулил плечи, старался держаться в тени и никому не показываться на глаза. Даже близкие знакомые с трудом бы узнали в нем Ваню Земнухова.

Навстречу вышли двое, и все вместе молча проскользнули в калитку двора Ковтуновых. Ворота плотно закрылись, и вновь наступила полная тишина. Володя Осьмухин и Соколова с минуту стояли, прислушиваясь.

— Так вот ты какой! — сказала Соколова, повернув Ваню Земнухова лицом к свету.

Протирая запотевшие очки, Ваня деловито спросил:

— Чем вы располагаете?

— Хоть роту и ту можем вооружить.

Довольная улыбка мелькнула на лице Земнухова, и он вполголоса сказал:

— Когда и кто привезет оружие?

— Все будет ладно,— успокоила Соколова.— Да ты не сомневайся,— она подошла ближе к Земнухову.— Мне Филипп Петрович посоветовал...

— Да, подтвердил Осьмухин.

Ваня не торопился с разговором. Он натянул очки, поправил их, оглянулся вокруг.

— Думаешь? — спросила Соколова.

— Думаю, хватит ли квартир, чтобы сразу спрятать раненных бойцов. Но надеюсь, будет столько, сколько надо.

— Вот и ладно,— сказала Соколова.

— Время и место — дополнительно. Перед выступлением — совещание на тринадцатом квартале у дяди Коли,— сказал Осьмухин, имея в виду Баракова.

— А теперь по одному выходить.

— Десять часов, а свободное хождение до шести часов.

— Ну, задержались чуток — велика ли беда,— пошутила Соколова.— Перебежать ведь тут недалеко...

Эта встреча произошла накануне операции 18 декабря — освобождения военнопленных из Волчанского лагеря.

На другой день Ваня Земнухов, как всегда, на площади встретил Нину Иванцову и сообщил ей о разговоре с Соколовой.

— Ваня, я скажу девушкам, чтобы готовили квартиры к восемнадцатому декабря. Но я не смогу повидать всех ребят. Они заняты. Может, ты это сделаешь через своих? Ведь людей нужно много. Придется взять из периферии. Тут ведь дело серьезное, такое, какого еще не было до сих пор.

— Ниночка, моя разлапушка, нет косолапушка,— пошутил Ваня,— действуй. Особенно нажми на первомайцев. У них там жилье разбросано, удобно провезти, не заметят. Если все обойдется благополучно, дела у нас пойдут еще лучше.

16 декабря в квартиру Николая Петровича Баракова должны были поступить сведения о готовности операции, назначаемой на 18-е декабря. Немало народу побывало в этот день и вечер здесь. Да и дело, которое предстояло решать, было необычным: отбить военнопленных Волчанского лагеря, который переводится в другое место и должен проследовать через Краснодон,— операция дерзкая и опасная.

Появляясь в квартире, все говорили почти одно и то же: к операции готовы. С каждым в отдельности, с двумя-тремя вместе вел разговор Николай Петрович Бараков, а затем пришедший Филипп Петрович Лютиков.

Почти в конце дня, наблюдая за дорогой, дежурный сообщил, что вдали показались три фигуры.

— Кто? — спросил Лютиков.

— По-моему — чужие,— ответил дежурный.

— Надо немедленно уходить,— приказал Лютиков.

Возможность была единственная — подняться на чердак, пересидеть там или выбраться через слуховое окно на крышу и затем спрыгнуть как раз в том месте, где начинался пустырь. Подчиняясь приказу, все быстро поднимались по лестнице.

Николай Петрович Бараков поднялся последним, втащив за собой лесенку. Казалось, глаза ребят светились в темноте. Уля, опустившись на какой-то ящик, застыла. Около нее привалился Анатолий Попов, держа автомат наизготове. Глубже сел Володя, положив голову Толи Орлова себе на колени. Кашель, раздирающий грудь Толи, очень беспокоил всех, и Володя заранее велел ему дышать только через войлок. У люка положили топор. Гранаты сложили в углу. Около них полулежа примостился Виктор Лукьянченко. Все было расставлено так, что в случае защиты, огонь может быть направлен на влезавшего, не задевая своих. Западный угол оставался открытым. У люка, с одной его стороны, сидел Лютиков. Минутами он закрывал глаза, весь превращаясь в слух. С другой стороны, направо, сидел Бараков, на бледном, нервном лице которого все время играл тик, подергивая левую бровь. Казалось, левая половина его лица живет совершенно самостоятельной жизнью. Он тоже весь превратился в слух.

Вера Александровна, жена Баракова, торопливо наводила порядок в комнате. Стулья были расставлены. Забытый кем-то шарфик она убрала подальше.

И едва успела все сделать, как в дверь громко постучали. Вера Александровна открыла. В комнату ввалились завхоз мехцеха Ключ, немец Витлер и еще какой-то полицай, которого женщина видела впервые.

— Ваш муж дома? — с трудом говоря по-русски, спросил немец.

— Нет, он еще не приходил с работы.

— А там кто лежит?

— Дети... киндер, киндер...

— Сколько?

— Трое.

Полицай молча приблизился к кровати и резко сдернул с детей одеяло. Они лежали на кровати, прижавшись друг к дружке. Младший, чуть приоткрыв глаза, чмокнул и, согнувшись в комочек, затих.

Глаза Ключа воровато бегали по комнате.

— Немного непонятно,— пробормотал он,— нет дома Лютикова, нет Баракова... А где же они могут быть? Вечер подошел.

— Мы делай обыск,— резко произнес немец и заглянул под кровать.

Полицай открыл шифоньер.

— Открывай сундук!

Ключ вышел в коридор и опытным глазом вора сразу уставился на потолок, где так ясно обозначались линии чердачной крышки. За ним вышли немец и полицай.

— Ход на чердак? — спросил Ключ.

— Да,— быстро ответила Вера Александровна.— Принести табуретки? Мы их ставим одну на другую, да так и добираемся. Лестницы-то нет...

Ключ выдавил доску люка суковатой палкой. Посыпались мусор и тряпье.

— Это что?..

— Мы давно лазили на чердак. А дом ведь не новый.

Ключ переглянулся с полицаем и коротко бросил:

— Не нужны табуретки!..

Немец направился к выходу. За ним пошли полицай и Ключ. Собака протявкала им вслед.

Вера Александровна поспешно прикрыла дверь, стояла, прижавшись к стенке, бледная, усталая. Николай Петрович быстро спустился вниз, подошел к жене.

— Испугалась?

— Нет, устала почему-то...

Ребята тихо спускались вниз. Но тишина то и дело нарушалась шутками. Шутили над Ваней, который потерял очки, с трудом отыскал их на чердаке и теперь вытирал от пыли и пристраивал на носу. Уля нервно перебрасывала косы с плеча на плечо, вплетая и вновь выплетая ленточку. Толя теперь «вволю» кашлял. От перемены воздуха кашель особенно распирал грудь. Как намокшая и нахохлившаяся курочка сидела на этот раз Нина Минаева, которую все хотел потянуть за косу Толя Орлов. Он только что делал такую попытку, как от резкого движения головы Нины коса проплывала мимо рук Толи.

Лютиков хмурился. Происшедший случай ему очень не понравился. Поймав Володю за руку, он втолковывал ему:

— Разве можно так собираться? Надо было поставить задачу перед командирами и выходить прямо на задание. А так, поди знай, или проявляй заботу о проведении операции, или начинай немедленно с уничтожения предателей и немцев. Сколько всего ребят?

— У нас наберется человек тридцать ребят, да с десяток девушек можно вооружить,— отвечал Земнухов.— Имеется верных двадцать квартир. В нашем распоряжении человек двадцать — двадцать пять мальчишек.

Приблизился Женя Мошков.

— Я выбрал чудесное место возле моста для станкового пулемета. Ничего лучшего для начала операции нельзя и найти. Балочка подходит к самому мосту. Вот только где будет склад оружия для пленных? Нам точно известно, что привал предполагается на колхозном дворе, в сараях. Предполагают, что идти будут поздно и такую массу людей не смогут устроить в одном месте в городе, а сараи конвоиров устраивают. Может быть, сделать склад недалеко от сараев?

— А не лучше ли в саду,— сказала Уля.— Ведь сад Деревянко — под горой, почти упирается в мост.

— Да, пожалуй, там лучше,— согласился Лютиков.— По сигналу обстрел начинает группа Сергея. Пулемет вводится в действие только при необходимости. Нужна быстрота и решительность. Я знаю, что у вас народ горячий. Да и немало вас, и командиры есть неплохие. Это ведь командиры Советской Армии. Я только об одном прошу: будьте осторожны. Не доверяйтесь непроверенным людям. Пусть он хоть трижды с тобой учился, за одной партой сидел. А если не проверен — молчи, не доверяйся.— Лютиков окинул всех внимательным взглядом.— А теперь по домам, но в одиночку. До скорой встречи...

ПОСЛЕ ОПЕРАЦИИ

В глубокой задумчивости сидел Лютиков, подперев щеки руками. Почему операция не удалась так, как она намечалась? Где был сделан неверный шаг? Как будто ведь все было предусмотрено. Силы хорошо расставлены. Ну, а почему был усиленный конвой, когда Ольга Иванцова и Соколова уверяли, что его не будет? Откуда взялся, кем был послан наряд полиции? Неужели кто-нибудь работает на два фронта? Но кто? Кто? Вот вопросы, которые не давали покоя Лютикову.

Кто?

В сознании Лютикова выплывала фигура завхоза Ключа, его осторожный, вороватый взгляд из-под чер-

ных мохнатых бровей. С некоторого времени Ключ устроил в мехцех учеником токаря своего сына Валентина, который заметно льнул к молодежи. Уж сколько раз пытался Лютиков сказать Володе Осьмухину, чтобы тот был осторожнее с Валентином, да все приглядывался сам, выжидал. Как-то в случайной беседе старый Ключ, как бы нечаянно, показал свою партизанскую книжку времен гражданской войны, присовокупив: «когда-то мы сами были с усами, а теперь пришибла старость». Но как объяснить не вызывающее сомнения появление Ключа в квартире Баракова в обществе полицая и немца? Он сам подошел к Лютикову и свое появление у Баракова объяснил тем, что-де ему предложили показать квартиру Николая Петровича, а отказаться он не мог. Этак ему предложат все, что угодно, и он выполнит с таким же рвением любое приказание немцев и полиции.

Да, решил Лютиков, от завхоза нужно держаться подальше.

В цехе набралось тринадцать человек военнопленных. Пора разгрузиться. Они стали уж очень заметными среди общей массы.

Уже вечерело, когда Володя Осьмухин подошел к окраине города, где была квартира Орлова. Хороший вид открывался со двора. Тут тебе, как на ладони, шахта 2—4, разрушенное здание городской бани, впоследствии оружейный склад «Молодой гвардии». Подойти к Толиному дому можно с какой угодно стороны — будет незаметно. Это было важным для ребят.

Они приходили к нему в любое время и с самыми неотложными делами.

Когда Володя появился, Толя, как обычно, работал в своей мастерской — летней кухонке, что стояла в глубине двора. Летняя кухня была «резиденцией» Толи, куда «непосвященный» зайти не мог. Володя постучал. Звякнул крючок, и Володя вошел, так же тщательно заперев дверь. Кухня была обставлена с некоторым удобством. У глухой ее стены даже стоял диван, который вынесли в кухню за негодностью. Вот к этому-то дивану и направился Володя.

— Сегодня меня вызывают в штаб,— начал он.— Приходила Ольга Иванцова. Явилась прямо в цех. А тут,

как на грех, явилась целая комиссия во главе с механиком Витлером. Ольга не растерялась, в руках у нее оказался узелок и кастрюлька.— «Где же Иван Маркович? — затараторила она погромче.— Остынет весь обед». Витлер понимает по-русски. Глянул на нее, ничего не сказал. Ему и не до нее было. Узнал об аварии и ждал он Лютикова и Баракова, чтобы выяснить причины аварии. Ольга возилась с узелком. А тут уже — Лютиков и Бараков.

— Почему двигатель вышел из строя? — заорал Витлер.

— Вы же механик и знаете, что каждая машина может выйти из строя,— спокойно произнес Лютиков.

— Молчать! — крикнул взбешенный немец.— Когда будет исправлена?

— Трудно сказать,— ответил Лютиков, делая вид, что подсчитывает дни.— Не раньше двадцать пятого декабря...

Немец перекосился от злости, услышав о таком дальнем сроке. Но нечего делать, согласился. Повернулся и ушел.

А Оля, оказывается, не могла утерпеть, прибежала в мастерскую, чтобы узнать, надолго ли выведен из строя двигатель.

Анатолий и Володя сидели, обсуждая последние новости. Володя говорил об огромных возможностях в связи с пополнением мастерской военнопленными. Толя хмурился, собирая разбросанный инструмент...

— Знаешь, Володя, ты может и прав... Но что-то мне очень не нравится наш завхоз... А как твой приёмник? — вдруг спросил он.

— Почти готов, да ламп не хватает. Вчера заходил Сергей. У него ведь все можно достать, а вот тоже нет. Если бы ты знал, как он обрадовался увидев приемник! Ты ведь знаешь Сергея. Так и загорелся весь. Одно твердит: «надо передать, пусть и они слушают!» А куда передать, кто будет слушать. Он чем-то очень озабочен. Я понял так, что он скоро опять уйдет в разведку. К нашим проберется.

Немцы объявили траур после разгона группы Манштейна. Никогда до этого не блестели у ребят так глаза,

не излучали они столько света, как в эти «дни траура». Никогда до этого не было в городе столько листовок, освещающих истинное положение вещей, как в это время. Работы Земнухову было по горло. Ведь теперь вся она была сконцентрирована в руках штаба, все санкционировалось им, все было подчинено его воле.

Немецко-фашистское командование, обжегшись на Сталинграде, все еще не расставалось с мыслью захватить столицу нашей Родины — Москву. С замиранием сердца слушали ребята скупые сообщения о положении под Москвой. Омрачались лица их, когда фрицы хвастливо объявляли о своих победах и продвижениях. В один из вечеров, которые проводила теперь молодежь в клубе имени Горького, где директорствовал Женя Мошков, фрицы потребовали объявить, что предполагается парад фашистских войск в Сталинграде. Но ребята уже имели сведения об успешных боях наших войск на Сталинградском фронте и сообщение о параде прозвучало, как шутка.

ЦЕНА ЖИЗНИ

Если для молодых подпольщиков города заведующий мехцехом Лютиков являлся тем центром, около которого собирались ребята, то для шахтеров и граждан города это был предатель, человек, который «работает на фрица». Филипп Петрович хорошо видел взгляды шахтеров из-под насупленных бровей. Они жгли ему спину. Он старался их не замечать. При встречах со знакомыми он знал, что тот отведет глаза и не ответит на поклон Лютикова. Таких встреч Филипп Петрович избегал. Вздохнет глубоко, печалью подернется его лицо, но как только переведет он взгляд на ребят, лицо вспыхнет, глаза блеснут, и отгонит он только что навалившуюся тяжесть, как нехороший сон. Как можно реже старался он появляться на улице, в среде шахтеров, часто посылая вместо себя в город Николая Петровича Баракова. Баракова в городе знали немногие. Работал он до этого на шахте имени Энгельса и знакомых в городе почти не имел.

Как-то Филипп Петрович возвращался домой довольно поздно (он имел пропуск на такое позднее хождение).

Подходил он уже к калитке Ковтуновых, когда большой кусок колчедана влип в калитку, чуть минуя голову Лютикова. Филипп Петрович повернулся. В тридцати шагах от него метнулась фигура человека. Лютиков обратился к нему:

— Не попал, друг, промахнулся!..

— Змея! — последовал ответ.— Не уйдешь все равно! Найдем — настигнем! — человек исчез.

Подобрал Лютиков лежавший кусок колчедана и держал его у себя на столе.

— Он мне напоминает о многом,— говорил Филипп Петрович.

Однажды хозяйка вздумала переложить камень, попутно спросив:

— И чего это вы породы наложили на стол?

— А вы не вздумайте ее выбросить. Это цена моей жизни. Как взгляну, так и вспомню обо всем... Сразу яснее станет в мыслях.

Так и держал породу, что дорогую для себя вещь.

На вопросы людей, что посещали Филиппа Петровича, отвечал:

— Моя награда, потому и берегу.

Уж потом, когда забрали Филиппа Петровича, и он больше не вернулся, Ковтунова выбросила камень.

Лишний, совершенно лишний камень.

В замасленном полушубке Осьмухин пошел по дороге к мехцеху, решив попутно зайти к Земнухову. У калитки дома стоял отец Ванюши и, прикрыв глаза рукой, что-то рассматривал на площади. Стояла тут же и мать, вытирая глаза концами платка. Она плакала. Еще не понимая, что произошло, Володя негромко, но торопливо спросил:

— Ваня дома?

— Повели Ваню,— сказал отец и трясущейся рукой показал на площадь.

Володя метнул быстрый взгляд на площадь. Стоял он не больше минуты, а затем бросился в направлении механического цеха. Он побежал. «Неужели разгром? Неужели все кончено?»

Он и не заметил, как столкнулся с Олей Иванцовой. Оля увидела его первая и взяла за руку.

— Забрали Мошкова, Земнухова, Третьякевича,— сказала она тихо. Повели кого-то из Первомайки, когда я уже шла сюда... Положение серьезное. Нужно выручать товарищей. Средств и сил хватит.

Володя внимательно слушал Олю, и, кажется, думал о чем-то крайне необходимом, как-будто силился что-то вспомнить.

— Ага, вот! В цеху набралось свыше десяти военнопленных, им нужно сигналить о том, чтобы они уходили.

Прошло несколько дней...

При мехцехе была организована столовая, где раздавалось скудное питание по повышенным ценам. Столовой пользовались преимущественно бойцы (отбитые пленные), которым нужно было пережить неблагоприятное время. Их всегда можно было найти там. Бойцов стало меньше, некоторые ушли. Но все труднее было доставать документы.

Володя шел в столовую, когда из-за угла здания показались белые повязки полицаев. Они направлялись в мехцех. Володя юркнул в столовую, шепнув выходившему Коле Румянцеву:

— Полиция!

Чуть побледнело лицо Румяцева, но ни один мускул не дрогнул, когда он выходил из столовой. Вот он направился к полицаям, вот минул их, но в этот миг встретился взглядом с Валентином Ключом, который догонял полицаев. Осталось завернуть за угол и... раздался окрик:

— Господин, подождите!

Румянцев понял, что теперь не уйти.

— Вы арестованы! — и белая повязка стала рядом.— Руки назад! — и на глазах целой толпы людей руки Румянцева были крепко связаны.

В столовой был Ваня Туркенич. В рабочем костюме он мог сойти за кадровика, благо кругом стояли все свои ребята.

— Забрали, забрали!..— катилось по залу.

— Уйду, выпрыгну в окно, уйду,— и Ваня придвинулся к углу стола, который упирался в окно. Протирая окна, уборщица плохо прикрыла его. Массивная ручка

свободно повернулась под нажимом руки Туркенича, и через минуту Ваня был за окном. Рома Соловьев сразу же прикрыл раму. Но Валентин Ключ все же заметил, как выпрыгнул Ваня. Полицаи бросились в дверь, чтобы поскорее добраться до глухого окна. Однако тщательные поиски не дали никаких результатов. Туркенич точно в воду канул.

Удалось ему уйти из-под ареста, удалось и фронт перейти.

Вместе с передовыми частями Красной Армии он вошел в Краснодон.

Туркенич вышел из Краснодона в десять часов вечера. До Первозвановки — 30 километров. Добраться туда он смог только к пяти часам утра. Наметенные сугробы, незнание дороги — все это замедляло его продвижение. Он выбивался из сил, изнемогал, но шел и шел вперед. Село просыпалось. Нет-нет, да и мелькнет огонек кое-где. Редкие петухи подавали голос. Это означало, что захолустное село довольно далеко отстояло от железной дороги, не видело массового постоя немцев, а следовательно, и всех его последствий.

Вон там, около балочки, и домик Панаса Перебейнос. На фронте Панас с Туркеничем сдружились. В механической ремонтной мастерской работал Панас по своей специальности монтера-механика. Туркенич служил офицером-артиллеристом в одной из воинских частей. Из Краснодона, земляк, вот что вначале свело этих двух разных людей. А дальше знающий мастер Панас не раз оказывал неоценимые услуги Туркеничу. Когда же и домой пришлось им прибыть вместе (обоим после ранения), то это и вовсе их сблизило.

По дороге вспомнил Туркенич о семье своего друга. Домик стоял на окраине, и он решил искать там приюта. Панас оставил дома жену Дарью Васильевну и двух малолетних детей — Вовке 6 лет и Аллочке 4 года. Называла Дарья Васильевна Туркенича кумом, сначала в шутку, а потом и всерьез, по младшей девочке, которая звала его своим «крестным».

Ради шутки тогда спрашивали девочку:

— А тебя-то он крестил, что ты называешь его крестным?

— Он мне сам сказал, что будет называться моим крестным.

Дарья Васильевна была здоровым, работоспособным членом сельхозартели, но отсутствие мужских рук в доме, все же было сразу заметно: обветшали заборы, не всегда было подвезено топливо, разломались двери в хлеву.

Вот сюда-то и постучал Туркенич в пять часов утра 12 января 1943 года. Тревожно из-за двери окликнули:

— Кто?

Узнав голос Туркенича, Дарья Васильевна сразу же открыла дверь.

В доме весело потрескивал огонек. Отодвинув прялку в угол, Дарья Васильевна подошла к кровати и проговорила:

— Аллочка, а к нам в гости пришел твой крестный!

Дети проснулись. Вова сразу забрался на колени гостя и все удивлялся, почему он так долго не дает ему гостинца.

— Мне нужно, кума, с тобой поговорить...

Вышли они в другую комнату, которая теперь служила кладовой. Сюда выносили оставшийся обед, здесь стояли ящики, хозяйский сундук. Стояла здесь и кровать с разобранной постелью, столы, стулья. Все это ожидало теплых дней, когда комнату можно сделать жилой.

Дарья Васильевна сразу все поняла.

— Дверь можно держать всегда на запоре. Стукнет кто, сейчас же сюда. На дверях крючок есть и оттуда и отсюда. Ко мне очень редко кто заходит. Я ведь живу на окраине, и даже мимо-то никто не ходит. Тут у нас через это хорошо. А мой-то Панас прислал перед приходом немцев письмо. На Харьковском он направлении. Догадалась я, как он написал, что проходили станцию они, где когда-то мы с ним сидели, все не могли попасть на поезд. Люботин называется. А может и не так, не помню...

В разговоре подошло и утро. Дети уснули.

Вдруг собака залилась лаем. Кумовья прислушались. Кто-то шел к домику. Звякнула щеколда и послышался голос «блюстителя местного порядка», полицая Стриженко. Он пришел с двумя женщинами. Причина прихода оказалась не опасной. Но если бы не гость... В конце двора, на балочке, стоял колодец, снабжавший водой близлежащие 6—7 дворов. Работал колодец

воротком, на цепи которого было привязано ведро. Поздно вечером набирала воду Дарья Васильевна, а явившиеся утром за водой женщины не обнаружили ведра.

— Как хочешь, Васильевна, на тебя падает подозрение, и мы решили сделать обыск.

— А в чем дело? — говорила бледная хозяйка, поправляя на голове только что надетый платок. Потом сообразила как быть.

— Я собралась к корове пройти, она вот-вот отелится. Может, пока вместе поглядим? — и она увлекла за собой соседок.

Обманутый создавшейся тишиной, Туркенич вышел в первую комнату и нос с носом столкнулся со Стриженко. От неожиданности тот выронил винтовку. В одно время нагнулись за ней и Туркенич и Стриженко. Один конец оказался в руках Туркенича, другой — в руках Стриженко. Затягались.

— Слушай,— сказал Туркенич,— ты ведь жить хочешь. Хочу жить и я. Молчи о том, что встретил меня здесь.

Стриженко испугался, побледнел, губы его дрожали. Стриженко, наверное, не так уж хотелось служить в полиции, он опасался обидеть кого-нибудь из своих. Он знал Панаса, видел как-то и Туркенича. Но признать его, сразу не признал. Решив, что здесь «любовное дело», Стриженко обещал молчать, а вернувшиеся женщины сказали, что ведра нет и задерживаться нечего. Ушли «гости».

Бледная, растерянная хозяйка сидела у стола, подперев голову руками. Здесь же сидел и Туркенич, решив отправляться в путь, теперь уже по новой дороге.

И не напрасно он это решил.

Прошло часа три-четыре после ухода кума, когда к Дарье Васильевне явились уже два полицая со старостою деревни за Туркеничем.

Выходя из села, Туркенич направился по новой дороге в направлении фронта. Морозы на редкость стояли жестокие. Уже не чувствовал ног путник, несмотря на то, что на ногах его были валенки. Мороз пробирался во все щели и, казалось, решил доконать его на этот раз. А фронта все не слышно и не слышно. Может, с дороги сбился, хоть и показала ее девушка с синими глазами, которая так жалостливо смотрела на него и, заметив

старые варежки на руках Туркенича, торопливо сбегала куда-то и принесла новые меховые рукавички, что так хорошо держали тепло. Еще решил Туркенич передвинуться теперь вправо, как вдруг снег точно расступился и он провалился в какую-то яму. Свет от ручного фонарика ударил ему в запорошенное лицо. Он услышал:

— И кто же это к нам в гости пожаловал?

Туркенич поднялся. В углу закопошилась фигура отдыхающего бойца, а потом он вдруг вскочил, точно по заведенной пружине:

— Ваня, друг, как ты попал к нам? — кричал Панас, проснувшийся от шума и теперь приветствуя друга.

Так и удалось Туркеничу Ивану уйти из-под ареста.

Так удалось ему перейти фронт.

Вместе с передовыми частями нашей армии он вошел в город Краснодон.

АРЕСТ СЕРЕЖИ

Один Гаврила Петрович из семьи не знал, что Сережа вернулся с той стороны фронта. Проснувшаяся Маруся, сестра Сергея, рассказала ему, что к ним наведывались «гости»-полицаи, все спрашивали, не вернулся ли Сергей.

В коротких, скупых словах говорил Сережа о том, как и где расстался с Надей. Удалось ли ей попасть к нашим — этого Сергей не мог сказать.

— Надя не пропадет, да и не одна она, с Дашей.

Как сквозь сон слушал Сережа, что говорила Маруся.

— Говорят, вывезли ребят в Ровеньки, да думается мне, их тут побили... Отоспись, промоем рану, да надо тебе спуститься в заброшенную шахту, пока подживет рука, и все обойдется.

— Нужно знать, кто еще здесь...— как в полузабытьи говорил Сережа, уже засыпая.

Чуть брезжило утро. Кто-то нетерпеливо постучал к Тюлениным в дверь. Вошла соседка Максимовна.

— Вот погодка,— говорила Максимовна, посматривая по углам.

— Чего куксишься,— обращаясь к ребенку, говорила соседка.

— Нет дяди, некому печенья носить. Вишь, как захирел ребенок.

— Онь...— сказала Валя, указывая пальчиком на загородку и, не успела Александра Васильевна сообразить, как Максимовна открыла полог и увидела лежавшего на постели Сережу.

— Ага... Пришел значит,— у Максимовны блеснули глаза.

Она сразу же ушла. А мать тревожно ходила с ребенком на руках по комнате, все вновь и вновь переживая только что происшедшую сцену. Тревожно было на душе у нее, и она уже несколько раз заглядывала за перегородку. Сладко спал Сережа. Не отрываясь смотрела мать на своего последнего... Как будто исхудал он... побледнел... Казался он таким маленьким, что Александра Васильевна на минутку даже забыла, что Сереже уже 17 лет.

Успела сообщить теперь она Гавриле Петровичу о том, что Сережа пришел ночью. Она уж и завтрак приготовила, испекла оладьев из последней муки, а он все еще спал. Встрепенулось сердце, когда в сенях послышалась возня, а затем мужские голоса.

В комнату вошли два полицая.

Сережа сел на постели, бессмысленно, спросонья посмотрел вокруг и начал торопливо одеваться.

— Нам-то тебя, сударь, и надо! — сказал полицай постарше.

— Давно тебя караулим! Насилу дождались! Ну-ка, скорей собирайся!

Вихрем в голове проносились мысли у Александры Васильевны. Передав ребенка кому-то из дочерей, она протиснулась за перегородку и, упав на колени, руками, как клещами, зажав полу шинели полицая молила:

— Возьмите все, что у нас есть... деньги... вещи... корову отдам... Скажите, что не застали Сережу... ушел уже...

Она отвернулась и велела Марусе принести коробочку с двумя золотыми кольцами. Маруся принесла и мужской костюм, который готовилась променять на хлеб.

Заколебались полицаи. Стали совещаться между собой... Но у двери показалась голова Максимовны, и это решило все.

— Теперь нельзя ничего сделать,— сказал полицай постарше.

Вновь бросилась Александра Васильевна к полицаям. Они равнодушно поглядывали на плачущую женщину.

— Свою голову за него мы не подставим.

Он все вертел в руках коробку с кольцами и брошью, а потом решительным жестом опустил в карман.

Сергей стоял, с ухмылкой поглядывая на полицая.

—Ну, мать, прости! Из одного пекла ушел, да в другое угодил. Отоспаться захотел...— кого-то передразнил он.— Вот и отоспался. Прощай, отец... Прости, Маруся,— и он нагнулся к ней с поцелуем. Правда, он пришелся в ухо, и Маруся услышала: «Сейчас же предупреди Григорьева, Ковалева, Вициновского...»

Не договорил Сережа. Появился фриц в обществе двух полицаев. Прихлестывал он все плеткой, держа автомат наизготове.

— Собирайся, старый собак! Вместе с сыном пойдешь!

Почти рада была Александра Васильевна тому, что их забирают с Сережей.

«Когда меня втолкнули в застенок,— рассказывала потом Тюленина,— какой-то сплошной шум оглушил меня. Сердце точно окаменело. Пристроилась я в сторонке и села на пол. Скоро из общего шума стали выделяться отдельные голоса. Вон там лежит спиной вверх Нюся Сопова, косы, как змеи, обвивают туловище. Светлая блузка с пятнами крови на спине — огрубела и при малейшем движении причиняла нестерпимую боль. Девушка, как в бреду, что-то шептала и только изредка можно было понять: «приказ штаба, выручить товарищей...», а дальше ничего нельзя было разобрать. И вдруг попросила пить... Это я поняла хорошо. Осмотрелась кругом. На окне стояло ведро. Зачерпнув воды, я поднесла пить. Она жадно прильнула к кружке.

— Спасибо, бабушка! Как вы попали к нам? Кто вы?..

— Я Тюленина, Сергея мать...

Точно электрический ток прошел по телу девушки. Она своей рукой сжала мою руку и тихо спросила:

— Он здесь?

Загремел замок, и в открывшуюся дверь крикнули:

— Тюленина, бабка, на допрос!

У меня замерло сердце. Я зачем-то торопливо поправила платок, поднимаясь с пола, и вышла из камеры, как мне показалось, боком.

— Сюда! — крикнул полицай, когда мы двинулись по коридору. Он открыл одну из дверей, в которую и пропустил меня.

В комнате сидело трое. Один весь в табачном дыму. И еще... в изодранной рубахе, с заплывшими глазами, с опухшим лицом...

— Сережа!..— и я рванулась к нему.

Сынок пристально, в упор посмотрел на меня, точно сказать хотел что или предупредить о чем.

— Стой здесь! — дернул меня за руку полицай.

Допрашивали Сережу. Поняла я, что вызвали меня за тем, чтобы я посмотрела, как мучили они его и издевались.

— Где был, кто посылал, что видел,— расскажи сейчас же.

Поднял голову Сережа и, повернувшись к немцу с искривленным лицом, с горевшим ненавистью взглядом, сказал:

— Ничего вы, гады, от меня не услышите. За нас скажет вам наша Советская Армия.— Сережа даже руку поднял.—Вы слышите... слышите...

Немец что-то сказал другому, и я увидела, как тот сорвал с руки Сережи повязку и схватил в руки железный прут. Свету не взвидела я тут. Бросилась к нему разъяренной кошкой. Вцепилась в железо, рванула к себе.

— Изверги вы, людоеды, что делаете! — и я швырнула прут в угол.

Немец пошел на Сережу. Глаза налились кровью. Как собака накинулся на него, стал бить по лицу, по голове.

— Бей, кат! — успел крикнуть Сережа и плюнул в немца кровью.

Тут уж не помню, что и было. Что-то кричала я, бросившись к Сереже, и упала на него, закрывая сыночка своим телом. А он, открыв свои глаза, говорит мне:

— Не дразни зверей... загрызут...

И не скоро потом я услышала его шепот:

— Ты ничего не знаешь...

Поняла я, что сынок указывал мне, как держать себя...

Больше я ничего не помню...

Очнулась я в камере, где склонилось теперь ко мне лицо женщины. Она поднесла мне воды. Я пила и не чувствовала что пью. Как живой стоял передо мной Сережа, когда плюнул немцу в рожу.

И ЕЩЕ УЧЕБНЫЕ ГОДЫ...

Боевая гроза миновала...

У нас в Краснодоне, как и в довоенное время, шумная ватага детворы пошла в школу, правда, не в наше здание красавицы-школы, а другое, бывшей начальной школы им. 19 МЮДа...

Пришли мы во временное здание, принесли дорогие реликвии, все дорогое, памятное. У входа мы прикрепили мемориальную доску с именами членов «Молодой гвардии», бывших учащихся нашей школы № 4 имени Климента Ефремовича Ворошилова.

«Здесь учились члены подпольной комсомольской организации:

Тюленин Сергей
Шевцова Люба
Третьякевич Виктор
Осьмухин Володя
Орлов Анатолий
Дадашев Леня
Григорьев Михаил
Лукьянченко Виктор
Вициновский Юрий
Ковалев Анатолий
Ковалева Клавдия
Минаева Нина
Иванцова Ольга
Иванцова Нина

Красой и гордостью является у нас уголок молодогвардейцев, где они, как живые, смотрят со стены нашего зала. Портреты в рамках, а стена вся декорирована красными полотнищами. Верх покрывает лозунг: «Быть духом сильными, как «Молодая гвардия», и как они — Отчизну-мать любить».

День гибели, день награждения молодогвардейцев постоянно отмечаются нашими учащимися.

Тогда декорируется уголок живыми цветами. Намечается докладчик из учащихся, который должен в коротких, но ярких словах рассказать об отмечаемом дне и об одном из членов «Молодой гвардии». Потом выступают другие учащиеся и рассказывают о новых и новых фактах боевой деятельности молодогвардейцев.

Отряды в школе носят имена молодогвардейцев и горе тому, которого корят товарищи:

— А ты еще из отряда Тюленина! Вот поставим вопрос о переводе тебя в другую группу, чтобы не позорил отряд.

И святые их имена помогают нам растить новое поколение ребят, честных, преданных Родине, правдивых и трудолюбивых, готовящихся встать в первые ряды борцов за коммунизм.

Отыскалась парта Сережи Тюленина, за которой он сидел, и передается лучшему классу по школе, а в классе за ней сидят лучшие учащиеся. Великая честь для каждого сесть за эту парту.

Как ясно я представляю образ каждого из моих дорогих краснодонцев. Я не верю в их смерть. Нет, они живы! Мы, учителя, постоянно чувствуем, как незримо они помогают нам во всем и кажется порой, что по-прежнему звенят их голоса, звенят их песни и пылает неугасимый костер будущего, который они зажигали своими руками .

г. Краснодон 1946—1959 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Назначение 5
Пятый класс 11
Сережа-дошкольник 22
Сережа-школьник 24
Вова Забабурин 29
Люба Шевцова 35
Времена прежние 37
Во втором классе 38
Елка 39
Среди учащихся 40
Гости 49
3-й класс 51
Первые помощники 55
Отченашко 75
Анна Ивановна рассказывает 87
Любино детство 93
Настали новые времена 97
Смелая девочка 97
Юннаты 101
Школьный совет 109
Учком 115
Талант Степы Кудинова 120
Комсомольская организация 124
Юные корреспонденты 134
Книгочеи 137
Ваня Земнухов 142
Незабываемые 144
Нина Минаева 144
Володя Осьмухин 149
Толя Орлов 153
Анатолий Ковалев 156
Миша Григорьев 160
Юрий Вициновский 163
Оля Иванцова 168
Ваня Виткалов 171
Леня Дадашев 174
Вениамин Жданов 180
Виктор Третьякевич 182

Стор.

Буревые дни 188
Вечерняя школа 188
1941—1942 годы 191
Сережа изучает, наблюдает 202
Мастеровые люди 209
После операции 215
Цена жизни 218
Арест Сережи 224
И еще учебные годы 228

Колотович Анна Дмитриевна
ДОРОГИЕ МОИ КРАСНОДОНЦЫ

Редактор Т. Рыбас
Художник Л. Фильберт
Технический редактор Н. Сухаревская
Корректор Л. Свинтицкая

БВ 06103. Сдано в производство 30/VIII 1960 г. Подписано к печати 14/I 1961 г. Формат бумаги 84 х 108¹/₃₂. Печ. л. 7,25. Уч.-изд. л. 12,4. Усл. п. л. 12. Тираж 15.000. Цена 37 коп.

Отпечатано с матриц Книжной фабрики им. Фрунзе Главполиграфиздата Министерства культуры УССР, Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8, в типографии «Коммунист» Главполиграфиздата Министерства культуры УССР, Харьков, Пушкинская, 29. Зак. 687.

Цена 37 коп.

А. Д. КОЛОТОВИЧ • ДОРОГИЕ МОИ КРАСНОДОНЦЫ